

То му СТОРОНУ ЛЬДА

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

Annotation

ВАЖНО: История Торна Ландерстерга. События развиваются параллельно с историей [«Парящая для дракона. Книга 2»](#) (начиная с 6 главы). Читать книгу отдельно можно, но если вы хотите читать историю «Парящей» с начала, в этой истории будут спойлеры.

18+, очень откровенно, местами жестко

С ней будут проблемы.

Это первое, что я подумал, когда Лаура Хэдфенгер впервые вошла в мой кабинет.

С ней. Будут. Проблемы.

Я знал это с самого начала, и тем не менее выбрал ее. Домашнюю девочку, которую так просто сделать своей. Девушку, лишенную пламени, на которую мой дракон отзывается как на пару.

С ней будут проблемы.

Эта мысль до сих пор не дает мне покоя. Равно как и мысль о том, почему я позволил ей подойти так близко.

Почему позволил ей оказаться по ту сторону льда.

-
- [Марина Эльденберт](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Конец](#)
-

Марина Эльденберт
По ту сторону льда

Глава 1

— Она уехала. С ним.

Стенгерберг докладывал лично, и то, что он докладывал лично, было к лучшему. Его присутствие напоминало о том, что такое контроль. Контроль, который при упоминании о ней постоянно летел ко всем драконам.

С ней будут проблемы.

Я понял это сразу, как только Лаура Хэдфенгер впервые переступила порог моего кабинета, а если быть точным — ворвалась в него подобно ледяной волне. Хотя если уж быть до конца с собой честным, ничего ледяного в ней не было. Скорее, она напоминала весенний ветер, переменчивый и непредсказуемый.

С ней будут проблемы.

Я понял это сразу, когда почувствовал, как на нее отозвалось пламя — хотя этого не должно было быть. Лаура Хэдфенгер не была иртеханессой, и притяжение к ней было диким, иррациональным, и от этого еще более неправильным.

Когда она устроилась на стуле, демонстрируя ажурный край чулок — тогда мне показалось, что это было сделано нарочно, хотя спустя несколько дней я уже не был так в этом уверен; говоря по правде, с ней я никогда и ни в чем не был уверен, потому что все мои логические цепочки крошились об эту девушку, как хрупкие ледяные наросты — я понял, что изнутри поднимается волна звериного пламени. От желания выставить ее за дверь или просто разложить прямо на столе меня отделяли выдержка и годы тренировки контроля, который именно сейчас почему-то решил дать сбой.

— Что ж, Лаура Хэдфенгер. Почему вы хотите стать первой ферной Ферверна?

— Я не хочу.

Она смотрела в глаза прямо и открыто, и она не играла. Драконы легко чувствуют фальшь, но Лаура Хэдфенгер говорила правду. Она не хотела. В тот момент она действительно не хотела ей быть.

— Что делаем дальше?

Возвращаем.

Швыряем к моим ногам. Ее. И его. Их двоих.

Рука, покрытая чешуей, сжалась произвольно. Под защитой дракона — это был единственный шанс остановить горение — пламя по-прежнему жгло. Концентрация пламени в тот момент была такой сильной, что врачи разводили руками. Они не знали, что с этим делать. Я тоже не знал. Моя ладонь продолжала гореть, вобрав в себя такую мощь пламени, которая могла не оставить от моей же собственной резиденции ни камня. Ни крошки. Ото всех, кто там был.

Мысль об этом жгла чуть ли не сильнее, чем текущее сквозь кости и кожу пламя.

— Торн.

— Ты проверил других претенденток?

— Да, с девочками все в порядке. Единственное, я бы не рекомендовал тебе ферну Ригхарн.

— Что с ней?

— Всплыла пикантная особенность ее прошлого. Они с бывшим парнем встречались с женатыми парами, обменивались партнерами в сексе. Ее отец основательно позаботился о том, чтобы об этой истории никто не узнал, но если нашел я, найдут и другие. Чуть раньше или чуть позже.

Я повернулся к нему. Стенгерберг обладал талантом достать из-под земли то, что пытались спрятать даже в ее ядре. Я думал о том, что одно мое слово — и Лаура Хэдфенгер снова будет в моем кабинете. Здесь, где несколько дней назад я был в полушаге от того, чтобы вбиваться в хрупкое податливое тело прямо на этом столе. Чтобы позволить пламени прорваться сквозь чешую и скользить ладонью по ее коже, цепляя стоящие соски, дурея от ее рваных стонов и криков, прорывающихся на пределе сил.

Я действительно мог это сделать. И тогда, в резиденции, когда ладонь лежала на ее хрупкой шее, как последняя преграда между ней и моим звериным началом, и тогда, когда она приволокла ко мне виари, чтобы просить вернуть ее к дракону.

Я почти это сделал. Почти.

То, что я остановился в первый раз было делом привычки. Контроля, разом вырубаящего любые чувства и любые эмоции.

То, что я остановился во второй, было чудом.

Поэтому сейчас я сказал:

— Свободен, — и, оставив Стенгерберга за спиной, подошел к окну.

«Она уехала. С ним».

Раскрыв ладонь, я смотрел на текущие между чешуйками искры. Это помогало сосредоточиться, помогало справиться с тем, чего не должно было быть.

Не должно, но оно было.

Именно поэтому чем дальше Лаура Хэдфенгер будет от меня, тем лучше.

Развернувшись, приблизился к коммуникатору, коснулся панели.

— Одер, назначай собеседования. Мне нужно встретиться со всеми претендентками на этой неделе.

— Боюсь, что все по-прежнему без изменений, Торн.

Я смотрю на Ардена, а вижу аэроносилки. Белое, как снег, лицо, огромные глаза, и вспоминаю странное, непонятное чувство, поднимающееся изнутри. Мне хочется порвать всех, кто это устроил, но сейчас мне гораздо больше хочется коснуться ее лица и сказать, что все будет хорошо.

Дико?

Может быть. Я привык к тому, что все разрешается без лишних слов, здесь и сейчас, но с ней мне хочется говорить. Поэтому я наклоняюсь и убираю с ее лица прядку волос, которая ощущается легким скольжением шелка под пальцами. Этот шелк, это прикосновение тает на коже, взамен ему приходит ставшее уже привычным ледяное пламя. Сейчас я чувствую только его, поэтому смотрю на друга в упор:

— Ясно.

Мы с Арденом познакомились в академии, с тех пор наши пути несколько раз сходились и расходились, но он, пожалуй, единственный, кого я могу назвать другом. Пусть и не в классическом понимании: мы не встречаемся за ужинами, пересекаемся только по делу, но когда мы пересекаемся — как сейчас, я знаю, что ему я могу доверять.

— Ты слышал мнения разных специалистов, и все они сходятся.

— Мне не нужны другие мнения. Только твое.

— Пламя не угасает. Ты слишком мощно ударил, оборот — единственный вариант.

Оборот.

В наше время, несмотря на стремительно растущую силу, на расширяющийся от пламени мир, о нем говорят шепотом. Несколько случаев оборотов за последние шесть-семь лет обсуждают за закрытыми дверями на специальных заседаниях мирового сообщества.

Рэйнар Халлоран — глава Аронгары и его первая леди — Леона Халлоран совершили оборот на грани жизни и смерти. Будучи достаточно сильными иртханами, они оба едва вернулись к истинному облику. Хотя что считать истинным.

Мы больше драконы, чем люди, но мы скрываем это даже от самих себя. Прячемся за законами цивилизации, за костюмами и высотками, хотя в нас гораздо больше звериного, чем человеческого. Долгие годы считалось, что иртхан современности не способен обернуться, а после снова принять человеческий облик — сознание человека тут же сотрет пламя, но мы опровергли эту теорию. Здесь и сейчас, опровергли наши современники, и даже фервернцы.

Джерман Гранхарсен — отличный пример. Сильное пламя, не сказать, чтобы выдающееся, среднестатистически сильное — и он вернулся. Правда, обернувшись в то же время аронгарцу уже не так повезло, но, если верить словам Рэйнара Халлорана, его пламя было недостаточно мощным. Как бы там ни было, этот парень остался драконом, и именно после этого Мировое сообщество вынесло на рассмотрение законопроект, по которому оборот считается запрещенной манипуляцией.

Запрещенной манипуляцией — то, что долгие годы для сильнейших иртханов древности было как дыхание. Наши драконы и мы — единое целое, но в последнее время мы заглушили голос зверя настолько, что еще чуть — и нас проще будет равнять с виарами.

— Оборот, — повторяет Арден. — Тебе нужно будет подать запрос в Мировое сообщество с указанием причины. Видит небо, я сделал все, чтобы этого избежать.

— Я знаю.

Достаточной причиной для оборота считаются медицинские показания — например, попытка справиться с огненной лихорадкой,

которая с древности и по сей день считается неизлечимым заболеванием, редко, но метко уносящим жизни иртханов. В случае ОЛ огонь разгорается внутри и не может угаснуть, выжигает иртхана за считанные дни без возможности вырваться на свободу.

Второй причиной является непосредственная угроза жизни — свод правил приводит конкретные случаи, что считается непосредственной угрозой.

Третьей — спонтанный оборот, совершенный непроизвольно. Правда, в этом случае, совершившему его будет уже совершенно безразлично, нарушил он что-то или нет, поскольку такое может произойти исключительно с детьми или с подростками, не умеющими совладать с собственным пламенем. В данном случае ответственность целиком и полностью ложилась на родителей, наставников или преподавателей.

— Я сделаю заключение. Соберу заключения остальных, все анализы и результаты обследования...

— Не стоит. — Я поднялся.

— Торн, не думаю, что это стоит оставлять так.

— Я не собираюсь это так оставлять. — Никому другому я бы не стал ничего объяснять, но Арден — другое дело. — Мне не нужно ничье разрешение на то, чтобы совершить оборот на своей территории.

Записи с камер были достаточно четкими, чтобы различить двух драконов. Черный зверь раза в три больше крохотной истинной драконицы надорвал ей крыло и швырнул на скалы. Спустя мгновение над заснеженными горами метнулась красная тень, подхватившая раненую. А еще чуть позже появился четвертый дракон. Именно с этой истории начался запрет на обороты.

Династия Гранхарсенов — достаточно значимая династия Ферверна, тем не менее сейчас они отошли в тень. Дело было не только в том, что один из принадлежавших к их фамилии спятил настолько, чтобы охотиться на подводных фервернских драконов, вливать себе их кровь и ломать сознание правящего в то время моей страной. Дело было в том, что Гранхарсены, сколько я их помню, всегда пасовали и прогибались. Или вообще занимались непонятно чем, да пожалуй, всем, чем угодно, кроме политики. Джерман Гранхарсен сбежал в Аронгару и предпочел уйти в шоу-бизнес, где благополучно пребывает и по сей день.

Я смотрел, как два дракона уходят под воду, и как после ввысь взмывает один. Чтобы рухнуть поломанным к ногам уже обернувшейся девушки, бегущей к нему по снегу. Эти двое и были теми, кто вернулся, а вот полыхающий на фоне снегов красный навсегда остался зверем.

Дармин Тергран, преданный Халлорану и совершенно лишившийся рассудка после потери пары. Создавший из обычной девушки иртханессу, нарушивший законы двух миров. Ему не хватило силы вернуться, но его сила не шла ни в какое сравнение с той, которой обладал Халлоран или его жена. Не говоря уже о моей.

Халлоран упирал на то, что ему не хватило привязки — привязка считалась необходимой составляющей оборота, чтобы иртхан мог вернуться, но в древности никаких привязок не существовало. Иртхан был единым целым со своим драконом, и, пожалуй, пришло время напомнить остальным, кто мы на самом деле.

— Ты уверен? — уточнил сидевший рядом со мной Арден.

— Уверен. Иначе бы я тебя не пригласил.

— Всегда приятно знать, что мы встречаемся исключительно по весомым поводам, когда речь идет о жизни и смерти.

— В данном случае повод не настолько весомый.

— Ты недооцениваешь серьезность оборота, Торн.

— Ее переоценивают остальные.

Ждать больше не имело смысла — тем более что я и так ждал слишком долго. Ждал, пока меня снова и снова обследовали. Ждал, пока она уедет из страны.

Она уехала. С ним.

При мысли об этом пламя заворчалось внутри с такой силой, что ладонь полыхнула еще сильнее.

— Торн, — произнес Арден, когда я поднялся. Впервые, кажется, за все время знакомства, я видел в глазах друга тревогу. Медики вообще специфические, не говоря уже о медиках-иртханах, разгребаящих последствия секретных спецопераций, но такое выражение его глаз мне не нравилось.

— Иногда — на секунду, мне очень хочется, чтобы в меня верили.

— Это ты сейчас так сострил?

— С чего вдруг такие выводы?

— Да тебе до чешуи, кто в тебя верит, Торн. Ты прешь напролом, и никогда не останавливаешься.

— Когда телохранитель моего отца остановился, это очень плохо закончилось. Ты здесь — поэтому сможешь собрать меня по чешуйкам, если я развалюсь в полете. Твоя лаборатория соберет из них дракона, и вы вместе вернете меня к жизни. Я в тебя верю.

У Ардена кончились аргументы, или его настолько впечатлила моя речь, не представляю. Как бы там ни было, он просто отступил в сторону. Я направился к двери, и в то же мгновение смартфон отозвался звонком. Стенгерберг беспокоил меня исключительно по неотложным делам, поэтому ответил я на ходу.

— Слушаю.

— Она купила тест на беременность.

Я все-таки остановился.

Так с Лаурой Хэдфенгер было всегда, и ярость от осознания этого сейчас была сильнее, чем я мог себе позволить. Потому что Арден не учел одного: рядом с ней я всегда останавливался.

Рядом с ней я становился другим.

И это было непростительной ошибкой.

— Пока отбой. Я сообщу, что делать дальше.

Смартфон остался в кабинете с Арденом, а я все-таки вышел за дверь. Шел, ускоряя шаг и чувствуя, как набирает мощь пламя в груди. Оно растекалось по венам, превращая тело в оголенный нерв, перестраивая его и подготавливая к тому, что не способен пережить иртвах, но с чем способен справиться дракон.

Тест на беременность.

Она вполне могла купить его здесь.

Но она ждала до Раграна.

Думала, что там сумеет от меня спрятаться?

«Если бы помощь требовалась нашему ребенку...»

Могла ли она тогда проговориться? А я был настолько занят внутренней борьбой, что не придавал этому значения.

Коридоры резиденции внезапно стали давящей клеткой, сжимающейся вокруг меня с немыслимой силой. Я вырвался из нее, вдыхая ледяной воздух, сгустившийся к ночи колючими иглами мороза, и позволяя пламени рваться сквозь каждую клеточку тела.

Огонь в ладони стал слабым, далеким и бессмысленным, окутавшее меня пламя кроило и перестраивало мое тело по образу и подобию тех, у кого мы его забрали.

Мгновение — и крылья рывком подбросили меня в воздух. Мощные, сильные, огромные, с каждым мгновением земля становилась все дальше, черные изломы гор под снежными шапками казались просто тонкими линиями, которые я в силах надломить одним ударом лапы или раскрошить единственным выдохом.

И я вдохнул, набирая ледяную мощь в раскрывшиеся диким объемом легкие, и выдохнул — вместе с яростью, потоком пламени и рычанием. Мир подо мной больше не был моим, он становился всего лишь куском земли, бессмысленным и бесполезным без той, к кому я рвался отчаянно и безумно.

Обладание.

Дикая, звериная мощь, которую я готов был обрушить на любого, кто посчитает возможным мне помешать.

Она. Должна. Быть. Моей!

Удар хвоста распорол воздух, крылья ударили по нему с невиданной силой. Оставляя за спиной все, что стало неважным, я развернулся в сторону океана.

Сила дракона была невероятной. Ни с чем таким мне раньше сталкиваться не приходилось, когда все доводы разума становятся неестественными, пустыми, ненужными. Когда сама суть рвется к одной-единственной девчонке, которая... да она даже не иртеханесса! Пламени в ней — ноль, если не сказать минус. Тогда, в библиотеке, она поглощала его, как бездна, падая в него и задыхаясь от этого слияния. Я лишь на миг утратил контроль, и это пламя как с цепи сорвалось, дракон внутри бился об арматуры человеческого тела.

Стоило это вспомнить — и перед глазами темнело.

Хрупкая, отзывающаяся на каждое прикосновение стоном, а на каждый рывок — криком. Впитывающая мое рычание и мое пламя, распластанная по столу, готовая на все.

Я успел перехватить сознание на границе столкновения со щитом. Боль привела в чувство, и этого мгновения мне хватило, чтобы снова

управлять телом, чтобы прийти в себя и развернуться.

Арден, встречавший меня у резиденции, больше не сказал ни слова, а я обошел его и пошел в душ. После чего позвонил ей.

Глубокой ночью. Точнее, это в Хайрмарге была глубокая ночь, в Рагране — уже утро.

Она солгала. Или нет.

В том, что касается Лауры Хэдфенгер, я не был ни в чем уверен, потому что стоило мне услышать ее голос — голос, звенящий привычным вызовом, как ярость снова ударила изнутри таранами. Настолько мощными, что даже сила, разрушившая драгоценный камень, не шла с ними ни в какое сравнение.

Почему эта женщина вызывает во мне такие чувства?

Почему именно она?

Ответа на этот вопрос не было, равно как не было еще множества ответов, но один — и вполне конкретный — я собирался получить в ближайшее время. Поэтому сразу после звонка ей набрал Стенгерберга и сказал, что жду у себя.

Только после этого пригласил Ардена в кабинет.

— Значит, не сработало.

В том, что касается немногословности, он мог поспорить со мной.

— Не сработало.

Я смотрел на руку, покрытую чешуей — мне показалось, или ее стало чуть больше? Возможно, показалось, потому что браслет часов, который мог бы являться границей, отсутствовал. Часы я сначала перекинул на другую руку, а после и вовсе снял. В мире, напичканном электроникой, они были аксессуаром, не более, но камни под стрелками напоминали мне осколки, впаявшиеся в мою ладонь.

— Торн, нужны дополнительные исследования.

— Нет. Не нужны.

— Нет?!

— Нет. Я вполне способен справиться с этим сам.

У Ардена дернулась челюсть.

— Это беспрецедентный случай.

— У меня нет времени отираться в твоих лабораториях. — Я покачал головой, предупреждая, что больше об этом говорить не намерен. — Мне нужно, чтобы ты съездил в Рагран. Это строго секретно, именно поэтому я прошу тебя.

— В Рагран? Туда, где...

— Она беременна. Или нет. Я хочу это знать, и мне нужно, чтобы твои анализы были точными. С погрешностью до минуты зачатия.

— Ты издеваешься? — Он усмехнулся.

— Ты меня понял.

— В последнее время я вообще тебя не понимаю. Ты же без ума от этой девочки. Зачем ты ее отпустил?

Я посмотрел на него в упор. Этот взгляд Арден выдержал, пожалуй, только он и Стенгерберг могли его выдержать.

— Это мое дело.

— Твое. Но я видел, что с тобой творилось, когда ты ее ко мне привез...

— Ты выполнишь мой приказ, и на этом мы закроем тему «этой девочки».

— Иди ты в задницу, Торн.

Арден поднялся и вышел из кабинета, а я открыл ноутбук. График завтрашних встреч включал в себя несколько девушек: Одер работала быстро. Анкеты, которые я уже видел, были дополнены несколькими новыми — именно их проверял Стенгерберг.

Солливер Ригхарн.

Двадцать четыре года, модельный бизнес. Начинала с подиумов, потом перешла на рекламу ведущих модных домов. Сексуальных связей было несколько, и одна — та самая, о которой говорил Стенгерберг — была сразу после совершеннолетия. Я рассматривал ее фото: каштановые волосы, отливающие медью, точеные черты лица, дерзкий взгляд, и думал о том, что с ней могут быть проблемы.

Не просто могут.

С ней они однозначно будут.

Я переслал анкету на почту Одер с пометкой: «Поставить в приоритет» как раз в тот момент, когда ко мне вошел Стенгерберг.

— Мне нужно, чтобы ты сопровождал Ардена с его передвижной лабораторией в Рагран. Все строго секретно. Данные о том, беременна она или нет, мне нужны до начала рабочего дня. Если беременна, забираете ее и привозите сюда.

— А если нет?

— Если нет — просто возвращайтесь. Арден в резиденции, найди его — и вперед. Все контролируешь лично.

После его ухода я еще раз взглянул на фото Солливер Ригхарн.
И захлопнул ноутбук.

Глава 2

— Что значит — на ней его харргалахт? — интересуюсь я.

Спокойно настолько, что мне становится беспокойно.

— Они обручились.

Стенгерберг никогда не показывает своих чувств, но сейчас чувств вокруг меня слишком много. Или их слишком много вокруг девчонки, которая возомнила, что может играть со мной в игры.

— Напомни, ты должен был привезти мне анализы. Анализы, или ее. Почему я не вижу ни того, ни другого?

— Торн, она под его защитой. Ты это прекрасно знаешь.

Я это прекрасно знал. Я знал, что драконов Эстфардхар — рагранец, и что эта ситуация переросла Ферверн. Теперь она международного масштаба, и я сам это допустил. Это я тоже знал.

— Свободен.

— Торн...

— Я сказал: свободен.

Арден отказался со мной говорить. По крайней мере, он отказался со мной говорить как друг, а тащить его в Айрлэнгер Харддарк приказом мне не хотелось. Мне не хотелось этого по одной простой причине: друга после этого разговора у меня не станет.

Дверь за Стенгербергом закрылась, и я коснулся панели. Блокировка запечатала меня в моем кабинете, сделав стекло матовым, от второй ладони, лежащей на столе, тонкими трещинами расползлся лед. Когда Арден осматривал меня впервые, он сказал, что я удержал всю свою силу лишь чудом, сконцентрировав ее в одной точке горения. Сейчас она растекалась свободно, иней чешуей раскрывался на полу и вдоль стен.

Мне нужно оставить Лауру Хэдфенгер в прошлом.

Или она оставит в прошлом меня.

Осознание этого сейчас было столь отчетливым, что я с трудом удержался от желания отменить все встречи и спустя два часа уже быть в Рагране. Смотреть ей в глаза и впитывать ее присутствие всем пламенем. Смотреть ей в глаза, когда Эстфардхар будет снимать свое клеймо и корчиться от боли.

Коротко, надтреснуто пикинул коммуникатор.

Я сжал руку в кулак, и она отозвалась ледяным хрустом, кристаллы осыпались вниз и растворялись в сиянии пламени.

— Слушаю, Одер.

— Ферн Ландерстерг, к вам ферна Ригхарн. Вы просили поставить ее в приоритет, и я перестроила расписание.

Одер — профессиональный секретарь. Временами мне кажется, что я могу поставить ее вместо нового главы пресс-службы, и справится она в разы лучше.

— Приглашай.

Когда открылась дверь, иней уже отступил. Морозный узор на столе растаял, оставив после себя легкую дымку.

Фото не лгали: ферна Ригхарн была темноволосой и стильной молодой женщиной. Даже не скажешь, что сразу после совершеннолетия она с таким же сопляком и с еще одной не сказать что сильно возрастной парой развлекалась неподобающим образом. Глядя на эту женщину, вообще сложно было представить себе что-то подобное, и у нее была одна совершенно потрясающая черта — она ни капли не напоминала Лауру Хэдфенгер.

— Доброе утро, ферна Ригхарн.

— Доброе утро, ферн Ландерстерг.

Глаза у нее были зеленые, настолько пронзительно-зеленые, что впору заподозрить линзы. Но линзы она не носила, это было в отчете Стенгерберга. Свой цвет. Цвет волос — тоже: насыщенный, как шоколад с карамелью. Карамель возникала, когда на ее волосы попадало солнце, даже сквозь матовое стекло.

— Прошу. — Я указал ей на стул. — Хотите кофе?

— Одер мне его уже предлагала.

Солливер опустилась на стул: плавно и грациозно, линии ног под юбкой-миди были изящны и безупречны.

— В таком случае, предлагаю сразу перейти к делу, — сказал я. — Мне нужна женщина, которая станет моей женой. Вы понимаете, что это значит, ферна Ригхарн?

— Почему я?

Я посмотрел на нее в упор.

— Ваша служба безопасности наверняка знает обо мне все. Соответственно, вы тоже знаете обо мне все, ферн Ландерстерг.

Поэтому я повторяю свой вопрос: почему я?

— Считаете, что вы недостаточно хороши для меня?

Солливер наклонила голову и улыбнулась:

— Напротив. Считаю, что я слишком для вас хороша.

Я кладу руку в перчатке (несмотря на особое покрытие, этих перчаток хватает от силы дня на два-три) на стол. В отличие от Хэдфенгер, Солливер Ригхарн вызывает во мне разве что исследовательский интерес, и тот — исключительно на уровне драконьих инстинктов.

— Аргументируйте.

— Ну как же, — смеется она. — Вам нужна первая ферна и будущая мать ваших наследников, не больше. А я столько всего умею в постели, что было бы жаль, если бы мои таланты пропали впустую.

— Интересный у нас получается разговор, Солливер.

— Не могу не согласиться, Торн.

Эта женщина общается со мной на равных, и мне это нравится. Нравится ее прямой взгляд и отсутствие кокетства — скорее, это прямая констатация своих достоинств без лишних акцентов на них. Я оценил ее фигуру сразу, как только она вошла, фигуру, стиль, умение держаться. Мне кажется лишним встречаться с кем-то еще после общения с ней, но однажды я уже совершил такую ошибку.

Поэтому сейчас говорю:

— Что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня вечером я занята. Но если хотите, я могу попробовать освободить завтрашний вечер для встречи с вами.

Теперь с губ срывается смешок. Мне кажется, что я впервые за долгое время улыбаюсь — так же впервые я улыбался рядом с Лаурой, и при воспоминании о ней улыбка гаснет. Если бы можно было выжечь ее из памяти, ее и ее имя, раскрошить его так же, как я поступил с тем кольцом, я сделал бы это, не задумываясь.

— Освободите, ферна Ригхарн. — Я снова перехожу на официальный тон. — У меня есть для вас предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Солливер приподнимает брови. Они у нее не широкие — по последней моде, но идеальные. Я бы сказал, она вся идеальная на роль первой ферны, но когда-то, глядя на Лауру Хэдфенгер, я подумал так же.

— Вот теперь вы меня заинтриговали, — произносит она.

— Не все же вам интриговать. — Я касаюсь коммуникатора, завершая наш разговор: — Одер, пожалуйста, сделай кофе для ферны Ригхарн. У нее сегодня насыщенный день.

Солливер снова улыбается.

Мы с ней поднимаемся одновременно, и я думаю о том, какого дракона я не рассматривал ее кандидатуру раньше.

Потому что меня заклинило на дочери Юргарна Хэдфенгера. Я считал, что это идеальный политический ход. До той минуты, как я ее увидел, это так и было.

— Хорошего дня, — говорю я.

— Легких собеседований, — отвечает она.

Выходит, оставляя за собой тонкий шлейф духов — кажется, Форрани Седфилз, «Падшие небеса». Я заказывал их для Эллегрин, точнее, их заказывала Одер, и мысли об Эллегрин на миг отбрасывают меня в прошлое. В те дни, где под словом «контроль» я понимал только желание отца всем и вся говорить, что они должны делать.

Эту часть воспоминаний я отсекаю резко и без малейших сожалений: возвращаться сюда мне сейчас точно не стоит. Прошлое вообще не стоит того, чтобы им заниматься, а будущее я создаю сам. Каждый миг.

Поэтому сейчас снова касаюсь коммуникатора:

— Одер, когда следующее собеседование?

— Через полчаса, ферн Ландерстерг.

— Хорошо.

Только сейчас я понимаю, что мы с Ригхарн говорили от силы десять минут. Десять? Если не пять.

По сути, это не так уж мало, особенно в контексте моего графика. Я едва успеваю погрузиться в работу, когда снова пиликает коммуникатор.

Претендентки, по большей части, скучны.

Кто-то восхищается моей реформой, кто-то изображает хорошую девочку (может статься, и не изображает), кто-то пытается впечатлить познаниями в области истории, экономики и политики. После обеда я понимаю, что убить полдня на эти собеседования было бесполезной тратой времени.

Бы.

Если бы этот фоновый шум не вышибал меня из мыслей о Рагране и о том, что Лаура Хэдфенгер, возможно, носит моего ребенка.

Когда поток благородных девиц всех сортов и мастей иссякает, я предупреждаю Одер, что беспокоить меня нельзя, и с головой ухожу в последние сводки, стекающие ко мне от глав департаментов.

В Ниргстенграффе сейчас все относительно успокоилось, но там продолжаются поиски Лодингера. Стенгерберг говорит, что его бы обязательно засекли камеры, и что искать там уже нечего, но этот Лодингер не дает мне покоя.

С ним тоже могут быть проблемы, и гораздо более серьезные, чем кто-то может себе представить. Досье на этого психопата я изучил вдоль и поперек, поэтому поиски не прекратятся, пока мне не принесут его тело. Куски его тела. Или что там от него останется.

Информации много, в какой-то момент я теряю счет времени, а прихожу в себя от настойчивого сигнала.

— Слушаю.

— Ферн Ландерстерг, вы просили не беспокоить, но это уже третий вызов из приемной ферна Халлорана.

Я смотрю на часы: да, о времени я действительно забыл.

— Соедини нас. — Я ослабляю галстук и откидываюсь на спинку стула.

— Торнгер.

— Рэйнар. Что-то экстренное? — Не люблю долгие предисловия.

— Об этом я хотел спросить у тебя. Вчера один из наших спутников зафиксировал твой оборот.

Я посмотрел на руку. Сейчас, затянутая в перчатку, она выглядела совершенно обычно, но обычной она не была, и все, что со мной происходит — тоже.

— Скажем так, на то были причины.

— Какие именно?

— Такие, которые я не намерен разглашать.

На том конце мира ненадолго возникла пауза, в которой разрастался лед. Когда Рэйнар заговорил снова, его голос звучал значительно резче:

— Ты знаешь закон, Торнгер.

— Этот закон не имеет никакого отношения ко мне.

— Повтори, пожалуйста?

— Я голосовал против, — произнес я. — И ты знаешь мою позицию по поводу запрета на обороты.

На этот раз пауза была более короткой, но от этого не менее прохладной.

— Торнгер, я помню твою позицию, и разделяю ее. Отчасти. Тем не менее это решение было принято нами совместно, большинством голосов на заседании Мирового сообщества. Ты не хуже меня знаешь, что такое закон, и не хуже меня понимаешь, что будет, если мы перестанем его соблюдать. Особенно мы.

Рэйнар замолчал, но я не собирался ничего говорить. Поэтому продолжать пришлось тоже ему:

— Наше общество держится на соблюдении этих законов. Мы — сильнейшие, и если мы сами начнем переступать через то, что сохраняет наш мир, ничем хорошим это не кончится.

— Наш мир сохраняем мы, — произнес я. — И мы сохраняли его тысячелетиями, сильнейшие из нас. Помнишь, что было, когда мы начали терять силу и связь с теми, от кого началась наша раса? Тогда чуть не рухнуло все. Сейчас мы находимся у истоков нового мира, и наша сила растет. Мы не имеем права держать ее взаперти.

— Вместе с силой растет и ответственность.

«Сила — это ответственность, Торн. Пока ты это не поймешь, из тебя не получится ничего цельного».

«Я уже цельный. И моя ответственность больше, чем ты можешь себе представить».

Я хорошо помнил этот разговор с отцом, и помнил, после чего он состоялся. Тогда мне было одиннадцать, но сейчас никто не станет мне говорить и указывать, что я должен делать.

— Ты прав, сила — это личная ответственность каждого. Я ни разу не позволил вам усомниться в том, что я ей злоупотребляю, не так ли?

— Мировое сообщество встревожено событиями с семьей Хэдфенгеров.

— Тех, которые счастливо живут в Зингсприде в настоящее время?

— Тех, кого ты выслал из Ферверна. Это — злоупотребление властью.

— Что насчет Лодингера, Рэйнар?

Вот теперь пауза повисла долгая.

Настолько долгая, что я сполна успел ей насладиться. По правде говоря, Халлоран своей идеальностью уже настолько меня достал, что сейчас я готов был высказать ему все. И высказал бы, если бы, выражаясь его словами, не ответственность, которая на меня возложена.

— Я не обязан перед тобой отчитываться, Торнгер.

— Совершенно правильно. Точно так же, как не обязан перед тобой отчитываться я.

— В твоём возрасте я совершил много ошибок, — его голос стал еще жестче, — и считаю своим долгом тебя предупредить, что намерен сообщить о случившемся остальным.

— Сообщай. — Я смотрел на перчатку, которая расплзалась лохмотьями. — В моём возрасте ты еще не отвечал за целую страну. Удачного дня, Рэйнар.

Ответственность.

Круглосуточный контроль, каждый день, каждую минуту — вот что было в моей жизни с самого детства. Если Халлоран думает о том, что знает, каково быть ответственным за такое, он сильно ошибается.

Драконы не спят по четырнадцать суток: для них это нормальный физиологический процесс — бодрствование в течение такого промежутка времени. Мой рекорд, по крайней мере, рекорд осознанный, когда я оставался в сознании с чистым разумом — пять. Поэтому вторые, по сути, для меня не значили ничего. Я не просто не спал, потому что был занят — а раньше это было именно так. Я не хотел спать.

Ночь Хайрмарга раскрывалась по ту сторону окон миллионами огней, а я проводил время в спортзале. Оборудованный на втором этаже моего пентхауса, он не уступал ультрасовременным фитнес-центрам. Раньше тренировка была для меня обязательной по утрам, для поддержания формы. Силовые тренажеры, беговые, проверка реакции и координации. Чередование стрессовых условий — ледяной душ и ослепляющая жара, которая в теории возможна при столкновении синего и красного пламени в бою.

Сегодня по возвращении из Айрлэнгер Харддарк я провел в спортзале пять часов, но не выжал из себя и десятой части энергии,

которая во мне клубилась. Арден был прав, со мной происходило что-то странное. Или что-то странное происходило с драконом во мне, который бился о прутья клетки человеческого тела, рычал, рассыпая внутри ледяные искры. В такие моменты ладонь начинала нестерпимо гореть. Ладонь и клочок запястья, на которое заползал изломанный узор чешуи.

Пиликнул пульс: пришел отчет Стенгерберга.

Он присылал отчеты о ней три раза в день, и мне казалось, что это длится целую вечность.

Двое суток как вечность: остается только гадать, до каких пределов вечность способна растягиваться.

Строчки были скупыми — разумеется, они не могли отразить ее взгляда, когда Лаура Хэдфенгер спускается по ступенькам грязного перехода. Не могли отразить ее жестов, движений, и уж совершенно точно они не могли отразить тонкую хрупкость ее запястий под моими пальцами.

Шелк кожи.

Пульсацию жилки на шее и хриплые вздохи, когда я был в ней.

Припухшие губы.

Тихое:

— То-орн... — на выдохе.

Глаза в глаза.

Сейчас она вся — раскрытая подо мной.

Моя до последнего вздоха.

Я поймал себя на пределе сил, на боевом тренажере-симуляторе ближнего боя, после чего зашвырнул себя в ледяной душ. Дракон внутри снова сходил с ума, и это было основной причиной, по которой я собирался продолжать обороты.

Этот зверь, с которым мы должны быть единым целым, не станет мной управлять.

Хлещущие по телу ледяные струи сейчас ощущались как летний дождь: спустя пару минут тело перестает воспринимать холод и адаптируется. По-хорошему, ни холода, ни жара не существует — настолько, чтобы выбить меня из равновесия. Именно это определяет мое состояние — равновесие и контроль. Которые я создаю сам.

Угрозой этому не будет никто.

«Отмени слезку».

Я отправляю приказ раньше, чем сознание успевает проникнуться им.

Где-то внутри крошатся осколки вырванных кадрами фотограмм — стоящий у ее дома Эстфардхар с букетом цветов.

Харргалахт над небольшой аккуратной грудью. Я не должен его видеть, но я его вижу — чужой знак принадлежности на нежной коже, отблесками полыхающий на ее белизне. И напряженный сосок под тонким кружевом белья.

И судорожный вздох — когда она раскрывается, когда лежит, раскинув бедра, и пламя льется сквозь них, концентрируясь в харргалахт и отражаясь в его глазах.

Что-то с грохотом рушится.

Лед хрустит под ногами, иглами впивается в кожу, шипы ледяных кристаллов испаривают каждый сантиметр пространства вокруг, чтобы с грохотом обрушиться вниз. Здесь, в тренажерном зале, тоже звуконепроницаемые стены, и когда последняя изломанная панель осыпается крошкой, как кольцо в моей ладони, я наконец-то чувствую вибрацию.

Вибрация напульсника, сообщающая, что звонит Стенгерберг.

Я стою посреди того, что было тренажерным залом, на хрустящих осколках льда.

— Да, — отвечаю коротко.

— Всю слежку? — уточняет он. — Даже фоновую?

— Всю.

Я отключаюсь и иду в душ.

Тот, что в другой части пентхауса, рядом со спальнями.

Тот, который уцелел.

Автоматическая дверь за моей спиной натывается на ледяные иглы, раздается жалобный хруст.

Который сменяется тишиной.

Глава 3

Сегодня на Солливер платье стального цвета. Оно идеально вписывается в интерьер и остужает его, по меньшей мере, градусов на десять, если не сказать больше. Для встречи с ней я выбрал ресторан «Эрхарден», в переводе с древнефервернского «Непокоренная высота». Располагается он на сто четвертом этаже здания, спроектированного Ульрихом Нигельманном. Сюда наравне с нашими знаменитыми высотками и смотровой площадкой комплекса Грайрэнд Рхай водят экскурсии, но даже летом, в лучах заходящего солнца, интерьер сверкает кристалликами заснеженных вершин.

Нам предстоит ужинать в общем зале, на платформе, возвышающейся на четвертом ярусе у панорамного окна величиной в шесть этажей. Когда Ритхарн идет по залу, на нее оглядываются: и мужчины, и женщины. Она — воплощение элегантности, волосы собраны на затылке, только два завитка обрамляют лицо. Из украшений на ней — только серьги, и я могу сразу сказать, что эти серьги созданы из фервернского льда по эксклюзивному заказу в «Адэйн Ричар».

— Прекрасно выглядите, Солливер. — Я поднимаюсь ей навстречу, и она улыбается.

— Я ждала, что вы это скажете.

— Я так предсказуем? — Мне снова хочется улыбнуться.

— Нет, просто ваши комплименты — это нечто особенное.

Я отодвигаю для нее стул, а после возвращаюсь на свое место. По ощущениям, Солливер не испытывает ни малейшей неловкости от того, где ей приходится ужинать, с кем ей приходится ужинать, и в каком окружении ей приходится ужинать. Мергхандаров она, кажется, не замечает — как само собой разумеющееся.

— Как прошел твой день, Торн?

Инициативу она тоже не стесняется проявлять, равно как и на «ты» переходит с небывалой легкостью.

— В работе.

— Мой тоже. — Она изучает меню на планшете, благодарит официанта за стакан воды (который выбрала вместо аперитива), но

акцентирует внимание на моем взгляде. Мы сталкиваемся ими, и в ее глазах я вижу что-то похожее на то, что мог бы видеть в своем. Сканирующий эффект.

— Съемка? — уточняю я.

— Угадал! — Солливер смеется, и, надо признать, смех у нее весьма заразительный. — Известность отсекает сразу несколько возможных тем для разговора. Например: кем вы работаете, и все в том же духе. Или дело вовсе не в нашей известности?

— Кем работаю я, ты точно знаешь.

— Почти справедливо.

— Почти?

— У меня нет на тебя досье.

Она опускает глаза раньше, чем я успеваю ответить, роняя уголки тени от длинных густых ресниц на высокие скулы. А когда поднимает, интересуется:

— Можешь посоветовать хорошее вино?

— Ты не знакома с картой вин «Эрхардена»?

— Тебя это удивляет?

— Скажем так, немного. — Я открываю электронное меню на первой странице барной карты.

— Как я уже сказала, вчерашний вечер у меня был занят, сегодняшний день — тоже. Ну и потом, о том, куда мы едем, я узнала от Хестора.

Я отправил за ней водителя Лауры. Так или иначе подводя черту под этой страницей своей жизни — и я действительно не вспоминал о ней до того, как прозвучало имя водителя. Нет, не о ней. О снимках, на которых она вместе с Эстфардхаром изучает Рагран.

— У тебя было целых сорок минут, чтобы поинтересоваться меню.

— Целых? — Солливер откидывается назад и смотрит мне прямо в глаза. — Я не привыкла заниматься делами, когда еду расслабляться.

Я выделяю несколько вин, и у нее в меню они перехватывают подсветку.

— Странно, у меня создалось ощущение, что ты привыкла изучать игровое поле.

Она приподнимает брови. Делает это так изящно, что мне невольно хочется коснуться ее лица. Ригхарн все делает изящно.

Закидывает ногу на ногу. Подается вперед. Даже бокал с водой поднимает так, будто там уже самое дорогое вино.

— Привыкла, — отвечает Солливер. — Если это критично.

Она отмечает вино двухсотлетней выдержки и еще несколько бутылок, смотрит на меня.

— В остальном полностью полагаюсь на твой выбор.

Мы делаем заказ, и спустя пару минут официант уже расставляет бокалы и добавляет необходимые приборы.

— На чем мы остановились? — спрашивает она, когда мы снова остаемся наедине.

— На критичных узлах игрового поля.

— Ах, да. — Солливер закусывает губу — на миг, а после снова пьет воду.

Воду она пьет так, что я сразу представляю ее губы на своем члене.

— Так что для тебя критично? — спрашиваю, так и не дождавшись продолжения от нее.

— Критично... предположим, тот факт, что ты выбрал столик в общем зале, и что нас сейчас могут видеть все. Ты же хотел, чтобы нас все видели, Торн?

— Для тебя это имеет значение?

Мы смотрим друг на друга, и она не отводит взгляд.

— Вероятно, да. Если я спрашиваю. — Солливер чуть наклоняет голову. — Мне нужно понимать правила игры.

— Ты понимаешь их не хуже меня.

Можно сказать, наш разговор завершен, но он продолжается. Продолжение заключается в том, как официант наливает мне вино — на два глотка, и когда я его пробую, она меня изучает. Дождается, пока я поставлю бокал, и только после этого берет свой. Оплетая изящными пальцами ножку и едва касаясь стекла верхней части.

— Приятное, — выносит свой вердикт.

Я киваю, и официант разливает вино, после чего ставит бутылку на специальный столик-подставку, и уходит.

— Ты что-то говорил о сюрпризе.

— Сюрприз — на то и сюрприз, чтобы оставаться таковым до конца.

Мне нужно понимать, что Солливер не обременяют лишние чувства и надежды по поводу наших отношений, и они ее действительно не обременяют. Либо она прекрасная актриса (потому что на краткий миг мне показалось, что в ее голосе прозвучало некоторое разочарование). Как бы там ни было, сейчас она улыбается:

— Я полагаю, это ужин станет частью нашего соглашения?

— Все верно. — Смотрю на нее поверх сцепленных рук. — Как так получилось, что ты стала моделью?

— Мне хотелось доказать всему миру, что я невыносимо прекрасна. Полагаю, ты стал политиком по той же причине?

А она хороша. Если честно, мне начинают нравиться наши пикировки, и пусть это не входило в планы, будет приятный бонус.

— Совершенно точно нет.

— Нет? Тогда почему?

— В моей жизни стоял выбор между политикой и военной службой. Последнее оказалось невозможным по причине того, что я не готов подчиняться.

— Вот как? — Она снова пригубила вино. — Любишь, чтобы подчинялись тебе?

— Подчиняться тому, кто видит ситуацию шире — наиболее разумный и рациональный способ как можно скорее прийти к наиболее выгодному для себя результату. Пока ожидаемся ужин, поделись своими соображениями по поводу моей реформы.

— А они должны у меня быть? — Солливер снова приподняла брови, но тут же приняла расслабленный и скучающий вид.

— Не должны?

— На мой взгляд, нет. Реформа — твоя, с какой стати мне ее оценивать.

— Я спрашивал не оценки, а твоего мнения.

— Прости, но ты меньше всего похож на мужчину, которого интересует чье-то мнение, Торн.

Я едва скользнул взглядом по мергхандарам.

— Свободны. Ждите внизу.

— Опасно, — заметила Солливер, когда мергхандары спустились по лестнице и остановились у нее.

Пара за соседним столиком, расположенным на полуровня ниже, не сводила с нас глаз. Расстояние до них, правда, было такое, что они

вряд ли могли что-то слышать — в этом плане «Эрхарден» идеален.

— Опасно говорить со мной в таком тоне, — сообщил я. — Надеюсь, мы друг друга поняли?

— Тем не менее в ресторан ты пригласил именно меня, а не одну из этих... девочек-припевочек. — Солливер подняла руки. — Я не собираюсь воевать с тобой, Торн. Я просто хочу, чтобы ты уважал мои границы. Мы друг друга поняли?

Она пожала плечами и чуть подалась назад:

— Кроме того, я просто сказала правду. Мне бы хотелось, чтобы между нами с самого начала была исключительно правда — насколько это возможно. В деловых соглашениях я ценю честность, открытость и прямолинейность. Ты всеми этими качествами обладаешь на двести процентов. Только пожалуйста, избавь меня от светских разговоров в ключе «я спрашиваю это у каждой».

— Не у каждой, — хмыкнул я. — Честность и смелость всегда подкупают.

Солливер развела руками.

— Если бы я не могла ответить именно так, я бы не пришла на встречу. Ты же меня сожрешь и не подавишься. И если уж говорить открыто — о твоей реформе — это было честно и смело, и ты сделал это раньше остальных, хотя назревало это десятилетиями. Именно поэтому остальные так бесятся.

Я оперся о подлокотник и подпер подбородок рукой.

— Давно ты следишь за политической ситуацией?

— Я не слежу. Я просто неплохо ориентируюсь в мире современной информации и делаю соответствующие выводы. Драконов ради, это уже напоминает не деловой ужин, а политические переговоры. За нас!

Солливер подняла бокал, мы едва успели сделать по глотку, когда к нам снова поднялся официант.

— Это произведение искусства, — произнесла она, когда мужчина поставил перед ней тарелку с салатом.

— Благодарю, ферна Ригхарн. Я передам ваш комплимент шеф-повару.

— Обязательно.

— Что ты думаешь об отключении щитов?

Этот вопрос я не собирался ей задавать. Но сейчас, наблюдая за легкой игривой непринужденностью, с которой она перевоплощалась, просто не удержался.

— Вероятно, мне полагается высказать что-то очень умное, но я недостаточно хорошо разбираюсь в драконах, Торн. Думаю, со временем ты мне все расскажешь, и я сделаю определенные выводы. А пока давай поставим этот момент на паузу.

Больше мы к политике не возвращались. Обсуждали современную кухню (которая в таких ресторанах больше напоминает искусство), вина и все, так или иначе связанное с этим направлением. Она пришла в восторг, узнав про Доража Эмери и про его карьеру, и в еще больший — когда я пообещал их познакомить.

— Мы, творческие люди, всегда найдем общий язык, — воодушевленно сказала Солливер. — Особенно те, кто сделал себя сам.

— Модельный бизнес — это творчество?

— Еще какое! — Она рассмеялась. — Иногда уже не представляешь, как еще встать, чтобы это не сделали сотни раз до тебя. Я уже не говорю о выражениях лица.

— Уверен, с этим у тебя все в порядке.

— Ты слишком во мне уверен, Торн.

— Иначе тебя бы здесь не было. — Я отложил салфетку. — Как ты смотришь на то, чтобы продолжить вечер в моей резиденции?

Солливер чуть приоткрывает рот, или просто размыкает губы: у нее это выглядит настолько откровенно, что даже к услугам фантазии прибегать не надо.

— То есть ты обещал мне сюрприз, и он, полагаю, находится именно у тебя в резиденции?

— Именно так.

Вот теперь она подается назад и смотрит на меня с улыбкой.

— Ты играешь нечестно, Торн Ландерстерг.

— Я политик.

— Ты сейчас называешь всю политику нечестной игрой?

— Нет, я называю вещи своими именами. Политика — искусство добиваться того, что тебе нужно так или иначе. Не ожидай тебя сюрприз в резиденции, вряд ли бы ты согласилась.

— Сюрприз или предложение, от которого нельзя отказаться. — Она складывает ладони, и тут же кладет их на стол. — А если я все-таки откажусь?

— Тогда ты не узнаешь, что я хотел тебе предложить.

Солливер вздыхает — легко, а после кивает:

— Могла бы сказать, что ты не оставил мне выбора, но это не так. Предполагаю, это что-то очень интересное.

Вместо ответа я поднимаюсь и подаю ей руку. Наше шествие по ресторану отслеживают все, в гардеробе, где я накидываю пальто ей на плечи, и на парковке все тоже смотрят на нас. Я к этому привык и Солливер — тоже. Она реагирует на внимание так, как должна реагировать первая ферна. Она его принимает как должное.

Мы садимся во флайс, и там Ригхарн кладет ногу на ногу.

— Даже не представляла себе, что это будет так.

Чулки она не носит. Или носит, но не постоянно.

Изгиб бедра под платьем вызывает желание скользнуть ладонью по теплой коже под тонкой защитой колготок. Обманчиво-тонкой, когда три года назад изобрели синтетическую ткань, способную сохранять тепло и при этом не выглядеть как наряд рейдера в фервернские пустоши, ее изобретатель обогатился. Точнее, изобретательница, посвятившая этому лет десять своей жизни, которые сейчас сполна окупилась.

Ее патент приносит такие доходы, которым могут позавидовать многие.

— О чем ты думаешь, Торн?

— Думаю о том, как ты это себе представляла.

Странно будет сообщить роскошной, соблазнительной женщине о том, что я думал на самом деле, глядя на ее изгибы.

Иногда мне кажется, что она видит меня слишком хорошо. Даже лучше, чем мне бы хотелось, потому что сейчас произносит:

— Примерно так.

А после подается вперед, обтекая меня своим роскошным изящным телом и накрывает мои губы своими.

Ее губы горячие, мягкие и податливые. Раскрывающиеся навстречу моим с той же легкостью, с которой, я уверен, она раскроется, распластанная по кровати. Я пробую их на вкус, зарываясь пальцами в ее волосы, которые шелком скользят по моей ладони.

Вторая вряд ли смогла бы чувствовать так — под слоями новой перчатки беснуется пламя.

Солливер запрокидывает голову, с губ срывается тихий стон — на миг, когда ей перестает хватать дыхания, а после скользит пальцами по моему бедру. Я перехватываю ее ладонь за мгновение до того, как она ляжет на пряжку ремня.

— Не боишься, что сюрприз окажется несколько смазанным?

— Если только он не у тебя в штанах.

Ее ладонь накрывает мой член и мягко сжимает, в глазах, которые разогрелись до невыносимо-яркой летней зелени — полное отсутствие тормозов.

Мне это нравится.

Что мне не нравится — угрожающее рычание внутри и спазм, на миг перехватывающий запястье под перчаткой стальным браслетом.

И дикое, совершенно нереальное желание увидеть на ее месте Лауру Хэдфенгер. Чувствовать все то же самое — как тонкие пальцы скользят по пряжке ремня, расстегивая его, как повторяют движение молнии.

Как светлые волосы растекаются по моим бедрам, а губы обхватывают напряженную до боли головку. Сжимаются плотно, вызывая хриплое рычание в нас двоих — пока еще мягким скольжением сверху вниз.

Я сам не представляю, когда успел завестись настолько, но у меня действительно стоит так, что каждое движение ее рта отзывается наслаждением, способным вынести контроль с мощностью беснующегося внутри дракона. Скольжение губ и пальцев — то расслабляющихся, то сжимающихся плотным кольцом.

Я вижу струящиеся между покрытых чешуей пальцев светлые пряди, как наяву, это «наяву» вышибает из меня все, что я взращивал долгие годы. Ладонью поверх шелка волос — в перчатке, сгребая их в горсть на затылке, плотно насаживая на себя этот податливый рот. Сильнее и жестче, задавая ритм — до той грани, когда очередной спазм наслаждения переходит в пульсацию.

Мощную, сильную, яростную, которую она принимает в себя без остатка.

Солливер поднимает голову, отбрасывая растрепавшиеся волосы за спину, касается пальцами уголков губ, а после облизывает их.

— Да, ты действительно привык все контролировать, Торн, — сообщает с легким смешком, удобно устраиваясь на сиденье.

— Я этого никогда не скрывал.

Дракон внутри рвется, стирая когти о броню внутренней чешуи, рычит, исторгая пламя, а я смотрю на летящий вокруг нас город, в который флайс ввинчивается с немыслимой скоростью.

Пожалуй, сегодня ночью будет следующий оборот. Нам пора привыкать к тому, что мы — единое целое.

Глава 4

Эта резиденция — одно сплошное напоминание. Напоминание о семье, а теперь вот еще и о Лауре Хэдфенгер, которая... которая. Я перевожу взгляд на идущую рядом женщину: для нее ничего не изменилось, словно во флайсе между нами ничего не было. Это мне нравится еще больше. Да, она идеальна.

Солливер Ригхарн — просто находка.

Чувствуя мой взгляд, она поворачивается и награждает меня долгим глубоким взглядом в ответ.

— Даже не спросишь, зачем мы здесь?

— А ты расскажешь?

Я останавливаюсь, открываю дверь.

Верраж подросток: он занимает уже гораздо больше места, чем несколько недель назад. Драконенок вскидывает голову, но сейчас меня интересует не он. Солливер смотрит на него, потом на меня.

— Это тот самый дракончик?

Тот самый. Ради которого я отключал щиты.

Хотя кому я лгу, я отключал щиты ради Лауры Хэдфенгер. Как сейчас вижу ее, в коктейльном платье, опускающуюся рядом с ним на колени, и тянущуюся к ней морду с распахнутыми во всю ширину глазами.

Временами мне казалось, что я тянулся к ней точно так же.

Расчетливая лживая тварь.

— Да.

Ответ получается более чем резким, и Верраж подскакивает, ощутив удар пламени. Солливер обхватывает плечи руками:

— Прохладно тут у тебя. Так мы зайдем?

Это не тот случай, когда женщину надо пропускать вперед, поэтому я захожу первым. Верраж втягивает носом воздух, чувствуя ее присутствие, выворачивает шею так, чтобы видеть незнакомого человека.

— Ты разве не должен его отпустить? — Солливер останавливается рядом со мной, ни шагом дальше, ни шагом ближе.

— Нет. Пока он не выживет. Как только сможет за себя постоять и определиться, он уйдет сам.

— Вот как.

Она все-таки делает шаг вперед, но я преграждаю ей путь.

— Что скажешь, Солливер?

— А что я должна сказать? Милый маленький дракон, не менее опасный для меня, чем большой, я полагаю.

В ней нет к нему никаких чувств, я это понимаю, равно как это понимает Верраж. Он садится, кончик хвоста чуть подрагивает, не сводит с нее настороженных глаз: пытается понять, что от нее ожидать. Мне хочется усмехнуться — сегодня весь вечер я занимался примерно тем же, и то, что я вижу, меня устраивает.

Что нельзя сказать про него.

— Я думаю, вы подружитесь.

— Ты в это веришь, Торн?

— Да. Со временем.

— Не представляю, сколько времени должно пройти.

— Зависит от того, сколько времени ты готова ему уделять.

— Для него я всего лишь человек, и ты сам это знаешь.

— Пока.

— Что значит — пока? — В голосе Солливер звучит искренний интерес.

— Что ты знаешь о харргалахт?

Она вопросительно смотрит на меня.

— Отведите его на прогулку, — последнее относится к мергхандарам, дежурящим у двери Верража.

Теперь я пропускаю Солливер вперед.

— Продолжим в моем кабинете.

В моем драконовом кабинете о *ней* напоминает даже стол. Надо будет его сменить, пока его не постигла участь тренажерного зала.

— Харргалахт — метка принадлежности женщины иртхану.

— Или мужчины иртханессе?

Я только что помог ей сесть, но сейчас останавливаюсь, рука по-прежнему на спинке ее кресла.

— Что? — усмехается Солливер. — Или иртханессам не позволено будет выбирать в мужья людей? Согласись, тогда реформа будет не полной.

Я все-таки обхожу стол и сажусь.

— Об этом речи пока не идет. Сейчас реформа на стадии формирования, и, скажем так, мне нужно ее закрепить удачным политическим союзом. Харргалахт дает защиту от пламени. Теоретически иртханы способны удерживать пламя во время секса, но для создания более сильного потомства это полезно. Не говоря уже о том, что пламя само по себе часть нас, и для обычной женщины это может привести к нежелательным последствиям — привыканию и заикленности. Чтобы этого избежать, была разработана харргалахт, в ней содержится частица пламени иртхана.

— То есть это прививка?

— Можно сказать и так. Частица моего пламени позволит тебе приближаться к Верражу, и он перестанет видеть в тебе человека.

— Какая занимательная штука, эта харргалахт. — Солливер закусывает губу, потом опирается на подлокотник. — И у нее нет никаких побочных эффектов, Торн? У всех прививок есть побочные эффекты.

Я сцепляю пальцы, чувствуя обычной рукой неровность чешуи под перчаткой.

— Родство пламени. Иртханы выбирают себе пару, ориентируясь на совпадение огней. Есть огни, которые сочетаются — таких комбинаций может быть бесчисленное множество, и в такой паре кровь иртхана может быть усилена в потомстве, но если огни иртхана и иртханессы совпадают — это идеальная пара. После совпадения огней обычно происходит слияние. Во время секса. Впоследствии по желанию такие супруги могут образовать пару.

Я сделал паузу, а после продолжил:

— Когда я отдаю тебе частицу своего пламени, это не просто совпадение. Это идеальное совпадение, или родство пламени, поэтому да, Солливер. Побочный эффект есть. На других мужчин с моим харргалахт ты больше не посмотришь.

— Серьезное заявление.

— Такова природа харргалахт.

Солливер вздыхает:

— Как же с тобой сложно, Торн Ландерстерг. Куда ни посмотри, одни сплошные ограничения и обязательства.

— Без этого в моей жизни никуда. Хорошо, что ты это понимаешь.

Солливер поднимается, и в какой-то момент я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы она вышла за дверь и закрыла ее. Эта мысль никак не вяжется с тем, что мне нужно, но она приходит — мимолетная, скользящая и незначительная, как поток воздуха под крылом, чтобы тут же смениться штилем.

Она обходит стол, скользя кончиками пальцев по его поверхности, и это скользящее движение продолжается на моей перчатке.

— Значит, харргалахт, — произносит она, устраиваясь на столе и чуть наклоняясь ко мне.

Такая же мимолетная мысль о том, чтобы стянуть ее с этого стола — рывком, сильно — уже больше похожа на удар штормового ветра, поэтому я кладу ладонь на ее колено.

На этот раз мою руку перехватывает она.

— Ты собираешься поставить ее мне между ног?

То, как она говорит об этом, не оставляет ни малейшего сомнения: ей плевать, даже если так. Она просто откинется назад и разведет бедра.

— Харргалахт наносится над сердцем, чтобы была прямая связь моего пламени и твоей сути.

Солливер смеется.

— Ну в таком случае предлагаю переместить твою руку туда, где она будет наиболее функциональна.

Вместо ответа я стягиваю перчатку. Мне не надо смотреть ей в глаза, чтобы почувствовать реакцию тела: Солливер напрягается. Лаура даже не дернулась, а Солливер напрягается ощутимо. Настолько, что кожу начинает покалывать иглами животного страха. Недолго, но достаточно для того, чтобы позволить ей эту слабость и теперь уже посмотреть ей в глаза.

Что у нас там еще помимо страха?

— Что это? — спрашивает она.

— Последствия удара пламени.

— Но ты... разве такое возможно?

Помимо страха там еще интерес. Толика любопытства, но больше — такой ключевой исследовательский интерес, который ассоциируется у меня с ней гораздо больше, чем она думает. Почувствуй я хоть на миг

отвращение или неприязнь, или что-то в том же ключе — Солливер оказалась бы за дверью раньше, чем успела это понять.

Поэтому сейчас я почти касаюсь покрытыми чешуей пальцами ее губ.

— Как видишь. Это секретная информация, Солливер, цени.

Ответа не дожидаясь, киваю:

— Снимай платье.

Она поднимается и поворачивается ко мне спиной. Шуршит пояс, ткань обтекает ее тело, обнажая идеально чистую кожу, покатые плечи. Полоску белья.

Талию.

На талии оно и остается, Солливер подхватывает его и поворачивается ко мне лицом.

— Будет больно, — предупреждаю я. — И, возможно, ты не сразу его примешь.

— Что значит — не сразу?

— Может быть жар. В ближайшие сутки придется пить много воды.

— Я пью каждый час, — хмыкает она, а потом скользит пальчиком от ключицы к кромке белья. — Так что давай приступим.

— Вижу, ты любишь командовать.

— Никак не могу избавиться от этой пагубной привычки. Ты, судя по всему, тоже.

Я почти касаюсь ее плеча, змейка пламени стекает по воздуху за моей рукой. Солливер закусывает губу, глядя мне в глаза, а потом неожиданно обнимает меня за талию и подается вперед. Удар бедер о бедра получается слишком внезапным, равно как и прикосновение моих пальцев к ее груди. Первая искра пламени впивается в нежную кожу.

Солливер выгибается, как от резкого проникновения, а в следующий момент спазмом пронзает меня. Руку от кончиков пальцев до локтя и выше, как будто мое пламя отказывается меня покидать и бежит сквозь, внутрь кости, раскаляя ее изнутри. Я привык терпеть боль, но это — нечто совершенно иное, незнакомое и чужое. И поднимающаяся внутри волна ярости: звериной, острой — тоже ни на что не похожа. Мне кажется, из моей груди сейчас вырвется рычание,

вместо этого я сжимаю и разжимаю пальцы, как если бы их свело после долгой тренировки.

Пламени для харргалахт нет.

Ни капли. Оно все во мне, концентрируется внутри, превращая руку в раскаленный отросток силы, способной не то что раскрошить камень, который невозможно раскрошить, сравнять с землей половину Ферверна.

Осознание этого заставляет чуть не рычать от ярости уже меня.

Я.

Не.

Стану.

Никому.

Подчиняться!

Даже собственной звериной сути, которая возомнила, что может меня контролировать.

Рука продолжает гореть, но я собираю пламя — по крупицам, восстанавливая власть над ним — как учили на техниках безопасности. Собираю и направляю в пальцы крохотную часть того, что превращает мою кость в раскаленный штырь.

Солливер вздрагивает, закусывает губу, и пламя неровным узором впитывается в кожу. Она тяжело дышит, над верхней губой выступают капельки пота, а я снова вижу расплескавшиеся по покрывалу светлые волосы. И крохотные, едва различимые слезинки в уголке глаз под дрожащими ресницами. Драконовы слезинки, которые невыносимо хочется собрать губами.

Дрожь ее тела передается в мое, и я снова чувствую рождающееся внутри рычание. Женщина передо мной вцепляется пальцами в мои плечи, кусая губы. На шее бешено бьется жилка, соски под тонкой тканью кружева твердеют.

Харргалахт впитывается в кожу Солливер, закрепляясь тонким морозной дымкой, которая мгновенно тает.

— Все, — произношу я, и эхом звучит собственный голос в моей же спальне, в городском пентхаусе.

В моих воспоминаниях Лаура распахивает глаза, но сейчас передо мной то же самое делает Солливер. Пальцы на моих плечах с трудом расслабляются, она смотрит на меня и глубоко выдыхает.

— Торн... Это остро.

— Я предупреждал, что так будет.

Зверь во мне никак не уймется, и я делаю то, что не собирался делать — просто толкаю Солливер к столу, оказываясь между ее разведенных бедер. Платье, удерживаемое только нашими телами, ползет вниз, и она его подхватывает. Подается ко мне, вплотную, приподнимаясь и обтекая меня телом, как лоза скалу.

Обвивает руками шею и целует в губы.

До той минуты, как я вплетаю пальцы в ее волосы — потом Солливер отстраняется.

— Поможешь мне застегнуть платье? — спрашивает она, придерживая руками стальной шелк.

Застегивать платье, в котором она пришла, помогать вовсе не нужно — его пуговицы спереди и запах, который раскрылся как лепестки цветка, удержать не сложно. Достаточно просто накинуть его на плечи.

Что она и делает, а потом, по-прежнему в распахнутом платье тянется к сумочке, оставленной на стуле, достает зеркальце. Харргалахт рассматривает все с тем же любопытством и исследовательским интересом, чуть касается пальцами припухшей кожи.

— Ах.

Она выдыхает это так, как будто не просила пару минут назад застегнуть ей платье. После чего поворачивается ко мне.

— Пожалуйста, Торн.

Если быть честным, на нем всего две пуговицы и пояс.

Две пуговицы, которые скроют белье и частично узор, потихоньку засыпающий у нее на коже. Тем не менее я касаюсь одной, проталкиваю ее в петлю. При этом Солливер закусывает губу так, как если бы я проталкивал свои пальцы внутрь ее тела.

Тем резче звучат ее слова:

— Я всегда ночью дома, Торн. Благодарю за чудесный вечер.

Она приподнимается на носки, чтобы коснуться моей щеки губами, при этом застегивая пояс. Костяшки ее пальцев упираются в мой пресс как преграда и как знак того, что это — отнюдь не кокетство.

Остаться она действительно не собирается.

Я провожаю ее до телепорта, экстренное открытие можно сделать в любой момент, но у нас оно совершенно неэкстренное. Солливер рассказывает о том, что завтра у нее съемки в Аронгаре, и что продлятся они весь день. Будут снимать новую коллекцию купальников от Довери Лойс, бренда номер один вот уже пятьдесят лет.

— Пожалуй, мой день пройдет не настолько весело, — говорю я.

— Твоя работа скучнее съемок коллекции купальников? — Она смеется. — На самом деле я бы с радостью побывала в Зингсприде не по работе. Пару-тройку выходных где-нибудь на пляже... м-м-м, что может быть лучше! Особенно когда вокруг не бегают мужчины с профессиональной техникой. О! Кажется, телепорт готовы открыть!

И правда, штатный техник дает сигнал, по поверхности кольца проходит легкая рябь.

— Доброй ночи, Торн.

В телепорт она уходит, не оглядываясь, без каких-либо вопросов о харргалахт или наших дальнейших планах.

Я же разворачиваюсь и иду в сторону парка.

Сегодня мне предстоит еще одна встреча. Встреча с драконом, который возомнил, что может диктовать мне свои условия.

Глава 5

Сна по-прежнему не было.

Сегодня я ночевал в резиденции — и помимо столкновения с собственным драконом, вспоминал все, что осталось в моем прошлом. Если быть точным, воспоминания приходили короткими отрывками: семейные встречи по выходным, когда отец мог уделить нам завтрак или ужин, или общие собрания, на которых полагалось присутствовать всем.

— Загородная резиденция.

Эти два слова впервые произнес он, но когда он их произнес, у мамы горели глаза. Она любила его, я это знал точно. Так же, как ее любил он — как умел. Когда я говорил, что в ту ночь убили всю мою семью, я не лгал, но мама, пролежав три месяца в глубокой коме, все-таки пришла в себя. Чтобы увидеть меня и протянуть ко мне руку:

— Торн.

Это было единственное слово, которое она сказала — мое имя. До того, как спросить:

— Дорнхард...

Собственно, это был даже не вопрос. Она выдохнула его имя обреченно, уже зная, что я отвечу. Я ненавидел себя за то, что должен был ей это сказать. В наши дни можно предсказать выход из комы с точностью до секунды, поэтому врачи трусливо сбежали. Они всегда трусливо сбегают, когда не надо крошить и резать тела, а после их зашивать.

Я ненавидел себя за то, что должен ей сказать, что отец мертв. Ненавидел себя за свою слабость, поэтому нашел в себе силы только холодно вытолкнуть:

— Да.

Позже за это я себя ненавидел отдельно — до того, как окончательно не выжег из сердца все чувства, которые могли меня уничтожить. Разрушить. Превратить меня в слабака.

В ответ мама только глубоко вздохнула и прикрыла глаза.

Она умерла через пять дней, врачи назвали это «мгновенное угасание».

Ее я тоже ненавидел.

За то, что не стала сражаться, а сразу сдалась, но такова природа большинства пар. Убей драконицу — и дракон не захочет жить. Обратное тоже верно.

Пиликнул коммуникатор.

— Ферн Ландерстерг, к вам проектировщик. По поводу бассейна, — сообщил коммуникатор голосом Тиуса.

— Проводи его сразу к нему.

Преимущества бессоницы в том, что освобождается много времени для дел, до которых просто не доходили руки. По-хорошему, такими делами я не занимался уже давно, мне просто предлагали готовые варианты. Приносили расчеты, я оценивал, и, если все устраивало, запускал в работу. Но этот драконов бассейн хотела именно мама.

Спустя несколько минут я уже стоял у бассейна с мужчиной, который мне рассказывал, что и как можно сделать. А я вспоминал оборот: вчера взять контроль над драконом мне удалось значительно быстрее, но его сила во мне словно оказалась заблокирована. Попросту говоря, я совершил пару кругов без слияния — дракон просто отказывался выходить на связь. Мое сознание еще никогда не было таким ясным, как вчера, в зверином теле, но это напоминало кружение на сломанных крыльях. Природы зверя, раскрывающей основную мощь, во мне просто не было.

Возможно, у Ардена были свои соображения на этот счет, но с Арденом мы больше не общались. Цепочка чешуи на запястье поднялась еще на несколько миллиметров — такими темпами через пару месяцев мне придется менять крой перчаток.

— Ферн Ландерстерг. Вы хотели, чтобы бассейн в зимнее время был накрыт куполом?

— Нет, купол будет лишним.

Мужчина посмотрел на меня как-то странно.

Подсветка, очертившая контуры пока что засыпанного снегом бассейна, сверкнула на оправе его очков. Он был в наглухо застегнутой куртке и даже набросил капюшон — ночи в преддверии Ледяной волны в пустошах под Хайрмаргом суровы. Поэтому сейчас его явно смутила моя просьба.

Возможно, и тот факт, что я стою в рубашке без пиджака.

— То есть... вы хотите, чтобы вода подогревалась? — уточнил он.
— Но разница температур будет слишком велика. Я не уверен, что без купола...

— Я хочу, чтобы купол снимали на время моего плавания, — сказал я. — Это разные вещи.

— То есть вы хотите бассейн с ледяной водой, которая не будет замерзать?

— Именно так.

— И вы будете в ней купаться? В такую погоду?

Он осекся. Поспешно пробормотал:

— Прошу прощения. Я имел в виду, насколько ледяной должна быть вода?

— Не выше четырех градусов.

Дальше мы обсуждали преимущественно проектировку, а после я минут десять стоял под ледяным душем.

Телепорт, перелет, и шпиль Айрлэнгер Харддарк.

Мне стоило бы думать о Солливер, которая сегодня снимается на пляжах Зингсприда, а я думаю о том, как вел Лауру Хэдфенгер по коридору — туда, где не был уже давно. О том, о чем думать не должен в принципе. О том, что дракон воспринимает Лауру как пару.

Она у меня в крови. Эта женщина.

Эта мысль такая же дурная, как предыдущая. Поэтому я морщусь, натыкаюсь на взгляд Одер, и тут же избавляюсь от всех лишних эмоций. Пальто отдаю Хетнеру, сам прохожу в кабинет.

Тяжесть на сердце становится совершенно невыносимой, когда взгляд падает на кресло, в котором она сидела. Какая разница. В нем точно так же сидела Солливер. Это просто кресло.

Лаура Хэдфенгер — мое прошлое.

«А ты — мое прошлое, будущее и настоящее».

Ее голос звучит в сознании, крошит броню на осколки, осыпающиеся льдом. Разнести к драконам этот кабинет, обернуться — и спустя сутки быть у нее. Вот чего он хочет. Этот зверь, который никак не желает признавать, что Лаура Хэдфенгер — прошлое.

Ему больно.

Разумеется, ему больно — когда у дракона отнимают пару, он сходит с ума, но это невозможно. Она человек. В ее биографии и в

биографии ее предков на сотни поколений нет ни капли драконьей крови.

— Чем раньше ты это поймешь, тем лучше.

Непонятно, кому я это говорю: ему или себе.

Что не так с этой женщиной, что драконов к ней тянет, как магнитами невиданной силы?

Верраж так и не пришел в себя. Он ест и пьет механически. Гуляет только под приказами, потому что один раз его пришлось ловить на боевом флайсе.

Он не спит так же, как я.

А иногда начинает плакать.

Тот, кто видел драконьи слезы, вряд ли их когда-то забудет. Они напоминают раскаленные капли, с шипением впитывающиеся в снег.

Ненависть — то чувство, которое я не могу себе позволить по отношению к ней. Потому что ненависть — это чувство, а она его не достойна. Больше, чего она достойна, я ей озвучил в нашу последнюю встречу. Надо было видеть, как сверкнули у нее глаза.

Перчатка крошится хлопьями, я раздраженно стягиваю ее и швыряю в мусорную корзину. Если бы можно было выжечь Лауру Хэдфенгер с помощью пламени, я бы просто запустил его в самую глубину существа. Хоть весь чешуей покрылся, но сомневаюсь, что это возможно.

Юргарн Хэдфенгер умолял меня позволить ему остаться. До сих пор помню его стоящим передо мной на коленях, а на коленях стоило стоять ей. Если она хотела просить за свою семью.

Я и сейчас вижу ее на коленях.

Представляю, как смотрю на нее сверху вниз, направляя рукой ее голову.

Да чтоб тебя!

Я роняю, а если быть точным, швыряю себя в кресло усилием воли.

Смотрю в монитор, открываю почту. Далее — все по графику. Полчаса на разбор почты, полчаса на оперативку с департаментами. Руку продолжает дергать искрами, но я не обращаю на это внимание.

Встреча с Нергхиллером по экономике.

Новости от Валенхарда из пустошей Ниргстенграффа — слабые толчки снова потревожили драконов, но ничего критического.

Прощение от Рэгстерна. Очередное.

Я смахиваю его в корзину, даже не взглянув на текст.

Эллегрин знала, на что идет. И она знала, где окажется. Возможно, рассчитывала на нашу с ней дружбу?

Это ее проблемы.

Сейчас мне не хочется воспоминаний, но видимо, просто такой период.

Эллегрин подходит ко мне, прижимается щекой к плечу.

— Мне так жаль, Торн, — говорит она. — Ты даже не представляешь, как мне жаль.

Мы действительно были друзьями, и она сбежала из Бельвенхарта. Сбежала от отца, от матери — ко мне, просто чтобы выразить свое сочувствие. Девочка, которой было одиннадцать, уже тогда Эллегрин знала, как добиться своего. Этот побег стоил места ее телохранителю, а если быть точным, карьеры. Ее отец сделал все, чтобы парень больше не нашел работу, проследить его судьбу оказалось легко.

Он закончил вышибалой в третьесортном клубе, где его застрелил какой-то сумасшедший ревнивый муж. Возомнивший, что тот слишком плотоядно посмотрел на его жену.

Эллегрин — даже не прошлое, она просто архив.

Но что-то сейчас все равно царапает. Возможно, то, что между нами была история, чуть выше обычного подросткового романа. Возможно, это именно то, что заставило меня отдалиться от Лауры.

Я отталкиваю эту мысль, но она возвращается.

Снова и снова.

Снова и снова.

— Я прошу тебя, Торн. Пожалуйста. Тебе необязательно жениться на простой женщине. Тебе необязательно становится примером, найдутся сотни ирллангов, которые с радостью разбавят свою кровь просто потому, что помешались на обычных человеческих ларьках.

Это был тот самый день, когда Лаура впервые переступила порог моего кабинета.

— Выбирай выражения, Эллегрин.

— Выбирай выражения?! Выбирай выражения! Да я всю жизнь выбираю выражения! — Она почти кричит, голос становится выше, врезается в стекла. — Я всю жизнь пытаюсь сделать правильный

выбор, но правда в том, что я хочу быть с тобой! Я люблю тебя! Для тебя это совсем ничего не значит?!

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на нее. Красивая женщина. Красивая, с сильным пламенем, от которой мог бы быть сильный первенец. Не больше.

— Нет.

Она открывает рот. Закрывает.

Опрометью вылетает из кабинета.

У нас с Эллегрин могло бы получиться, не случись у нее романа с Арденом. Между ней и Арденом я выбрал друга.

— Ты же никогда на меня не смотрел... — когда я об этом узнал, она действительно кричала, размазывая тушь по лицу. — Никогда не смотрел на меня больше, чем... больше, чем просто девчонку, которая всегда была рядом. А я всегда была рядом, по первому слову, Торн! Что толку, что я была рядом? Ведь я тебе была не нужна. Я не хотела с ним спать! Я не хотела, Торн... Я не хотела!

Она сползла на пол, обнимая меня за колени, а я вздернул ее на ноги и посмотрел ей в глаза:

— Никогда больше так не делай, слышишь?

— Ты простишь меня? Ты меня простишь?! Он мне правда не нужен, он...

— Никогда больше об этом не вспоминай. И наша дружба не пострадает.

Разумеется, я лгал самому себе. Наша дружба пострадала, и пострадала основательно — именно в тот день мы друг от друга отделились раз и навсегда. Тем не менее я продолжал с ней встречаться по инерции — по инерции того времени, когда она была моим якорем. Одним из немногих, позволяющих мне удержаться на поверхности, не уйти на дно, не сорваться в пустоши. Я был не готов к чувствам, но единственное, что меня держало — это чувство к ней.

Короткое, поломанное, первое и совершенно бессмысленное.

Об этом Эллегрин так и не узнала.

Все это тоже было прошлым, но почему-то именно сейчас оно вскрывалось. Как прошлогодний лед, обнажая уродливые края и неровности во мне самом, выдирая из недр, запаянных льдом и свинцом, чудовищ пострашнее глубоководных драконов.

Я перевел взгляд на запястье, а после — снова на монитор ноутбука и ушел в работу.

Очнулся от сигнала коммуникатора и голоса Одер:

— Ферн Ландерстерг, со мной только что связался ферн Доррентхайн.

Ферн, а если быть точным, ахран Доррентхайн, бессменный вот уже тридцать пять лет секретарь мирового сообщества. Иногда мне кажется, что он не рассыпается исключительно благодаря внутреннему упрямству и стержню, на которого нанизаны кости и внутренности.

— Он просил передать, что сегодня вечером вас ждут в Мэйстоне на экстренном заседании.

— Тема?

— Он не конкретизировал. Сказал только, что среди прочего будет поднят вопрос спонтанного оборота.

Глава 6

Мэйстон ничем не напоминает Хайрмарг. Хотя что-то общее у них определенно есть, и часть этого — уровень силы. Драконов, его правителя. Халлоран по праву занимает пост председателя Совета Аронгары, и пусть наши мнения кардинально расходятся, я не могу этого не признать.

«Для тебя никогда не было авторитетов, — выговаривал мне отец. — Никогда, Торн. Для будущего политика это недопустимо».

«Недопустимо, чтобы политик опирался на чей-то авторитет, кроме собственного», — ответил я.

Что для меня допустимо сейчас? Я знаю только одно: обороты на территории Ферверна — это мое дело. Равно как отключение щитов — дело Халлорана. Даже если у них по улицам будут ходить драконы, это будет его дело, делом его рук. Мне никогда не приходило в голову диктовать условия правящим из других стран.

Возможно, зря.

Флайс несет меня над городом, острова которого соединены перекинутыми мостами и аэромагистралями. Мосты Мэйстона — одна из мировых достопримечательностей, когда я впервые здесь оказался, смотрел большей частью на них. Сейчас я смотрю на высоту солнца, заливающего холодным светом высоты, и на Лаувайс, силу и мощь Аронгары.

Когда-то эта игла была надломлена, когда-то сила и правление Халлорана были под вопросом. Я знаю все слабости и все преимущества тех, кто сегодня собирается на Совет в Ангэр Хайт. Это отдельное куполообразное здание, часть его расположена наверху, а часть — под землей. Наверху собирают Советы Мирового сообщества и советы правления Аронгары.

Под землей проходят поединки иртханов, это старая традиция, дань которой отдается лишь изредка. Почему меня не оставляет мысль вызвать на поединок Эстфардхара? Чтобы спустя несколько минут наблюдать за тем, как он корчится у моих ног.

Я знаю ответ, и этот ответ мне не нравится.

Поэтому сейчас пишу Стенгербергу: «Найди для меня Солливер Ритхарн».

О том, что съемки у нее прошли замечательно, я уже знаю. Равно как и о том, какие фото в каком онлайн журнале окажутся в ближайшее время. О том, что ее реакция на харргалахт была гораздо мягче, чем у Лауры — она спокойнее приняла мое пламя. По-хорошему, Хэдфенгер тоже должна была принять его более чем спокойно.

По-хорошему, даже проблемы с ней должны были быть иного рода.

Но по-хорошему с ней не получается. А по-плохому...

Ангэр Хайт встречает меня стандартной пропускной системой, браслетом на руку. Вторая рука по-прежнему в перчатке, и мне на миг даже интересно — как скоро Мировое сообщество попыталось бы отстранить меня от правления, узнай они о том, что со мной происходит.

Меня встречает секретарь Халлорана.

— Ферн Ландерстерг, добро пожаловать в Мэйстон.

— Благодарю, Хэйсмер.

— Как добрались?

— Без пробок.

Она улыбается, и мы вместе идем к лифтам. А после — в зал заседания, где уже собрались все главы мировых держав, в том числе и Раграна — Бермайер восседает рядом с Халлораном, который общается с Доррентхайном.

Заметив меня, все как-то разом подтягиваются, и в зале заседания холодает.

— Всем доброго дня.

— Торнгер. — Рэйнар шагает ко мне и протягивает мне руку.

Я ее пожимаю.

— Что с рукой?

— Поранился.

Я говорю это достаточно громко, чтобы никому в голову больше не пришло интересоваться, что у меня с рукой. Хотя сейчас мне хочется просто стянуть перчатку и посмотреть на их лица, это как минимум недипломатично. Да, именно так сказал бы мой

преподаватель из Академии, который долгое время не хотел засчитывать мне результаты теста.

— То, что вы решили четыре варианта, каждый на сто баллов из ста возможных за отведенное на один вариант время, Ландерстерг, еще не значит, что вы будете их применять.

Арден долго припоминал мне этот экзамен.

Странно, что он не напомнил о нем во время нашей последней встречи.

— Поскольку все собрались, можем начинать. — Доррентхайн кивнул местному подобию мергхандаров — вальцгардам, чтобы те запечатали двери. Протокол безопасности, который, к слову, совершенно небезопасный. Сиди я во главе организации «К истокам времен», считающей иртханов паразитами, использующими людей, я бы постарался собрать информацию, когда на месте соберется как можно больше правителей за запечатанными дверями.

Примерно так размышлял кузен Гранхарсена-Гроу, и ему почти удалось осуществить свой план. Если бы сила глубоководного фервернского просто-напросто не свела его с ума, он бы уничтожил всех, но он бросился за девчонкой. Танни Гранхарсен, первая за много тысячелетий иртаханесса, чья сила родилась как у пустынных шаманов, стала для него маяком.

Так что правителям повезло: всем, в том числе Халлорану.

Помощница Доррентхайна, протоколистка, опускает голову. Она тоже иртаханесса, но выносить такую концентрацию сильного пламени физически тяжело даже иртханам. Пусть оно под контролем, его ментальная мощь ощущается инстинктивно.

— Еще раз приветствую всех. — Доррентхайн поднимает руку. — Сегодня у нас главный вопрос: спонтанный оборот.

Все смотрят на меня. Руки девушки порхают над дисплеем планшета.

— Ферн Ландерстерг, первый вопрос к вам.

Я ловлю взгляд Халлорана: пристальный, испытующий.

— Что послужило причиной вашего спонтанного оборота?

После этого в зале повисает тишина. Настолько глубокая, что я слышу дыхание протоколистки. Которая старается дышать так тихо, как только возможно. Обвожу взглядом собравшихся — от Лархарры до Фияна. Спокойно подаюсь вперед:

— Оборот не был спонтанным.

После этого тишина становится звенящей, как воздух в пустошах за пару мгновений до порыва ветра во время Ледяной волны.

— Вы утверждаете, что оборот не был спонтанным?

— Совершенно верно, — отвечаю. — Он был осознанным, контролируемым, и прошел так, как мне требовалось.

А если не прошел тогда, пройдет позже.

— Вы знаете, что обороты запрещены, ферн Ландерстерг. — Голос Халлорана тоже становится холодным и очень официальным. По всей видимости, он не ожидал, что его игру со спонтанностью я поддерживать не стану.

— Не на территории Ферверна.

— Прошу прощения?

У меня ощущение, что можно убрать всех остальных из этого зала. Спокойно. Да что там, это не ощущение, разве что Ийхарфан из Фияна здесь что-то еще решает. В основном же поддерживаются инициативы ведущей державы — Аронгары.

— На территории Ферверна существуют внутренние законы, которые не имеют никакого отношения к территориям других стран.

Теперь все переглядываются. Похоже, начинают понимать, что сейчас им придется выбирать сторону, и я даже представляю, чью сторону они выберут. Не нужно было протирать штаны в Академии, чтобы это понять.

— Решения такого уровня принимаются на заседаниях Мирового сообщества, ферн Ландерстерг.

— При всем уважении, решения по поводу своей страны я способен принять единолично, местр Халлоран.

Глаза Халлорана становятся темными.

Протоколистка, кажется, жалеет о том дне, когда родилась на свет, все остальные подобрались. Относительно спокоен только Доррентхайн, иногда мне кажется, что его нейтралитет — это что-то уникальное. По выражению лица секретаря можно прочесть какой угодно действующий устав, но не более.

— Решения уровня, способного повлиять на весь мир, мы принимаем вместе, ферн Ландерстерг. Так было всегда.

— Значит, пора что-то менять. Собирать совет по поводу внутренней политики того или иного государства как минимум

нерационально, а по существу — бессмысленно.

— К внутренней политике это не имеет ни малейшего отношения.

— Имеет, непосредственное. Мой оборот никоим образом не затронул интересы других стран и не причинил вреда ни одному живому существу. Поэтому именно этот вопрос я считаю исчерпанным.

Брови Халлорана сходятся на переносице.

— Вы считаете себя вправе диктовать условия Мировому сообществу, ферн Ландерстерг?

— Я считаю себя вправе единолично принимать решения, касающиеся Ферверна, о чем уже сообщил вам ранее.

— Существует закон и свод правил, которому подчиняются все присутствующие здесь.

Я смотрю на него в упор.

— Вы сейчас хотите сказать, местр Халлоран, что я не соблюдаю законы?

— Оборот считается запрещенной манипуляцией, и вам это известно не хуже, чем мне. В связи с чем я вынужден вынести вам первое предупреждение, ферн Ландерстерг, касающееся осознанного нарушения установленного Мировым сообществом свода законов.

Я усмехнулся, а потом посмотрел на секретаря:

— Подготовьте, пожалуйста, документы, о выходе Ферверна из Мирового сообщества.

Кажется, Доррентхайна я переоценил: теперь существенно напрягся даже он. На миг, впрочем, компенсировал это короткой просьбой ассистентке, которая сбилась с протокола. Пожалуй, только его слова и нарушили тишину, воцарившуюся после моего комментария.

— Такие решения не принимаются единолично, ферн Ландерстерг. — В голос Халлорана вплелось пламя.

Пока что едва уловимое, но эту силу я ощутил весомо.

— Я не стану в третий раз комментировать ситуацию.

— Вы не можете выйти из Мирового сообщества.

— Вот как?

Пламя, которое я отпустил, ничуть не уступало пламени Халлорана.

— Выход любой страны из Мирового сообщества выносится на голосование и утверждается в строго оговоренном порядке.

Я обвел собравшихся взглядом: теперь на меня смотреть избегали. Струящееся под перчаткой пламя пульсировало в центре ладони.

— Голосуйте, — произнес я. — О решении сообщите мне в установленном порядке.

Не дожидаясь ответа, поднялся.

— Ферн Ландерстерг! — В ставшем еще более низком голосе Халлорана послышалось рычание.

Я обернулся. Посмотрел ему в глаза:

— Вы слышали мое решение, мэр Халлоран. Дальнейшее — дело времени.

Вальцгарды передо мной расступились, из зала заседаний я вышел первым, игнорируя уже навязшее в зубах Доррентхайна «Заседание объявляю закрытым». Сопровождавшие меня мергхандары, которых возглавлял Крейд, окружили меня живым щитом. Движение которого я чувствовал на уровне пламени, поэтому, когда в нем возникло напряжение, ощутил сразу же.

И обернулся.

— Ферн Ландерстерг, — взгляд главы Раграна ударился о мой, — я бы хотел с вами переговорить.

Оставив сопровождение — и мое, и его, что с точки зрения Стенгерберга было страшным нарушением протокола безопасности, мы прошли в самое сердце Ангэр Хайт. Этажи-кольца поднимались вдоль купола, пространство, которое было заключено здесь, само по себе наводило на мысли о мощи Аронгары.

Сейчас мне не до Аронгары, потому что Бермайер, остановившись у поручней, смотрит вниз и произносит:

— Невероятная сила, правда?

По иронии судьбы на напольной фреске изображен оборот. Иртхан предстал перед советом сильнейших, чтобы доказать свою состоятельность, как правителя.

— Всего лишь история.

— Это может стать нашей реальностью.

Не твоей точно. В Бермайере не хватит силы, чтобы обернуться, и мы оба это прекрасно знаем. А даже если такое случится, оборот оставит его зверем на всю оставшуюся жизнь. Халлоран вернется. С

вероятностью девяносто девять и девять десятых процента. Сейчас — вернется, хотя его спонтанный оборот в прошлом чуть не стоил ему человеческой жизни.

— Вполне возможно, — отвечаю я. — Но вы же пригласили меня не за этим? Не для того, чтобы немного пофилософствовать на тему того, что нас ждет в ближайшие пару десятков лет.

Бермайер улыбается.

— Разумеется, нет, ферн Ландерстерг. Я просто хотел, чтобы вы знали, что я вас поддерживаю. Целиком и полностью.

Я смотрю на солнце, только иртвах может смотреть на солнце спокойно, зрачок зверя сужается до таких размеров, что свет не способен ему навредить. Разумеется, если не делать этого постоянно и по два часа в день — поэтому я сейчас перевожу взгляд на главу Раграна. Его лицо располосовано светом и тенью, две части делают его похожим на маску.

— Думаю, вам стоит сказать об этом остальным.

Я киваю и ухожу. Его взгляд вонзается мне в спину, но я не замедляюсь ни на секунду.

У себя в квартире оказываюсь глубокой ночью, и совершенно не удивляюсь, когда Стенгерберг интересуется, что делать с Солливер Ритхарн.

Действительно, между расплывчатым «найди» и «привези ее ко мне» есть существенная разница. Проблема заключается в том, что этой разницы для меня нет. Солливер Ритхарн идеальный инструмент для реформы и еще более идеальный для того, чтобы вывести токсин Лауры Хэдфенгер из моего дракона.

Рано или поздно он ее признает.

И лучше ему сделать это сразу.

— У тебя своеобразный способ пригласить девушку к себе, Торн, — сообщает Солливер, когда проходит ко мне в гостиную.

В присутствии мергхандаров она молчала, и это еще один ее плюс.

Она умеет слушать и слышать.

— Это не приглашение. Это вызов.

— Вызов кому? — интересуется она.

Я ее изучаю. Даже после съемки она выглядит сногшибательно, ее энергия — это что-то невероятное. Макияж идеален, а под тонким

платьем, поверх которого наброшено легкое пальто, я уверен, ничего нет.

— Как прошла фотосессия?

— Тебе правда это интересно?

— Нет.

Солливер качает головой:

— А что тебе интересно, Торн? Почему ты вообще меня выбрал?

— Из тебя получится идеальная первая ферна, — говорю я.

И, прежде чем она успевает что-то ответить, разворачиваю ее лицом к барной стойке.

На ней — коробка с кольцом.

Кольцо от «Адэйн Ричар», разумеется. Я просил сделать точную копию, чтобы раз и навсегда уничтожить воспоминания о том дне, когда в мою кожу впивались осколки, а чувство было такое — что в мое сердце. Мое сердце, по сути, необходимо только для того, чтобы гонять по венам кровь, наполненную пламенем. Остальной его функционал совершенно излишний, и та ситуация стала наглядным тому примером.

Солливер усмехается, касается коробочки пальцами, скользит по закрытой крышке с эмблемой ногтями.

— И это — все? — спрашивает, повернувшись ко мне. — Думаешь, я так просто продаюсь, Торн?

Она качает головой.

— Прости, но нет.

— Нет? — интересуюсь я.

— Нет. Я согласилась на харргалахт, но не на то, чтобы стать твоей женой. Для меня это как минимум слишком рано.

Будь во мне дракон, он бы сейчас рычал, но в ее присутствии внутри тишина. Такая, как в ледяном гроте, в котором можно сорвать глотку в крике, в попытке услышать ответ.

— Главное, чтобы не стало поздно, Солливер, — говорю я.

— Если ты так ведешь себя со всеми женщинами, я не удивляюсь, почему она от тебя сбежала.

— Что? — спрашиваю очень тихо.

— Ты меня слышал. — Она смотрит мне в глаза, не отводя взгляд. Я чувствую, как пульсирует харргалахт на ее коже. — И я не собираюсь становиться суррогатом, Торн Ландерстерг. Разберись

сначала со своим бзиком по имени Лаура Хэдфенгер. А потом я подумаю над тем, что ты можешь мне предложить.

Она шагает к дверям, но я перехватываю ее за талию. Солливер замахивается, и второй рукой я перехватываю ее руку. Той, что закрыта перчаткой, которая расползается клочьями, пламя оплетает тонкое запястье и втекает в харргалахт.

— Отпусти. — В глазах отражается мое же пламя, узор светится так, что платье становится почти прозрачным.

— Останови меня, — говорю я.

А потом с силой толкаю лицом к барной стойке.

Солливер натурально рычит — когда я задираю ей платье вместе с пальто, скользя ладонями по бедрам. Белья на ней действительно нет, и она вцепляется пальцами в серебро мрамора, прожилки на нем разбегаются от ее ногтей льдом, как если бы она и впрямь была иртханессой.

Я чувствую ее влагу на своих пальцах, и точно так же чувствую ее дрожь, когда скольжу по набухшим складкам пальцами, без промедлений врываясь ими же в ее тело. От сжатия мышц член становится каменным, но я продолжаю трахать ее пальцами, врываясь в горячее тело до тех пор, пока она не сжимается еще сильнее, запрокидывая голову и выдыхая не то рычание, не то крик.

Эта дрожь течет по ее телу, как пламя сквозь мою руку, обжигая огнем, и столешница покрывается морозным узором. К счастью, я успеваю заметить это раньше, чем он доберется до ее судорожно сжатых дрожащих рук, убираю ладонь.

А потом резко выдергиваю из нее пальцы.

— Оближи, — приказываю, прикладывая ладонь к ее губам.

Солливер раскрывает губы, обхватывая мои пальцы. Едва скользит по ним языком, а потом с силой сжимает зубы. На фоне раскаляющего кость пламени это кажется щекоткой или уколом иглы. Тем не менее когда я отнимаю руку, вижу на ней кровь.

Солливер вытирает губы тыльной стороной ладони, а потом берет коробку с кольцом.

— Трахни себя сам, Торн, — сообщает с милой улыбкой, которая больше напоминает оскал, открывает коробку и вкладывает кольцо мне в ладонь.

После чего с силой отталкивает и идет к дверям.

— Пропустите, — сообщаю я, когда на кухне оживает коммуникатор.

Возвращаю кольцо в коробку и закрываю его, после чего поднимаюсь в душ.

«Трахни себя сам, Торн».

Совет не настолько плохой, потому что стоит мне оказаться под ледяным душем и сомкнуть кольцо пальцев на члене, как перед глазами встает совершенно другой образ. Небесно-голубые глаза, и губы, приоткрытые вовсе не для того, о чем я постоянно думаю в последнее время.

Оргазм выходит настолько ярким, что на мгновение ледяные плети воды на плечах перестают ощущаться вообще, зато собственное пламя вспыхивает раньше, чем я успеваю его поймать. Вспыхивает, окутывая меня дымкой, растекаясь чешуей по коже и отбрасывая в трансформацию с такой яростной силой, что выдох вырывается из груди уже драконьим пламенем.

И меня затягивает в оборот.

Глава 7

Время, прошедшее после несостоявшегося оборота, показалось мне смазанным. Я снова с головой ушел в работу, выкинув из нее все и всех, что мешало сосредоточиться. После поражения — я перехватил контроль в ту минуту, когда тело дракона уже обретало материальность — он больше не показывался. Я не чувствовал его совсем, как если бы часть меня отрезало и швырнуло с Ньелуаня — самой высокой точки нашего мира, расположенной в Фияне и именуемой драконьей бездной.

Этой части во мне больше не было, а оставшееся во мне пламя ирлхана напоминало отголоски взрывной волны. Запястье, оплетенное поднимающейся уже под манжет рубашки чешуей, больше не горело. Его украшали металлические наросты на коже, покрытые льдом. Мировое сообщество, несомненно, порадовал бы факт, что в ответ на обращение к дракону я не чувствую ничего, но об этом я им сообщать не собирался.

Судя по молчанию Сообщества и Халлорана, они заняли выжидательную позицию, но как скоро их ожидание закончится, меня совершенно не беспокоило. К вопросу выхода из Мирового сообщества я подошел не за один день, и отступать не собирался. Им же в любом случае придется принять решение, поскольку пока я официально вхожу в состав Совета, с новыми законопроектами и прочей бюрократией у них возникают существенные сложности.

— Ферн Ландерстерг, к вам ферна Ригхарн без предварительной договоренности.

В том, что Солливер объявится, не было ни малейших сомнений. Разве что продержалась она чуть дольше, чем я себе представлял.

— Пусть войдет, Одер.

Солливер не вошла. Она влетела, если можно так выразиться — все же с эмоциями она справлялась куда лучше, чем Лаура. Тем не менее этот первый порыв, когда в ее движениях проявилась хищная резкость, я отметил сразу.

Она прошла, остановилась напротив меня, сложила руки на груди.

— Что это значит, Торн?

— Что именно? — уточнил я.

Вопрос не был риторическим, потому что съемки в Зингсприде и отказы по контрактам, которые должны были ей прийти, все-таки не были одним целым.

— Начнем с контрактов, — она шагнула ближе.

— Первая ферна не будет заниматься модельным бизнесом.

Солливер приоткрыла рот. Потом его закрыла. Потом выдохнула:

— Я не сказала тебе да, Торн.

— Ошибаешься, — я посмотрел ей в глаза. — Ты сказала «да», когда приняла харргалахт.

— Ты...

— Сядь, — я взглядом указал ей на стул. Взглядом и интонациями — говоря о том, что этот разговор продолжится исключительно на моих условиях. Или закончится прямо сейчас.

Солливер плотно сжала губы, но все-таки села. Хотя глаза метали молнии, а крылья носа дрожали, выдавая звериную ярость. Эта эмоция мне в ней тоже нравилась. С хищниками проще говорить, мы с ними похожи.

— Наш союз — уже состоявшийся факт, — произнес, по-прежнему не отпуская ее взгляда. — Мне казалось, ты это понимаешь. Или я ошибался?

Солливер слегка сжала пальцы на подлокотниках, но тут же расслабилась.

— Предпочитаешь ставить женщин перед фактом?

— Предпочитаю женщин, которые просчитывают факты задолго до того, как их перед ними поставят.

Она снова раздула ноздри, но промолчала. Ее умение держать паузы и удары тоже говорило в ее пользу.

— И мы вернулись к тому, от чего ушли. Заниматься модельным бизнесом ты больше не сможешь, зато сможешь уделять больше времени себе, отдыху и благотворительности. Помимо прочего, сейчас у тебя будет очень насыщенная жизнь. Например, завтра мы с тобой идем на премьеру в Ригн Свихт.

— Все-таки любишь ставить перед фактом, — Солливер усмехнулась.

— Это существенно экономит время. Будет лучше, если рядом со мной ты появишься уже с кольцом на пальце.

— А как же семейные ценности, Торн? — Она наклонила голову, голос ее сочился сарказмом. — Не боишься, что избиратели скажут, что ты меняешь невест, как перчатки?

Взгляд ее уперся в мою руку, и под вуалью предыдущих слов промелькнула предсказуемая провокация. Хорошо, что сейчас, потому что если бы Солливер с ней затянула, я бы, с наибольшей вероятностью, разочаровался.

— Если бы я боялся того, что и кто обо мне скажет, мне бы стоило подать в отставку прямо сейчас.

Ответить Солливер не успела: пикинул коммуникатор.

— Ферн Ландерстерг, ферн Стенгерберг говорит — что-то срочное. Он отправил информацию вам на почту и ждет комментариев.

Я перевел взгляд на погасший монитор, коснулся его пальцами.

— Благодарю, Одер.

Информация от Стенгерберга оказалась фотографиями.

Фотографиями Лауры Хэдфенгер.

Взглянув на которые я почувствовал, как внутри рождается дикая, ледяная ярость.

Потому что помимо Лауры на них был Арден. Они вместе выходили из кафе, из какой-то забегаловки в Рагране, в дешевом, забытом всеми драконами районе места, где она решила снять себе квартиру. Я захлопнул ноутбук и перевел взгляд на Солливер.

— У тебя есть какие-то вопросы ко мне?

Она покачала головой:

— Всего один, Торн. Как ты предполагаешь нашу совместную жизнь, если общаешься исключительно приказами?

На этот раз дожидаться ответа она не стала, поднялась и вышла. Правильно сделала, потому что обсуждать ее личные заморочки я сейчас точно не был намерен. Ее дело — улыбаться на камеру, и она приняла правила игры. В отличие от Лауры Хэдфенгер ее даже учить улыбаться на камеру не надо.

Я несколько раз сжал и разжал пальцы, перчатке все равно не грозило вспыхнуть, но чешуя хрустнула с такой силой, как будто ломались кости. Я почти смирился с тем, что рядом с ней трется

Эстфардхар, но появление рядом Ардена снова подняло внутри волну, сравнимую по силе с Ледяной.

Арден.

Наблов Арден.

Я коснулся коммуникатора, и Стенгерберг ответил сразу же.

— Почему вы его вообще выпустили?

— Торн, у него нет запрета на выезд. Ты лично подписал ему белый паспорт.

Белый паспорт выдается дипломатам, мергхандарам на особом задании или же специальным агентам. Ардена я освободил от запрета на выезд (учитывая специфику его работы), потому что знал его много лет. Потому что даже Эллегрин не позволил встать между нами.

— Хорошо, — коротко ответил я. — Давно он вернулся?

— Сразу же. Они с ней просто разово встретились в кафе.

— Хорошо. Жди инструкций.

Я отключился, поднялся и подошел к окну.

Мне нужно было время, чтобы переварить эту ярость и осмыслить встречу, которая казалась немыслимой. Зачем Ардену встречаться с Лаурой Хэдфенгер? Если она не беременна. А если она беременна, и он промолчал?

Я вернулся к столу и вдавил палец в коммуникатор.

— Одер, соедини меня с Арденом. Срочно. — Я перевел взгляд на прикрытые завесой тонировки высотки за окнами. — Где бы он ни был.

— Хорошо, ферн Ландерстерг.

Коммуникатор пиликнул за моей спиной спустя пять минут. Я приблизился к столу и снова коснулся панели.

— Что такого произошло, Торн, что ты общаешься со мной через секретаря?

— Это ты мне расскажи, Арден, что такого произошло, что ты за моей спиной встречаешься с Лаурой Хэдфенгер.

Из трубки донесся смешок.

— За твоей спиной, учитывая, что на ней у тебя глаза Стенгерберга, сделать что-либо невозможно. Я встречался с Лаурой, чтобы сказать, что в случае ее беременности ей грозит опасность, и ей нужно срочно принять меры, чтобы уберечь и себя, и ребенка.

— Она беременна?

— Я не знаю.

Я опустился в кресло.

— Она подпустила тебя к себе, Арден.

— Да, это действительно чудо.

— И ты не взял у нее кровь?

По ту сторону связи воцарилась короткая пауза. Которая, впрочем, ожидаемо прервалась:

— Торн, о чем ты вообще говоришь?

— Я говорю о том, что ты мог привезти мне анализы.

— Ты это сейчас серьезно? Как ты себе это вообще представляешь? Она говорила со мной исключительно потому, что я пригласил ее в кафе. Эта женщина представляет тебя кем-то вроде глубоководного дракона, и если честно, временами я с ней согласен.

— Мне совершенно все равно, кем она меня представляет. Мне важно знать, носит она моего первенца или нет. Ты можешь это сделать, и ты можешь сделать это так, что мы не окажемся в состоянии холодной войны с Раграном. Лаура Хэдфенгер при всех ее странностях чрезвычайно доверчива, и, если ты проведешь с ней определенную работу, она согласится сдать тебе анализы добровольно.

Очередной паузы мне хватило, чтобы просмотреть экономические показатели. Вскользь, конечно, но тем не менее.

— Торн, если она беременна, ей действительно нужна помощь. Ей действительно нужен ты. Почему бы тебе не поговорить с ней нормально?

— Напомни, у тебя дополнительный диплом психолога? — поинтересовался я. — Оставь свои умозаключения при себе и выполняй приказ, Арден. Рядом с ней трется Эстфардхар, это может создать определенного рода сложности, но если она беременна от меня, сложности будут уже у него. Даю тебе отпуск на месяц, Стенгерберг и Мирденхард из внешней разведки сделают все, чтобы тебе было легче работать. За это время у меня на столе должен лежать отчет с результатом исследований ее крови.

— Нет.

Ответ, в сущности, был предсказуем. Потому, что я хорошо знал Ардена.

— Я повторю второй раз исключительно потому, что мы друзья. Мне нужны ее анализы, и их сделаешь ты.

— Эта женщина заслуживает лучшего, Торн. И она совершенно точно не заслуживает того, чтобы все подряд ее предавали. Исключительно потому, что мы друзья, я сейчас с тобой все еще говорю, и мой ответ останется неизменным. Нет.

Я постучал пальцами по столу. Залитый солнцем Хаймарг казался чужим, как если бы я только что случайно здесь оказался, а не провел в нем всю жизнь.

— Нет, — повторил я. — В таком случае, Арден, ты пойдешь под трибунал.

— Трибунал? — хмыкнул друг. Или бывший друг. Пока что я смутно понимал, кто он для меня, потому что все, что было привычным, осыпалось как под ударом лавины. — В мирное время?

— Что ты знаешь о мире? — поинтересовался я. — Или о том, что сейчас происходит в мире?

— Так расскажи мне, Торн. Поговори со мной нормально, а не приказами.

«Как ты предполагаешь нашу совместную жизнь, если общаешься исключительно приказами?»

«Поговори со мной. Пожалуйста».

Это тихое, совершенно без претензий, прозвучавшее в тот вечер, когда я забирал ее из дома отца после случившегося в ресторане взрывает мир ледяным пламенем. Потому что я-настоящий и я-сидящий в тот момент рядом с ней — мы стоим на противоположных полюсах, но сейчас я снова становлюсь им. До боли сжимаются пальцы от невозможности ее обнять, и что-то похожее раздирает грудь изнутри. Я знаю, что если сейчас позволю это себе, она утонет в моих объятиях, и мир больше никогда не будет для меня прежним.

Она, одна ее просьба, способна была изменить все.

Это я допустил, чтобы это случилось — с ней. Это я приказал мергхандарам стоять за дверями. Не приближаться, чтобы не портить ей праздник.

Потому что попросила она.

Так же, как просила меня снять щиты. И в тот момент, когда я соглашался, я просто представлял себе ее улыбку. Ее счастье. Ее последнюю встречу с однокурсниками в неформальной обстановке, потому что мы оба прекрасно понимали: после официального обручения подобное будет уже невозможно.

Я вспоминаю, и грудь сдавливает, как от нехватки воздуха. Я помню, насколько я был близок к тому, чтобы притянуть к себе эту девочку, чтобы держать ее у самого сердца. И не менее близок к тому, чтобы просто свернуть тому парню шею — без объяснений и разбирательств, просто потому что могу. Потому что он заставил ее через все это пройти. Потому что он ее касался.

Но я смотрю на нее — и даже ярость рассеивается, тает под этим солнечным взглядом. Поразительно, насколько теплыми могут быть глаза. Я никогда не видел таких, и никогда больше не увижу, потому что это меня разрушит. Она меня разрушает — все, к чему я шел столько лет, и делает меня слабым. Именно ее я не смогу защитить, если все продолжится в том же ключе.

Она говорит. Что-то пытается объяснить, но мне не нужны эти объяснения.

Я знаю, что она не виновата, но мне сейчас важно совершенно другое. Мне важно удержать себя на той грани, к которой мы оба подошли. Поэтому когда она замолкает, когда ее последний вопрос — что ты чувствуешь — повисает в воздухе, я говорю:

— Ничего.

Меня понемногу отпускает. Привычный контроль растекается силой по телу, пальцы больше не сводит от желания ее обнимать, пропуская между них длинные светлые пряди. Я вполне способен объяснить, в чем дело, и я говорю то, что должен. Впрочем, когда я это говорю, мне уже не хочется сжимать горло того парня, чувствуя, как хрустят позвонки. Я это констатирую, как факт — и отпускаю.

Сильные чувства не для меня.

Мне они категорически противопоказаны. Когда в тебе живет такая сила, когда ты стоишь у власти, ошибку можно допустить только один раз. Ошибку, которая не повлекла за собой критические последствия, и я ее допустил. Сегодня. Когда позволил ей пойти на этот обед, выпускной, не суть важно.

Сейчас мое сердце бьется ровно, я знаю, что все выясню и во всем разберусь.

Я все решу.

Это главное.

Остальное — подождет.

Реальность оживает голосом Ардена в тот самый момент, когда я в нее возвращаюсь.

— Торн? Торн, все в порядке?

— Все, — коротко отвечаю я.

— Ты замолчал.

— У тебя есть сутки, чтобы принять решение.

Я отключаюсь, не позволив ему ответить. Случай с Арденом — как раз тот самый, в который я слишком глубоко погрузился. Что касается мирного времени, сейчас мы как никогда близко к состоянию холодной войны. Халлоран просто так не оставит то, что начал я, а я не откажусь от того, что считаю важным. Негласное соперничество Аронгары и Ферверна началось задолго до нас, но если в прошлом правящим удавалось изящно обходить острые углы, сейчас это уже не вариант. В Мировом сообществе все равны — в теории — но в любом обществе существует негласный лидер.

Это практика.

Или реальность, в которой все заглядывают в рот Халлорану, потому что гуманитарная помощь и всякие миротворческие течения — это его прерогатива. Я сторонник того, что каждый должен справляться сам, будь то человек или государство. Если постоянно тыкать в нос косточкой, любой виар сложит лапки и будет жиреть, потому что ему не нужна охота. То же самое происходит со странами: буквально.

Гораздо проще диктовать условия тем, кто виляет перед тобой хвостиком за еду.

— Ферн Ландерстерг, — коммуникатор оживает голосом Одер, — через полчаса у вас встреча с Неддгером по внешней экономике. Вы просили напомнить. Документы уже у вас на почте.

— Да, благодарю.

Я открываю файлы, которые мне прислал Неддгер, и внимательно их изучаю. Очень внимательно. Потому что если я прав, с внешней экономикой скоро все будет сложно.

Или, говоря проще, ее не станет.

Глава 8

Ригн Свихт — фервернский аналог Грандвэй. Как это ни парадоксально, но так его называют даже фервернцы, потому что родиной шоу-бизнеса все равно принято считать Аронгару. Или Огненные земли, если заглядывать далеко в прошлое, плясать и петь гораздо веселее там, где тепло. Там, где суровый климат вынуждает исключительно охотиться и строить утепленные дома, не до развлечений.

Все это осталось в прошлом, в далеком прошлом, но переливающийся огнями ледяной кристалл театра, в действительности напоминающий кусок льда, раскаляющийся изнутри, всего лишь второй в мировом рейтинге.

Солливер роскошна в длинном вечернем платье, мех на ее плечах подчеркивает плавные контуры женской фигуры. Лиф слегка присобран, и под струящейся тканью снова нет белья. Это платье, честно говоря, белья и не предполагает, главное его украшение — переливающаяся ткань, напоминающая жидкий металл.

Я заметил, что она тоже любит холодные цвета, и в этом мы с ней удивительно совпадаем.

Из флайса на ВИП-парковке я выхожу первым, и сразу же начинаются вспышки. Журналисты, которых сюда допустили, проверены с головы до пят, да если говорить честно, все проверены с головы до пят. Все здание Ригн Свихт от первого и до последнего квадратного метра проверено моей службой безопасности, поэтому безопасно здесь настолько, насколько вообще возможно.

Я подаю Солливер руку, и она ее принимает.

Теперь под вспышками мы идем вместе. Над этой парковкой растянут купол, поэтому температура здесь такая же, как внутри, тем не менее в ВИП-холле у меня забирают пальто, а у Солливер — ее меха.

— Роскошно выглядишь, — говорю я.

— Благодарю.

Она окидывает меня взглядом. Этой женщине не нужно даже ничего говорить: Солливер Ригхарн знает, как смотреть на мужчину так, чтобы слова были лишними. На ее пальце красуется кольцо — к счастью, с ней все оказалось гораздо проще, чем с Лаурой Хэдфенгер. Настанет тот день, когда это имя окончательно сотрется из памяти и станет чем-то незначительным, как первый всплеск пламени, который случился у меня в колыбели.

Я этого не помнил, лишь по рассказам отца мог восстановить картину разрушений: няне повезло, что она успела выскочить за дверь, а следом в детскую ворвались мергхандары. Комната была полностью покрыта льдом, а в центре полыхающей ледяным огнем кровати надрывался от крика я. Полностью покрытый защитившей меня чешуей.

Это произошло в тот момент, когда врачи решили, что я совершенно стабилен и пламя, которое заставляло мою мать носить ослабляющие пластинки, отступило до лучших времен. С меня сняли все датчики, а спустя несколько дней произошел выброс.

Именно поэтому я был склонен думать, что Лаура Хэдфенгер не лжет. Несмотря на то, что в нашем первенце была только моя сила, вряд ли она могла бы быть беременной от меня без последствий даже на ранних сроках. Особенно учитывая, что она — самая обычная женщина.

— Какая красота! — произносит Солливер, и в голосе ее действительно искреннее восхищение.

Она опускается в роскошное, обитое золотым бархатом кресло, которое я чуть отодвигаю для нее, разглядывает высокие прозрачные потолки. Освещение здесь построено таким образом, что наверху над нами по ощущениям раскинулось звездное небо, усыпанное искрами звезд. Разогревают Ригн Свихт только они, и, пожалуй, обивка кресел в ВИП-ложах. В остальном это царство льда, даже сцена напоминает каток.

Я едва успеваю об этом подумать, когда слышу голос Стенгерберга, как сейчас: «Лаура Хэдфенгер пострадала во время тренировки».

О том, что случилось со мной в детстве, никто не узнал, кроме моей семьи и посвященных. И точно так же никто не узнает, что я почувствовал в ту минуту.

— Ты здесь впервые? — интересуюсь я, опускаясь в свое кресло.

— В ложе правящего? — она смеется. — Разумеется.

Солливер из тех, кто привык к красивой жизни, а рядом со мной у нее будет все. Рад, что нас это взаимно устраивает, и еще больше рад, что она не напоминает о своей карьере — хотя казалось бы, она должна. Мне интересно ее разгадывать, потому что в ней есть определенная логика. В Лауре Хэдфенгер логики не было. А если быть точным, в ней была антилогика.

— Значит, сегодня у нас Тавархарт. — Она открывает программку на выдвижном планшете, смахивает голограмму с исполнителями — и тут же закрывает. — История семьи изгоя.

— Не любишь спойлеры?

— Странно было бы искать спойлеры в исторических событиях, — Солливер снова улыбается.

Одна из знаковых историй иртханов из Времен Погасших костров. Это очень странная эпоха, с одной стороны — переломная, именно тогда иртханы захватывали власть на земле, а драконы только учились им подчиняться, или, если быть точным, привыкали к тому, что появились человекоподобные хищники, справиться с которыми им не под силу. Тогда все земли были залиты кровью, иртханов, драконов, людей, но власть иртханов уже стала безгранична. Не случись той эпохи, возможно, мы до сих пор жили бы под землей, а все старания шаманов Пустынных земель пошли бы прахом.

Любую эпоху, любое действие и любого правителя можно рассматривать с двух сторон. Тавархарт был сыном того, кто уничтожал драконов во имя собственной силы. В те времена, когда костры над полыхающей землей только-только начинали гаснуть, семью судили по звериным законам. Отца и мать казнили, старшего брата тоже. Мальчика было принято решение не убивать, а отправить в пустоши без еды и питья. Без оружия и снаряжения.

Он выжил.

Мало того, что выжил, так еще и основал поселение на берегу океана, на месте которого сейчас находится Хайрмарг.

— Ты так хорошо знаешь историю иртханов?

— Я предпочитаю знать историю от и до. Без нее сложно понять настоящее.

Слышно рычание дракона. Пока еще тихое — знак того, что скоро начнется представление. Оно проносится по залу, эхом отражаясь от стен и затихая окончательно.

— У тебя высший балл по проходным экзаменам в школе, — говорю я. — Как так получилось, что ты отказалась от предложений ХГУ и НШМБ?

— В Ниргстенграффскую школу международного бизнеса я не пошла, потому что отец считал это слишком простеньким для меня. А в ХГУ уже почти отдала документы. — Солливер постукивает пальцами по подлокотникам. — Ну а потом случилось непредвиденное, Торн.

Она бросает короткий взгляд на меня, а после снова рассматривает сцену, ее руки расслаблены, нитка браслета обхватывает изящное запястье и стекает на подлокотник. Я не слышу в ее голосе напряжения, скорее, чувствую его на уровне звериных инстинктов, и оно возрастает с невиданной силой в тот момент, когда Солливер произносит:

— Я влюбилась.

Второе рычание почти полностью поглотило ее слова. Но я их хорошо расслышал — на слух иртханы никогда не жаловались, а я и подавно.

«В него».

Про него я знал все, он учился в ХГУ. На втором или на третьем курсе, такой же никчемный, как тот, кто согласился на сделку с Эллегрин. У них с Солливер завязался роман, он увлекался свингерством. В ту зиму, когда она должна была поступать, это все и случилось. Продолжалось недолго, около двух месяцев, пока об этом не узнал ее отец. Солливер отправили в Аронгару, где она училась в Зингсприде, на юридическом. Параллельно делая карьеру модели, но с этим ее отец уже ничего не смог поделать. В Аронгаре у него связей не было.

— Спорим, ты сейчас перечитывал мое досье?

От взгляда в упор ненадолго стало не по себе.

Не потому, что она смотрела мне прямо в глаза, как могла бы смотреть драконица, а потому, что она тоже меня читала. В собственном ритме, но гораздо легче, чем мне бы того хотелось.

— Что с того?

— Досье иногда лгут, Торн, — она усмехнулась.

А потом отвернулась, как раз в тот момент, когда рычание дракона возвестило о начале представления.

Постановка развивалась с художественными допущениями, но в целом сюжет был достаточно близок к историческим событиям. Драматизма добавляли с помощью таких трюков, как, например, крик Тавархарта на казни семьи:

— Я выживу лишь для того, чтобы уничтожить вас всех!

Сейчас, спустя столько лет было сложно просчитать, могло ли такое быть в реальности, а летописи об этом умалчивали. Я был склонен считать, что нет. Тем не менее он не просто выжил в ледяных пустошах, где не под силу выжить даже взрослому (как считалось), он построил свою империю, которая существовала еще несколько столетий после его смерти. И он действительно залил кровью тех, кто был причастен к казни его семьи, их земли.

За ним шли, его уважали соратники и боялись враги.

Он расправлялся с предателями, не глядя на имена и ранги, даже если они входили в его самое близкое окружение. Одним из знаковых событий в его истории считалась казнь родителей его первой жены, которые были замешаны в заговоре Трех Земель. Когда она отказалась на это смотреть, он сказал, что отправит ее к ним.

— Ужасный человек, — произнесла Солливер, когда снова вспыхнули светильники, и объявили антракт.

Зал шумел, растекаясь по многочисленным лестницам и холлам Ригн Свихт.

— Он не человек.

— Он иртхан, знаю, — она повернулась ко мне, — но это совершенно его не оправдывает.

— Ему не нужны оправдания.

Она пожала плечами.

— Мне казалось, мы обсуждаем то, что происходит на сцене.

— Так и есть. Оправдания ищут те, кто считают себя неправыми.

Солливер подперла пальцами подбородок:

— По большому счету, ему совершенно без разницы, прав он или нет.

— Ты так считаешь?

— Я в этом уверена, — она кивнула. — Помнишь слова его жены: он дал мне пощечину, когда я просила не убивать их. Я просила не за своих родных, а за свой народ.

— Это очень вольная вариация ее слов.

— Разве?

— В оригинале они звучали так: я просила не убивать их, и он ударил меня по лицу. «Они не заслужили прощения», — сказал он, и не изменился в лице, когда я произнесла: «Я прошу не за отца и за мать. За народ, который живет на их землях».

Солливер подняла руки:

— Сдаюсь.

— Совершенно на тебя не похоже, — хмыкнул я.

— Возможно, я просто читала вольный пересказ.

— Иногда вольный пересказ ключевым образом искажает смысл того, что случилось.

— Но ни коим образом не отменяет сути поступка. Он заставил ее смотреть на казнь матери и отца, хотя сам пережил подобное.

— Если бы она не пошла смотреть, это значило бы, что она на их стороне.

— Совершенно точно нет.

— Да.

Солливер приподняла брови:

— Тебе знаком смысл слова «дискуссия», Торн Ландерстерг?

— Он заключается в обмене экспертными мнениями.

— Он заключается в самой дискуссии, — она указала на сцену. — При том, что я все равно останусь при своем мнении, а ты при своем. Странно, что об этом тебе говорю я.

— Остальные боятся.

Уголки ее губ дрогнули.

— Ты так и не рассказала, в чем именно солгало досье.

Солливер отвернулась, улыбаться тоже перестала.

— Он был влюблен в свою однокурсницу, которая встречалась с другим. Однокурсница была не промах, и хотела присвоить себе сразу двух парней, но поскольку второй ее парень, в которого была влюблена уже она, был против такого расклада, она придумала всю эту многоходовку со свингерством. Надеюсь, что со временем сможет уболтать своего парня на то, что я там лишняя, мой парень надеялся,

что однажды она поймет, что он лучше — в том числе и в постели, а я надеялась, что он влюбится в меня и забудет ее. Этот круговорот идиотов в природе продолжался бы еще долго, если бы я однажды случайно не услышала их разговор. Я послала их всех, а отцу сказала, что буду поступать в Аронгаре. Когда он попытался мне запретить, я рассказала ему правду. После этого он уже больше не возражал.

Она снова повернулась ко мне.

— Досье не раскрывают полноты картины, Торн. Даже если там представлена правда, она сомнительна для полноценных выводов о том, с кем ты имеешь дело. Когда в следующий раз захочешь что-нибудь обо мне узнать, лучше спроси меня прямо. Договорились?

— Договорились, — отвечаю я.

А сам думаю про того парня, который лапал Лауру Хэдфенгер. Я не отказал себе в удовольствии его допросить лично, и очень хорошо помню его взгляд, когда я вошел в кабинет. Странно, что его не хватил удар прямо там, за столом. Краска мгновенно стекла с лица, превращая его в подобие восковой маски, а я думал только про его руки на ее теле. Целых две секунды. Два шага.

Пока не опустился в кресло напротив.

Теперь его ждет суд — так же, как Эллегрин. В скором времени эта тема будет закрыта окончательно.

— Расскажи мне, — это я говорю через силу, выталкивая себя в настоящее, потому что настоящее — это то, что действительно важно. — О том, что произошло на самом деле.

— Ты правда хочешь это знать? — Она закидывает ногу на ногу.

— Я не спрашиваю о том, чего знать не хочу.

— Свингеры — это особая территория. — Солливер растянула губы в улыбке, но в этой улыбке не было ни искренности, ни жизни. — Когда он говорил, что увлекается этим, когда говорил, что хочет проводить время только с одной парой, я ни набыла об этом не знала. Никто в той тусовке не проводит время только с одной парой. Но он обещал. И даже выполнял обещания. Мы уходили с вечеринок с разными парами, садились во флайс, летели... да кто его знает, до ближайшей парковки. Он платил им за молчание, за то, чтобы они никому не говорили, что ничего не было. Хорошо платил — и все ради нее. Мне говорил, что так будет не всегда, что рано или поздно все

изменится. Мозги у меня были явно не на месте, когда я все это слушала, но, когда ты влюблена, мозги здесь ни при чем.

Она сделала паузу, чтобы посмотреть на сцену, хотя там ровным счетом ничего не происходило даже в самый разгар представления. Гораздо большее происходило здесь, в этой ложе.

— За несколько дней до того, как я узнала — точнее, до того, как услышала их разговор, мы точно так же ушли с вечеринки с одной парой. Они должны были высадить нас у Южного молла, но они не высадили. Как я потом узнала, он заранее договорился, что нас не высадят. Потому что пара отказалась от денег. Потому что им понравилась я, и они поставили ему условие — или секс, или нас попрут из клуба. По дороге, еще до парковки, он предложил мне содовой. Я взяла бутылку из его рук. В общем, это была зажигательная ночь, Торн. Если бы у них остались какие-то фото или видеоматериалы, твоим оппонентам они бы очень понравились.

Она продолжала улыбаться, и с каждой минутой это выглядело все более неестественно.

— Почему ты не заявила в полицию?

— О том, что добровольно ушла со свингерской вечеринки со своим парнем и другой парой, а потом всю ночь занималась с ними зажигательным сексом? — Солливер усмехнулась, и это все же стерло с ее лица эту улыбку. — Потрясающий состав преступления.

— В твоей крови наверняка был наркотик.

— И это определенно добавило бы плюсов в мое личное дело, — хмыкнула она. — Я была растеряна. Тогда. Утром я вообще смутно понимала, что произошло, особенно учитывая, что он сказал, что я сама как с цепи сорвалась. Я спросила у него: «Ты что-то мне подмешал?» — и он ответил: «Солли, разумеется, нет». Разумеется, я ему не поверила, потому что я и раньше пила в этом клубе коктейли, но никогда ничего подобного не было. Я была в шоке. Я была в ужасе. Хотя ничего страшного, по сути, в ту ночь не случилось — я просто не хотела верить в то, что он мог так со мной поступить. И вот когда я почти придумала ему оправдание — он сделал это, чтобы помочь мне расслабиться и попробовать что-то новое, я услышала их разговор в ВИП-ложе. Все как в дешевом кино, я просто пришла пораньше и немного задержалась у дверей. Так и закончилась эта история. Что было дальше, ты уже знаешь.

Тишину, звенящую в ложе после ее слов, нарушило тихое рычание дракона, и шум толпы: все возвращались на свои места.

— Я так и не спросил, хочешь ли ты прогуляться.

— Сейчас об этом уже поздно спрашивать, не находишь? — теперь она смотрела прямо на сцену. — И поскольку твоя служба безопасности все равно проверит мои слова, давай закроем эту тему между нами здесь и сейчас.

Она убрала руку с подлокотника, как границу провела, и выпрямилась. Сейчас мне снова захотелось крови — и впервые за долгое время не тех, кто посягал на Лауру Хэдфенгер.

В том, что служба безопасности проверит ее слова, Солливер не ошибалась. Ее отец заметал следы своеобразно: попросту откупался от тех, кто мог заговорить, но в то время им было достаточно сумм, которые они с него стрясли. Сейчас все сложнее, и осложняется это именно тем, что в свое время он именно откупался. Но неразрешимых проблем не существует.

Вторая часть представления и вовсе ушла в художественный вымысел. После смерти первой жены Тавархарта и до самого финала его правления мы лицезрели историю о том, как он строит отношения со второй женой, которая, по сути, и стала причиной его смерти. В истории эти события были без лишней романтической подоплеки: он просто взял в жены девушку сильной крови, которая могла подарить ему наследника (первая жена умерла во время родов, не справившись с пламенем первенца, и ребенок тоже погиб).

Наследника она ему подарила, но, помимо прочего, совершенно на нем помешалась — и это тоже исторический факт. Поскольку Тавархарт был далек от моногамии, и у него был гарем более чем из ста наложниц, на почве ревности его жена окончательно тронулась умом. В итоге она подсыпала ему снотворное, и, когда они после секса заснули вместе, утром уже проснулись парой.

Тавархарт рвал и метал, выслать ее он по понятной причине теперь не мог, поэтому просто отправил ее на другую половину замка, чтобы никогда больше не видеть. Там она благополучно покончила с собой, что послужило причиной его ослабления, и в виду этого очередное покушение стало удачным.

Помимо политической составляющей, постановщики пренебрегли еще и этим историческим фактом, и парность на сцене стала большой

любовью, а ссора вышла из-за наложницы, которая якобы оказалась беременной. Все это было настолько тоскливо, что я чаще смотрел на Солливер, чем на сцену.

Сказать, увлечена ли она происходящим, было сложно: она по-прежнему сидела с прямой спиной и, кажется, не расслаблялась ни на мгновение. Тем не менее взгляд ее был устремлен только на сцену, поэтому временами следом за ним я тоже скатывался в происходящее. В происходящем хороши были только спецэффекты — их создателям стоило аплодировать. Поэтому я аплодировал, когда представление закончилось, а когда в зале начали разгораться светильники, поднялся и шагнул к Солливер.

— Пойдем.

Больше до самого флайса мы не разговаривали, и временами мне казалось, что сейчас она просто отдернет руку. Возможно, именно поэтому я переплел наши пальцы — а может быть, по причине, о которой не хотел даже думать. В мои планы не входило сближение с Солливер Ригхарн, но подобные разговоры так или иначе сближают.

Поэтому я тоже молчал.

И почти обрадовался, когда во флайсе она произнесла:

— Просто отвези меня домой, Торн.

Просто отвезти ее домой было проще всего, и я сделал именно это. Помог ей выйти из машины и наблюдал, как мергхандары провожают ее. В тот момент, когда я позвонил Стенгербергу и попросил проверить ее слова, двери за ней закрылись. А в ту минуту, когда я отдал приказ выделить для нее сопровождение, все окончательно перестало быть просто.

Глава 9

Новый день всегда перечеркивает старый. Для меня так было всегда, именно для меня, не для моей страны. Но сегодня какой-то странный новый день, в череду всех тех, которые начались после встречи с Лаурой Хэдфенгер. Я привык переключаться настолько, что решение задач (и встречи с людьми или ирлханами) превратились для меня в бесконечную цепочку событий. Одна задача за один раз, максимально эффективно — полное переключение на другую. Никаких мыслей о предыдущей, и так до бесконечности.

О Лауре Хэдфенгер я думал постоянно.

Что самое интересное, даже сейчас я продолжаю о ней думать, она не выходит из моих мыслей, как заевший аккорд, который я снова и снова пытаюсь взять.

В довершение ко всему, теперь в моих мыслях еще и Солливер.

Она была идеальна до того, как начала говорить о прошлом — и хотя я сам об этом ее просил, это не отменяет того, что она была идеальна. Еще вчера.

Я не собирался сблизиться с ней, и, как мне казалось, она тоже. Впрочем, я смутно представляю, что для Солливер Ригхарн значит слово «сблизиться», равно как не представляю, что оно значит для меня. Чуть больше, чем просто первая ферна, чуть больше чем просто супруг?

Зачем оно мне?

И все же я не перестаю о ней думать.

До того момента, как вижу отчет по Эстфардхару. Он беспокоит меня куда больше, чем Лодингер, и мне хотелось бы верить, что не из-за того, что я сейчас вижу. А вижу я совершенно счастливую Лауру Хэдфенгер, которая ведет на поводке Гринни. Ее нехитрый багаж, который Эстфардхар сам выгружает возле своего дома. В этот момент мне хочется убивать.

Потому что я знаю это выражение ее лица — она счастлива. Она не умеет скрывать чувства... по крайней мере, не умеет скрывать счастье. То, что я упустил, пока был занят расследованием по делу

Эллегрин и разгребанием последствий случившегося в ресторане — не в счет. В тот вечер я списал ее чувства на волнение перед выходом.

На ту ночь у меня были большие планы.

Которые до сих пор осколками жгут ладонь.

Мне нужно сосредоточиться на Эстфардхаре, хотя какая разница — сейчас все его внимание посвящено ей. Изначально я зацепился за его знакомство с военным, но во всем остальном он чист. Он идеально чист, после переезда устроился в городскую больницу, никаких посторонних встреч. Разумеется, я не настолько наивен, чтобы предполагать, что если ему нужно с кем-то связаться, обязательно делать это лично, но наблов Эстфардхар не дает ни единого. Повода. Что-то сделать.

Кроме того, что сейчас держит ее за руку.

Уже за одно это я готов его убить.

Крышку ноутбука спасает только литье, это «Верт», а «Верт» знает, что делает.

К счастью для всех, у меня звонит телефон. К счастью для всех, это Арден, и он набрал меня первым.

— Я у тебя в приемной, а твоя Одер меня не пускает.

«Моя Одер» никогда никого не пустит, если я сказал: «Не беспокоить».

— Одер, — вдавливаю палец в коммуникатор, — пропусти.

Арден выглядит так, словно не спал пару дней. В моих мыслях это звучит особенно забавно. Я забываю о том, когда вообще спал — мой мозг напоминает искусственный интеллект, генерирующий новые нейронные связи беспрестанно.

— Я хотел переговорить с тобой лично, — он без приглашения опускается в кресло.

— Хотел — говори.

Арден смотрит на меня в упор.

— Да, ты действительно сильно изменился.

— Действительно, — я киваю. — Полагаю, ты за инструкциями?

Он качает головой.

— Торн, я не должен был туда ездить.

— Это правда.

— И за это я прошу прощения. За то, что не предупредил тебя. Но этой девочке нужна помощь, а не психологический прессинг. И уж тем

более...

— Предоставь мне, — я выделил последнее слово, — решать, что нужно делать матери моего ребенка. Или женщине, которая больше не имеет ко мне никакого отношения.

— Ты ведь не считаешь, что она беременна. — Арден покачал головой. — Совершенно точно не считаешь. Иначе бы мы сейчас не говорили с тобой, по крайней мере, не об этом.

— Я уже спрашивал, как считаешь ты. Ничего вразумительного от тебя не добился.

— Потому что я не знаю. — Арден разводит руками. — Я был рядом с ней два раза, и оба раза чувствовал пустоту. Она как чистый лист, Торн. Для гормонального фона — серьезной перестройки, еще рано, но...

— Вот поэтому ты поедешь туда и сделаешь то, о чем я тебя прошу.

— Я поеду туда потому, что ты хочешь меня наказать. — Арден подается вперед. — Потому что я поехал туда, не спросив твоего разрешения. Позвони ей, поговори с ней нормально. И я сделаю для вас все, что в моих силах.

Ноутбук закрыт, но перед глазами все равно пальцы Эстфардхара на ее запястье. Улыбка Лауры, которую я помню так хорошо.

— Я попрошу Одер забронировать для тебя ВИП-переход на завтра. Что касается остального, сегодня вечером проведем небольшую встречу со Стенгербергом и Мирденхардом.

Арден качает головой. Я помню его мальчишкой, с которым мы вместе проходили полосу препятствий на полигоне. Помню, как он пытался перекинуть мне текст по философии, потому что я вместо подготовки всю ночь провел на тусовке в клубе.

— Нет, — говорит он. — По поводу этого мой ответ останется неизменным, Торн.

Этот мальчишка — в прошлом. В настоящем передо мной военный врач, который отказывается исполнять приказ. В первую очередь. Поэтому сейчас я снова касаюсь коммуникатора:

— Одер, пожалуйста, сообщи Стенгербергу об аресте Ардена Ристграффа.

Я отключаюсь раньше, чем тишина в приемной станет слишком говорящей. Впрочем, гораздо более говорящей кажется тишина,

которая ледяной пустыней растянулась над моим столом. В эту долгую паузу я думаю о том, как забираю Лауру Хэдфенгер из Раграна, и как закрываю границы Ферверна.

О том, как она кричит подо мной, и о том, как мои рейтинги в глазах избирателей падают ниже уровня подземных пещер. Но это — именно то, что заставляет (или помогает?) вытолкнуть из себя совершенно нормальный выдох, проглотив рванный.

И жестко посмотреть Ардену в глаза.

Я думал, что знал о пустоте все, но я ошибался. Чем дальше — тем больше. После ареста Ардена не она заполняла меня, а я заполнял ее. Собой. Делами. Заседаниями. Тренировками на пределе сил.

Строительство бассейна уже шло, но с того дня я ни разу не появился в резиденции. О Верраже не спрашивал и не хотел знать. Потому что чувствовать тоску своего дракона (когда я в последний раз его чувствовал) было гораздо проще, чем этого маленького зверя. Я уже сто раз проклял тот день, когда согласился перевезти его в резиденцию — а главное, сто раз проклял тот день, когда взял Лауру Хэдфенгер с собой в Ниргстенграфф.

Все в ней шло вразрез с теми чувствами, которые я пытался заставить себя испытывать, меня бросало из крайности в крайность с такой силой, что впору было писать заявление об отставке.

Но я был бы не я, если бы так просто сдался.

От Доррентхайна пришло официальное уведомление о том, что процесс выхода Ферверна из Мирового сообщества одобрен, а это значило, что начинаются долгие несколько месяцев бюрократических проволочек. В течение которых у меня будет возможность отозвать свое решение.

Отзывать решение я не собирался.

Равно как не собирался подавать в отставку.

Не из-за нее. Не из-за этой маленькой лживой твари, игравшей все это время со мной.

«Ты мое прошлое, будущее и настоящее».

Ее прошлое, будущее и настоящее было перечеркнуто той ночью, а следом — переездом к Эстфардхару. Если с первым я еще мог бы справиться (возможно, спустя долгие годы), со вторым — нет. Арден не ошибся, когда сказал, что будь она на самом деле беременна, наш разговор был бы иным. Точнее, его бы попросту не было.

Сейчас Лаура Хэдфенгер жила с Эстфардхаром, и я наблюдал за их милой «семейной» идиллией. Она собралась за него замуж.

Замуж.

Если харргалахт можно было оправдать попыткой спрятаться от меня, то замужество — определенно, нет. Впервые во мне проснулись такие темные чувства, справиться с которыми было не под силу даже мне. Признаюсь честно, я больше не пытался.

— Ферн Ландерстрег, ферн Бермайер сейчас проводит заседание, — произнесла Одер. — Оно продлится еще около получаса, как только он освободится, его секретарь свяжется со мной.

— Благодарю.

Полчаса не срок, я и так ждал слишком долго.

На экране маячил открытый отчет от Стенгерберга, а точнее, два отчета. Один из них касался Эстфардхара — на снимках они с Лаурой выходили из Дворца регистрации. Этому отчету было уже несколько дней. Второй Стенгерберг отправил сегодня.

В пустошах близ Ниргстенграффа спустя столько времени были обнаружены обрывки плаща Лодингера и кровь. Все, что от него осталось — экспертиза подтвердила, что это именно его кровь. Оставалось только догадываться, каким образом он забрался так далеко — за семнадцатый круг, но психам везет. Они действуют на каких-то внутренних энергетических ресурсах, нормальному существу не подвластных.

Если вспомнить Гранхарсена — того, что промыл мозги возглавлявшему в те годы Ферверн ир்தхану — он добрался до глубоководных фервернских драконов, приближаться к которым — чистейшей воды самоубийство. Он не только приблизился, он вливал себе их кровь. При этом действовал с филигранной осторожностью во всем остальном, и именно поэтому продержался так долго.

Будучи одержимым идеей создать единую нейросеть драконов и подчинить их себе. По всему миру.

Когда после его смерти вскрыли его компьютер и его наработки, у фервернских ученых волосы встали дыбом. Потому что чисто теоретически это было реализуемо. Поскольку все драконы связаны между собой — это научно доказанный факт — объединить их через один мегамощный приемник, или попросту говоря, ретранслятор, суперхищника, было сверхзадачей. Тем не менее, задачей разрешимой,

с ужасными для всего мира последствиями. Если сосредоточить власть над всеми драконами в руках кого бы то ни было, даже относительно адекватного, это неизменно приведет к жутким последствиям. Не говоря уже о том, к чему мог привести такой инструмент в руках Гранхарсена.

Я лично изучал его наработки, когда пришел к власти — и распорядился их уничтожить. Потому что гениальная схема управления драконами через нейросеть — прямой путь к уничтожению мира. Потому что схема Гранхарсена была рабочей.

Полчаса — действительно не срок, коммуникатор пискнул раньше, чем внутренние часы заставили меня вернуться к обозначенному времени.

— Ферн Ландерстерг, ферн Бермайер на связи, — коротко проинформировала Одер перед тем, как нас соединить.

— Ферн Ландерстерг, добрый вечер.

— Добрый день, — к делу я пришел без предисловий. — Существует прямая вероятность того, что в Мериуже скрывается женщина, решившая вывезти из Ферверна моего первенца и наследника.

— За нас, — произносит Солливер. И кажется, что ничего не было несколько дней назад, но оно было.

Ее слова действительно подтвердились, но она ни жестом, ни взглядом, ни мимолетным вопросом не проявляет интереса к тому, что тогда произошло в ложе. Блики играют в гранях ее украшений, и наш ужин снова видят все. По сути, уже без разницы, потому что завтра — наша официальная помолвка.

Никто не будет задавать вопросов, потому что официальная в данном случае ключевое. Никому не нужна красивая история любви Солливер Ригхарн и Торнгера Ландерстерга, все понимают, что это — чистейшей воды политика. И так будет всегда.

— За совместное будущее, — я поднимаю бокал.

Она улыбается и слегка касается губами краешка. Я замечаю, что она вообще не пьет. Это было видно и по прошлому нашему выходу, и сейчас. Бокал рядом с ней стоит, как украшение для живой ленты в соцсетях или для фото. Иногда для того же самого она берет его в руки, но в остальном — Солливер не пьет. И я понимаю, почему.

Если однажды отравилась водой из рук любимого человека, впоследствии всегда будешь сгорать от жажды.

Бермайер сообщил, что вынужден провести внутреннее расследование, после чего с радостью пригласит меня или моих специалистов для того, чтобы они могли взять анализы. На этом мне и стоило бы успокоиться, но спокойствия нет. Я могу отправить туда врача, заменившего Ардена на его посту, но я не хочу.

Я хочу присутствовать там лично.

Смотреть ей в глаза. Хочу смотреть ей в глаза, когда она поймет, что если мне понадобится, я найду её даже на краю света. И никакой Эстфардхар не встанет у меня на пути.

— Торн, — Солливер напоминает о себе, — давай убежим отсюда.

— Куда?

— Не знаю. В пустошь? Я всегда мечтала побывать в пустоши.

— Не боишься?

— Бояться? — Она приподнимает брови. — Что означает это слово?

Идея увезти ее в пустоши кажется заманчивой, и тем заманчивее она становится, когда я представляю унылый официальный вечер в окружении официантов и тянущихся в сторону нашего столика взглядов. Пока мы шли к нему, они впитывались, как дождевые капли в самом конце весны, и оседали, как снежные хлопья, в которые этот дождь переходит. Даже сейчас мы все еще под этими взглядами, и хотя мне совершенно на них наплевать, я подношу салфетку к губам и поднимаюсь.

— Как далеко ты готова зайти, Солливер? — подаю ей руку.

— А ты проверь.

Она поднимается, глаза ее вспыхивают азартом. Тем самым азартом, от которого все вокруг полыхает, как от удара пламени. Ее чувства — когда она их себе позволяет — сногсшибательные и резкие, бьющие порывами ледяного ветра, захватывающего дух.

В конце концов, это безумие.

Но оно стоит того, чтобы вышвырнуть из головы Эстфардхара, Бермайера, Рагран и Хэдфенгер.

Черная ночь над пустошами раскрывается только снегами и фарами нашего флайса. Белое и черное, никаких других цветов, даже полосы света выглядят неестественно. Я приказал мергхандарам

остаться на границе четвертого круга, а это уже пренебрежение всеми известными протоколами безопасности, но сейчас, для меня — чем дальше в снега, тем сильнее колотится ее сердце — важно исключительно это.

Первых драконов мы видим, когда от белого снега неожиданно отделяется пласт, и взмывает в воздух прямо над нами. Солливер выдыхает, вцепившись в сиденье, кончики пальцев тоже белеют — но глаза по-прежнему горят.

Второй, третий, четвертый.

Они кружат над нами, и вскоре вспарывают черное небо, разрезая его белыми крыльями, чтобы развернуться. А мне нужно только отпустить свое пламя, и, не сбавляя скорости, взглянуть в глаза первому летящему к нам. Он надвигается молниеносной стрелой, смертоносной, как обломок льда, от землетрясения сорвавшийся с обрыва.

Я же чувствую бешеный прилив адреналина.

Не страх, нет — от Солливер тоже исходит что-то совершенно звериное, я почти слышу ее безмолвный крик, когда, подчиняясь моему пламени, дракон беззвучно взмывает ввысь за пару метров до удара о флайс. Уводит остальных за собой, и только тогда я сбавляю скорость.

Сажая машину на плато, с которого уже не видно Хайрмарг, и здесь, в окружении снега, где больше ничего нет, внутри вихрями спиралей раскручивается мое пламя. Отец был прав: дракон усиливает, но мне не нужна ничья помощь, ничья сила — моей во мне столько, что я способен накрыть ею весь Ферверн.

Солливер смотрит на меня.

Смотрит глубоко, и когда я разворачиваюсь к ней, сама подается вперед. Я рывком притягиваю ее к себе, впиваюсь поцелуем в полураскрытые губы, проталкиваю язык в ее рот.

Она выдыхает — или пытается что-то сказать, но потом вместо этого врывается в меня с той же неистовой силой. Мы целуемся так глубоко, что кажется, перестаем быть двумя разными существами. Ее пальцы цепляют пряжку моего ремня, я рывком стягиваю с нее верх белья — прямо по напряженной, с торчащими сосками груди, вызывая сдавленное шипение. Которое, впрочем, переходит в тихий выдох или стон, когда Солливер приподнимается, а после опускается на меня.

На всю длину.

Я толкаю ее к себе, и вбираю в рот торчащий сосок, сжимаю зубами. На ее движении вверх: кажется, она кричит так, что это слышно в Хайрмарге, но этот крик отзывается внутри меня сумасшедшим, диким, звериным началом.

Ударяю пальцами в панель, и переднее сиденье мостиком откидывается на заднее, а Солливер оказывается на спине. Врываюсь в нее мощными, сильными рывками, между разведенных бедер, и она подается навстречу. Совершенно не стесняясь в выражении чувств, ругаясь так, что избиратели были бы в шоке. Забираясь под выправленную рубашку, царапает ногтями мою спину, то расслабленно принимая на всю длину, то сжимаясь так, что, кажется, я разорву ее первым же движением.

На котором сразу же кончу.

От этих перепадов ведет, а еще ведет от бешено бьющейся жилки на ее шее, от растрепавшихся, стекающих на пол салона волос, и от плывущего, устремленного на меня взгляда. Расфокусированного, в котором словно отражается пламя полыхающей харргалахт.

Перехватив мой взгляд, Солливер приоткрывает губы.

Облизывает.

А потом зажимает между ними свой согнутый палец и сдавливает так плотно, что я чувствую это сжатие с той же силой, с которой сейчас сжимаются мышцы на моем члене.

Что я там говорил об одном движении?

Оргазм такой силы, что пламя прокатывается по телу, раскаляя его добела и вырываясь из горла хриплым рычанием. А Солливер сжимается еще сильнее, скользя по пульсирующему члену и отвечает гортанным стоном. От того, как она кончает, выгибаясь, впиваясь зубами и в без того припухшие губы, а после снова выдыхая крик и ругательство, я уже готов повторить.

Член снова наливается силой внутри нее, и я собираюсь перевернуть ее на живот, заставляя встать на колени, когда у меня звонит телефон.

— Всегда на работе? — хрипло выдыхает она и вздрагивает, когда я ее освобождаю.

Я не отвечаю.

Ни ей, ни на звонок, потому что я знаю, что это не работа. Потому что этот звонок особенный и потому что, драконы его раздери, его не должно быть.

Молния задевает напряженную плоть, я с силой сжимаю зубы и толкаю дверь. Холодный воздух ударяет в разгоряченное тело, а я стою возле флайса, где только что трахал свою будущую жену, и сражаюсь с желанием зашвырнуть смартфон прямо в черную бездну, заканчивающуюся белой простыней снега.

Но «будущая жена», равно как и «зашвырнуть» — это эмоции.

А их быть не должно.

Поэтому я с полминуты стою на продуваемом всеми ветрами Ферверна плато. Чувствую растекающийся по телу холод, заползающий в сердце, и только после этого нажимаю обратный вызов.

Гудки. Обрыв. Тишина.

Это вполне в ее духе. Вполне в духе Лауры Хэдфенгер: позвонить и не ответить на звонок. Только сейчас, когда я стою, чувствуя, как изнутри меня снова пожирает ледяное пламя, в мыслях ее лицо. Ее глаза. И ее голос, который я не услышал.

— Ух. Бодренько, — Солливер выходит из флайса.

Признаться честно, не ожидал, что она за мной последует, но сейчас вместо восхищения это вызывает исключительно раздражение.

— Вернись в машину. Простудишься.

— Волнуешься за меня, Торн? — она улыбается.

— Да, завтра у нас помолвка.

— Только ты можешь быть такой изощренной сволочью, — заявляет Солливер.

И не двигается.

Я смотрю на нее — в легком платье, в туфлях, которые почти полностью поглотил снег, и вижу тот стальной стержень, который я искал в будущей жене. Интересно было бы послушать, кем она меня назовет, если узнает, с кем я сейчас не говорил.

— Возвращаемся.

Это уже не к ней, это даже не приказ. Это констатация факта. Я помогаю ей сесть, и сажусь сам. Привожу в порядок сиденья, запечатываю нас внутри и включаю обогрев на максимум. Несмотря на то, что стальной стержень в ней есть, его тоже можно согнуть. Или сломать.

Проще всего — льдом.

— Отвезешь меня домой? — спрашивает она.

— Разумеется.

Все мои мысли там. В Рагране.

Почему. Она. Звонила.

Почему не взяла трубку?

Ответ на это может быть один, и самый простой: Лаура Хэдфенгер. Я не могу об этом не думать. Не могу, когда представляю, как она держит в руках смартфон и набирает мой номер.

В его квартире.

Перчатка с треском расплзается хлопьями, обнажая чешую.

Солливер никак не реагирует, она полностью расслаблена, откинулась на спинку сиденья, на котором только что отдавалась мне, и смотрит вперед, сквозь лобовое стекло. Это в ней, признаться, тоже несколько раздражает.

Хотя по существу, мне совершенно все равно, что она чувствует. Я привык знать то, что другие чувствуют рядом со мной.

Я знаю, каким будет ее платье. Знаю, каким будет ее образ, но какой будет она — большой вопрос.

— Волнуешься?

Солливер поворачивается ко мне.

— Боишься, что я заблую твой идеальный фрак, Торн Ландерстерг?

Вот теперь на нее смотрю я.

— Ты ясно дал мне понять, что мои чувства тебя не интересуют. Так что управляй флайсом, у тебя это отлично получается.

Она снова отворачивается, но это уже на что-то похоже. Человеческие чувства царапают, как коготки месячной виари. Чувства дракона совершенно иные, они способны расплосовать так, что несколько дней будешь собирать себя по кускам. Именно это я чувствовал, стоя на том плато, чувствовал, как внутри оживает — отзываясь на *нее* — он, чтобы потом снова уйти в глухую оборону.

— Мне нравится, когда ты настоящая.

— Серьезно? — хмыкает она. — Мне кажется, тебе нравятся «да», «нет», «слушаюсь, ферн Ландерстерг» и когда я беру у тебя в рот.

— То, что было сейчас, мне тоже понравилось.

— Да неужели? Поэтому ты как ошпаренный выскочил перезванивать?

Она выдыхает это с такой яростной силой, что от ее чувств слегка накрывает.

— Все, Торн. Закрыли тему. Я совершенно точно не собираюсь лезть в твою личную жизнь.

— С чего ты взяла, что она личная?

— Неужели Стенгерберг способен не ответить на твой звонок? Или кто-то из тех, кто позвонил тебе по срочному делу? — она усмехается, а потом отворачивается.

Остаток пути мы снова молчим.

Не ответить на мой звонок может только Лаура Хэдфенгер, это правда. Солливер, пожалуй, даже вправе злиться — но на кого именно она злится, на меня или на себя — за то, что позволила себе этот всплеск, сказать сложно. Не так уж это и критично, на самом деле, потому что ее злость — меньшее из зол.

Мое самое большое зло находится сейчас в Рагране.

Это зло внутри меня, и так будет до тех пор, пока я не посмотрю ей в глаза.

Видеосообщение от Бермайера застает меня на полпути к дому — уже после того, как я посадил Солливер, а сейчас в сопровождении мергхандаров направляюсь к себе.

«Ферн Ландерстерг, доброй ночи. Знаю, что сейчас у вас уже достаточно поздний час, но тщательно изучив ваш вопрос, мы пришли к мнению, что ваши предположения имеют под собой основания. Поэтому мы ждем вас в Рагране в любое время, и организуем обследование в соответствии со всеми протоколами».

Его секретарю я перезваниваю лично.

— Завтра утром, — говорю, когда мы с Бермайером обсуждаем время.

Утро будет у нас, у них же около четырех дня.

Завтра у меня помолвка, но мне все равно.

Завтра я навсегда оставлю Лауру Хэдфенгер в прошлом.

Глава 10

Стенгерберг меня тихо ненавидит. Должно быть. По крайней мере, я бы ненавидел, если бы мог себе позволить подобное — тем не менее он беспрекословно и мгновенно исполняет мои приказы.

Держать слежку за Эстфардхаром.

Оцепить их дом.

Отслеживать каждый шаг вместе или по отдельности.

Со стороны выглядит так, будто я помешался, и в глазах у Стенгерберга немой вопрос: почему мы просто не можем сразу пойти к ним и сделать то, что задумано.

Но я не хочу сразу.

Хочу сполна насладиться предвкушением этой встречи. Они считают, что у них есть время, есть бесчисленное множество лет, чтобы наслаждаться друг другом и радоваться тому факту, как здорово они меня обошли. Я даже не сомневаюсь, что именно так они думают, и когда я говорил о темных злых чувствах, я даже не представлял себе, какими они могут быть. По ощущениям во мне вскрываются глубины подводной тьмы всех вод Ферверна, и чешуя ползет все выше и выше. За последние полчаса, например, она уже почти подобралась к локтю, поэтому я сижу, закатав рукав и просто смотрю на напоминающую лапу дракона руку.

На столешнице, за которую не так давно (я смутно помню, сколько дней прошло с той встречи) Солливер цеплялась побелевшими пальцами, стоит бокал с ледяной водой. Ледяная вода в данном случае — игра слов, это национальный фервернский напиток, крепче него только медицинские растворы. Я даже не подносил его к губам, но помню, как он обжигает горло. Сейчас это не совсем точное определение, сильнее бегущего по руке пламени ничто не способно обжечь.

Пламени и того чувства, которое рождается в глубине закручивающейся внутри меня тьмы.

Привозят новые удлиненные перчатки. Затягивая руку в одну из них, я стараюсь не думать о встрече, которая мне предстоит.

Стараться и не думать — разные вещи.

Я рассматриваю свою квартиру, пожалуй, впервые с такого ракурса — когда снова и снова вспоминаю ее голос, доносящийся сверху. Ее шаги, когда она спускалась по лестнице. Ее взгляд, когда она сидела со мной за столом.

«Я предлагаю вам подумать, хотите ли вы видеть рядом с собой женщину, которая вас ненавидит».

Наверное, именно тогда я понял, что с ней надо действовать по-другому. Если капризная девочка хочет красивых ухаживаний — она их получит. По крайней мере, именно так я думал тогда, но мне понравилось быть рядом с ней. Мне действительно понравилось гулять с ней по заснеженному парку — в моей жизни не было такого в принципе.

Чтобы просто гулять с кем-то по заснеженному парку.

Целовать ее и чувствовать, как ее тело отзывается на такие нехитрые ласки, чувствовать искренний отклик и самому пьянеть от такого открытого бескомпромиссного чувственного ответа.

Смартфон вздрогнул.

— Торн. Они в Аронгаре.

Мне показалось, я чувствую изморозь, втекающую в гаджет сквозь мои пальцы, а металлический голос Стенгерберга словно затянули помехи как во время Ледяной волны.

— Что? — тихо спросил я.

— В Аронгаре. Эстфардхар знал о слежке, и о том, что мы придем, он точно знал. Он приезжал на обед домой, потом опять уехал в больницу. Один. Мы не выпускали его из поля зрения, все выходы контролировались, у него было четыре встречи с пациентами по записи. Точнее, должны были быть.

— А она?

— Она тоже оставалась дома. Мы ждали на подземной парковке. Внизу, наверху, на всех центральных. Потом выяснили, что она вышла в парике, как сиделка-сопровождающая богатой пожилой женщины.

— Всех в отставку, — сказал я.

— Торн, это тщательно спланированный побег. Ты же это понимаешь? Им помогали. Им не просто помогали, их вывезли.

— У тебя есть три часа, чтобы сложить полномочия.

Это последнее, что я говорю, потому что смартфон покрывается ледяной коркой и брызгами разлетается по столешнице. Вслед за ним взрываются бокалы и стекла под давлением пламени, с грохотом обрушиваются шкафчики, впиваясь острыми изломанными углами в идеальные пластины полов. Только когда моя кухня окончательно начинает напоминать пустошь после битвы драконов, не поделивших территорию, я останавливаюсь.

И иду встречать гостей. Экстренная ситуация: в квартире первого дракона Ферверна происходит непонятно что, вызов невозможен.

— Все в порядке, сигнализация вышла из строя, — сообщаю мергхандарам, которых сейчас возглавляет Крейд. После чего обращаюсь уже к нему: — Распорядитесь о том, чтобы завтра к восьми утра в моем офисе был Сэфл Роудхорн.

Он действительно в моем офисе к восьми утра. До этого часа я уже знаю всю его жизнь, начиная с рождения. Знаю, как и когда он познакомился с Эстфардхаром — у его старшей сестры была серьезная врожденная аномалия сердца. Сейчас она жива и счастливо замужем, но она меня мало волнует. Я смотрю на него, когда Сэфл Роудхорн заходит ко мне в кабинет, поднимаюсь, протягиваю руку.

У него крепкое рукопожатие и прямой взгляд. Слишком прямой, и слишком открытый — но это особенность возраста. Он чуть моложе меня, когда я только начинал политическую карьеру.

— Прошу, — указываю на кресло. — Ферн Роудхорн, я изучил ваше досье и пообщался с вашим командующим. Он рекомендовал вас как ответственного и выдающегося мергхандара, так же сообщил, что в следующем месяце вас ждет новое и весьма ответственное повышение. Насколько я знаю, это не единственные серьезные перемены в вашей жизни.

— Совершенно верно, — он спокойно встречает мой взгляд. — В ближайшее время я собираюсь жениться.

— Я вас искренне поздравляю. — Взгляд Роудхорна лишь на мгновение цепляется за мою перчатку, и тут же возвращается туда, где ему и положено быть — на прямую линию нашего диалога. — Со вторым знаменательным событием. Что касается первого, его придется сместить в несколько иную плоскость. Мне сейчас требуется глава

службы безопасности, и вы как никто другой подходите на эту должность.

Он потрясен, и даже не пытается это скрыть. Не представляю, о чем он думал, когда шел сюда, и представлять не хочу. Это не моего ума дело, главное — то, что я вижу сейчас. Собранный, сосредоточенный и мгновенно интересуется:

— Это предложение или приказ?

— Это приказ. На новой должности у вас будет существенное расширение обязанностей, и, разумеется, множество преимуществ. В частности, белый паспорт и возможность путешествовать вместе с супругой по всему миру.

Вот теперь он прекрасно понимает, почему он здесь. Поклясться могу, он начинает об этом догадываться раньше, чем я произнесу еще хотя бы слово. Ринара Рибельгар — лучшая подруга Лауры Хэдфенгер, а он — пожалуй, я бы назвал его ее лучшим другом, если бы верил в дружбу между мужчиной и женщиной. Так что он просто будущий супруг ее лучшей подруги. Той, кому она доверяет безгранично с самых малых лет. Гораздо важнее то, что ему она тоже доверяет.

Комментарий «это приказ» отменяет любую возможность задаться вопросом «могу ли я отказаться» и прочей ерунды в том же ключе. Умение сразу задавать правильные вопросы — один из потрясающих навыков для того, кто возглавит мою службу безопасности. Потому что как бы ни была ценна связь Сэфла Роудхорна с Лаурой Хэдфенгер, я бы не поставил его на должность, если бы не был в нем на сто процентов уверен.

— Когда я должен приступить к обязанностям?

— Сегодня во второй половине дня. До обеда у вас есть время сложить полномочия на прежнем месте, после обеда жду вас в Айрлэнгер Харддарк, чтобы вы могли принять дела.

Он кивает и поднимается вслед за мной, от потрясения не осталось и следа. Просчитывает дальнейшие варианты, это считается по слегка волнуемому звериному фону. Волнение не имеет к этому никакого отношения, волнение как эмоция. Просто когда дракон готовится к взлету, он выбирает самый оптимальный вариант с минимальными затратами сил перед полетом.

— Чем раньше, тем лучше, — говорю я перед тем, как его отпустить. — Сегодня до конца дня вы с ферном Мирденхардом

должны будете представить мне план операции по выводу ферны Хэдфенгер из Аронгары.

Вот теперь он останавливается, но я останавливаться не намерен.

— Вы свободны, — говорю я, давая понять, что разговор окончен.

— Прошу прощения, ферн Ландерстерг. Разве ферна Хэдфенгер в Аронгаре?

Это мне нравится, потому что подделать столь искреннее удивление невозможно.

— Да, со вчерашнего дня она укрывает там моего наследника.

Надо отдать ему должное, Роудхорн держит лицо.

— Этого не может быть, — говорит он.

Я смотрю на него в упор.

— К сожалению, ферн Роудхорн, это наша с вами реальность, и именно нам предстоит решить этот вопрос наиболее экологичным образом. Жду вас в Арйлэнгер Харддарк после обеда.

— Я прошу вашего разрешения переговорить с ней как с другом.

— Дружеское общение с государственной преступницей — не совсем то, чего я от вас жду.

Роудхорн заметно бледнеет.

— Лаура Хэдфенгер не может быть преступницей.

— Вы ставите под сомнение мои слова?

— Я не ставлю под сомнение то, что я о ней знаю.

— Люди иногда раскрываются с самых разных сторон.

— Я знаю ее достаточно хорошо, чтобы утверждать обратное.

— Настолько хорошо, что знаете о ее помолвке с Бенгарном Эстфардхаром и о том, что она носит его харргалахт? — в мой голос невольно втекает лед. — О том, что они вместе собираются воспитывать ребенка, который по закону принадлежит мне?

Он бледнеет еще сильнее: настолько, что на светлой коже проступают веснушки.

— Это какое-то недоразумение.

— Если это и недоразумение, — я делаю акцент на последнем слове, — то именно вам предстоит в нем разобраться. Но уже на территории Ферверна. Вы свободны, ферн Роудхорн.

Последнее я повторяю настолько жестко, что у него просто рот не откроется произнести что-то еще. И он действительно больше не пытается, просто коротко кивает, как того требует обращение низшего

по рангу — и выходит. Я смотрю на закрывшуюся за ним дверь и думаю о том, как ей удавалось скрывать беременность. Как ей удавалось скрывать беременность моим первенцем.

Ответ здесь может быть только один — Эстфардхар. Он вливал в нее пламя, свое отравленное наблово пламя, и он за это ответит. Когда беременность будет подтверждена, я потребую его выдачи, как соучастника похищения. В том, что Лаура Хэдфенгер беременна, у меня теперь сомнений нет. Она достаточно своенравна, чтобы отказаться сдавать анализы, но не настолько, чтобы бежать в другую страну просто для того, чтобы щелкнуть меня по носу. А это означает только одно: она действительно беременна. Она действительно носит моего ребенка, и она собиралась его скрывать. Позволить Эстфардхару его воспитывать.

И за это она проведет остаток своих дней в тюрьме. После того, как родит, разумеется. До родов ей придется жить в исследовательском центре, в капсуле гибернации. Потому что я не уверен, что если она при мне, один на один откроет свой лживый рот, я снова смогу сдержаться. Навредить ей я больше не боюсь, но мой ребенок пострадать не должен.

Мигает коммуникатор.

— Ферн Ландерстерг, ферн Кадгар сообщил, что все готово. Фотографии зала у вас на почте, список приглашенных журналистов и гостей вы уже утвердили. Образ ферны Ригхарн тоже. Сегодня после двух ваш график полностью свободен, я все перенесла на ближайшие дни.

— Благодарю, Одер, — говорю я.

— Еще один момент. Временно исполняющий обязанности главы службы безопасности ферн Крейд хотел бы с вами переговорить, как только появится такая возможность. Его не устраивает что-то по рассадке гостей в зале.

— После встречи с Неддгером, — говорю я.

И отключаюсь.

Неддгер у меня сразу после общей летучки, я уже просмотрел его прогнозы и точки кризисных ситуаций после обособления экономики Ферверна. Ничего особого критичного там нет, но есть несколько моментов, которые меня беспокоят. А значит, их надо закрыть до того, как я закрою Ферверн.

Глава 11

Зал стилизован под ледяную пустошь. По крайней мере, именно такие ассоциации вызывает бесконечная, протянувшаяся к сцене белизна, покрытая пятнами столов тут и там. Атлас скатертей напоминает лед, и когда я смотрю на него, я вижу лезвия. Лезвия коньков, вспарывающие его, и летящий над ними снег.

— Думаешь, я одна захочу сделать ей больно?! — кричала Эллегрин мне в лицо. — Однажды она у тебя уже поломалась, и если бы не Арден, собирали бы ее долго! Она вообще у тебя крайне хрупкая, правда, Торн?!

Это было за пять минут до того, как она скулила в допросной. Я не испытывал к ней ни малейшей жалости, я не прощаю предательства и тех, кто пытается бить по тому, что мне дорого. Я думал, что больнее чем Эллегрин мне уже не сделает никто, но Лаура Хэдфенгер ее обошла. Когда посчитала, что сможет забрать моего ребенка.

Моего сына. Или мою дочь — не суть важно.

Мы с Солливер скоро поднимемся на сцену. На этот раз все проходит примерно по тому же сценарию: ведущий распинаятся о том, что мы собрались здесь по весьма знаменательному поводу, журналисты щелкают камерами и ждут возможности поговорить. Крейд среди мергхандаров, безопасность этого мероприятия — его рук дело. С Роудхорном они завтра познакомятся лично, а сегодня до конца вечера у меня на почте уже должны быть наработки по Хэдфенгер.

Об этом я думаю больше, чем о том, что вскоре мне предстоит сделать официальное заявление.

Солливер притягивает восхищенные взгляды, но ей к этому не привыкать. Ее отец с матерью сидят через два столика от нас, Солливер одна в семье, поэтому из родственников больше никто не приглашен. У нее нет подруг, и в этом я ее прекрасно понимаю. Лишние привязанности совершенно точно ни к чему и ведут к разочарованиям.

Поэтому среди гостей в основном правящие семьи, и даже Рэгстерн. Ему пришлось принять приглашение — преимущественно

потому, что выбор между дочерью и продолжением политической карьеры не всегда очевиден. Его супруга тоже рядом с ним и смотрит на меня так, будто хочет убить. У нее это не получится при всем желании.

Ловлю себя на этой мысли, когда нас вызывают на сцену.

Безупречное платье Солливер струится волнами атласа, каждое движение — как по подиуму. Драгоценности, которые оттеняют помолвочное кольцо, ей тоже прислали от меня, и сейчас я думаю, что, если — это невероятно, но на мгновение можно представить — она точно так же, как Лаура произнесет: «Мы слишком поторопились»? Я прокручиваю эту ситуацию в голове, и понимаю, что мне все равно.

Мне было бы все равно, что бы она сейчас ни сделала и ни сказала. Я просто положил бы кольцо в карман и сообщил, что помолвка отменяется по взаимной договоренности. Тем острее ударяет осознанием того, что я почувствовал в праздничную ночь.

Вернее будет сказать, я до сих пор это чувствую.

Слова ведущего воспринимаются эхом слов, давно уже отзвучавших.

Собственные:

— Мы с ферной Ригхарн объявляем о нашей помолвке, — сопровождаются волной аплодисментов, вспышками, настороженностью мергхандаров.

Солливер улыбается, мы спускаемся вниз, и на этот раз к нам устремляются с поздравлениями. Это гораздо более камерное и закрытое мероприятие, чем то, которое я хотел подарить Лауре, но оно состоялось. После того, как заканчивается черед поздравлений, начинаются вопросы от журналистов. Кадгар — идеальная замена Мильды — заранее подготовил и согласовал все возможные, включая отступления, которые допустимы.

«Было ли наше знакомство случайным?»

«Нет, не было».

«Что вы можете сказать о столь скорой замене ферны Лауры Хэдфенгер?»

«Что она озвучила наши совместные мысли: мы слишком поторопились».

Меня даже почти не царапает ее имя устами журналистов, и провокационный вопрос, который должен был прозвучать так или

иначе — намеренно прозвучал сейчас и дал ответ всем, кто невольно им задавался.

«Для вас брак — это прежде всего политический ход?»

«Для меня превыше всего интересы Ферверна, но мой брак с ферной Ригхарн не имеет к этому никакого отношения».

Все это настолько отчетливо, выверено, скучно, что я воспринимаю это как неизбежность, официальную часть, которая необходима не столько собравшимся — собравшиеся и так все прекрасно понимают, сколько тем, кто сейчас собрался у экранов визоров и смотрит прямую трансляцию.

Будь я на их месте, выключил бы уже на второй минуте, но судя по довольному лицу Кадгара, рейтинги хорошие. Все остальное, по сути, не так уж и важно, сразу после официальной части нас ждет ужин и развлекательная программа для гостей. Солливер предстоит познакомиться и пообщаться с правящими и их супругами, и я не сомневаюсь, что в ее случае все пройдет так, как надо.

— Ферна Ригхарн, мы понимаем, что ваше решение уйти из профессии продиктовано тем, что у вас в самом скором времени появится много новых обязанностей. Тяжело ли вам далось расставание с любимым делом?

Вопрос тоже был в списке, поэтому я почти пропускаю его мимо ушей. Но не ответ Солливер:

— Это было решение моего будущего супруга.

Журналисты ждут продолжения, а я вспоминаю ответ Кадгара: «Я сделала этот выбор, поскольку, как вы сами сказали, мне вряд ли удалось бы совмещать мои новые обязанности с карьерой. Да, разумеется, решение было для меня непростым, но я не могла поступить иначе».

Глубина моего «все равно» оказывается настолько темной, что на нее не заходят даже глубоководные фервернские драконы. Это какой-то совершенно новый уровень льда, который я не испытывал даже после потери семьи, и на один короткий миг мне становится страшно. Лишь на один: страх — это чувство, которое долго внутри меня не живет, мне не привыкать растворять его пламенем и контролем.

— Которое я целиком и полностью поддерживаю.

Если бы Солливер сказала иначе, она бы меня разочаровала. Проблема в том, что сейчас я тоже немного разочарован — мне

хотелось бы узнать, как далеко она может зайти.

Как далеко могу зайти я, я знать не хочу.

Дальше все идет как запланировано. Вечер подходит к концу, после общения и праздничного ужина мы прощаемся с гостями, у меня же в мыслях одна только Хэдфенгер.

Хэдфенгер и мой первенец.

Сегодня мне должны предоставить наработки по ее делу, и я чудом возвращаюсь в реальность, когда слышу голос Найрин Рэгстерн:

— Благодарю за то, что согласились пересмотреть дело моей дочери.

Это разом вытряхивает из мыслей о наработках. Петерфьерн склоняет голову, давая понять, что он солидарен с женой в своей благодарности, а я разворачиваюсь к Солливер. Она улыбается, эта ее улыбка — которая идеальна для журналистов — неизменна, но сейчас она более мягкая. Сочувственная или понимающая, драконы знают, что в ней только намешано.

— Чудесного вечера, ферн Рэгстерн, — мягко отвечает она. — Ферна Рэгстерн.

А потом поворачивается ко мне. В ее глазах не просто вызов, в ее глазах — вызов равного. Я киваю Крейду, и мы выходим вслед за последними гостями. Под вспышками камер набрасываю на ее плечи пальто, до флайса молчу.

Стоит нам подняться в воздух, опускаю звуконепроницаемую заслонку.

— Как ты посмела?

— Сбавь тон, Торн, — холодно отвечает она. — Мы теперь партнеры, насколько ты помнишь. А партнеры должны друг друга во всем поддерживать.

— Ты не имела права говорить от моего имени.

— Ты тоже. Тем не менее мою карьеру закрыл именно ты.

У нее зеленые глаза, но так может выглядеть бутылочное стекло, брошенное на лед.

— Я прекрасно понимаю, что из себя представляет наш брак. Тебе тоже нужно понимать, что вытирать о себя ноги я не позволю, и что если ты хочешь жену, которая во всем станет тебе опорой — вот она я, Торн. Но делать что-то за моей спиной не стоит. Партнерские

отношения так не строятся, здесь все рассчитано на доверии, а доверие — очень хрупкая штука. Как лед по весне.

Солливер отворачивается.

— Кроме того, Рэгстернам нужна была эта подачка. Сейчас, на самом пике реформы, нам как никогда нужна сплоченная поддержка всех правящих. Я дала им надежду на то, что их дочь не сгниет в тюрьме заживо. На то, что мы рассмотрим смягчающие обстоятельства. Что делать с этой надеждой, решать тебе.

Она смотрит в окно, я смотрю на ее профиль. Тонкий, красивый: Солливер Ригхарн — воплощение женственности со стальным стержнем внутри. Эта мягкая оболочка как снежное покрывало на скалах, о которые можно разбиться в кровь, если неправильно выбрать траекторию.

— Не хотел бы я стать твоим врагом, Солливер, — говорю я.

— Уверена, этого не случится, — она улыбается. — Мы слишком похожи, чтобы что-то делить, Торн Ландерстерг.

Я беру ее за подбородок и разворачиваю лицом к себе.

— Если ты выкинешь что-то подобное еще раз, наше партнерство закончится, не начавшись.

— Договорились, — она кладет пальцы поверх моих и мягко их убирает, — надеюсь, все наши решения с этого дня будут совместными и продиктованными нашими общими интересами.

На этот раз я провожаю ее до дома, далее с ней остается сопровождение, после чего я возвращаюсь в Айрлэнгер Харддарк. Мирденхард и Роудхорн явно не могут найти общий язык, в кабинете горячо от напряжения и низких, спокойных, но вибрирующих от пламени голосов. Только при моем появлении градус пламени становится ниже, Мирденхард поднимается первым, следом за ним Роудхорн.

— Ферн Ландерстерг, при всем уважении, — произносит он. — Я не готов представлять план, который предлагает ферн Роудхорн. Он слишком рискованный, к тому же, существенно растянут во времени.

— Один-единственный? — интересуюсь я, опускаясь в первое свободное кресло.

— Предложенные ферном Мирденхардом альтернативы не готов рассматривать я, — сообщает Роудхорн без предисловий, и жесткости в его голосе может позавидовать даже залежи фервернского льда. —

Не стоит забывать о том, что Лаура Хэдфенгер напугана и ждет нападения. Ее исчезновение сейчас вызовет сильный мировой резонанс и может привести к нежелательным последствиям, тогда как спустя несколько месяцев, когда она полностью расслабится и решит, что мы отступили, сделать это будет гораздо проще. Когда ее беременность будет очевидна и подтверждена, мы сможем вывезти ее, особенно если правильно осветить в прессе момент, насколько опасно сильное ледяное пламя. По крайней мере, я предлагаю сыграть на этом.

Я снова вспомнил о том, как отец мне показывал снимки. Снимки были с камер в моей комнате, и видео тоже. На них я был младенцем, не драконом и не человеком. Существом, к которому боялись приблизиться даже мергхандары, и к которому приблизилась мать. Полностью отпустив свое пламя, позволяя ему сливаться с моим, взяла меня на руки. Именно в ее руках, на ее груди, чешуя отступила, и я снова стал обычным ребенком.

Хотя что уж говорить, обычным ребенком я никогда не был.

Лауре Хэдфенгер повезло, что ее жалкая кровь не способна дать первенца такой силы, какой мог бы быть у меня. Или мне повезло, что я нашел, чем разбавить свою.

— В чем заключается ваш план? — спросил я, глядя Роудхорну в глаза.

— Как вы уже знаете, через несколько месяцев у меня свадьба. Я предлагаю провести ее в Аронгаре.

Вот теперь я смотрю на него очень пристально. Смотрю на него, но говорю Мирденхарду:

— Ферн Мирденхард, оставьте нас.

Он выходит, а Роудхорн кладет ладони на стол.

— У нас будет время, чтобы подготовиться. У нее будет время, чтобы расслабиться. Она доверяет моей будущей супруге и вряд ли будет осторожничать во время свадьбы.

— А что насчет вас, ферн Роудхорн? — интересуюсь с холодной усмешкой.

— Мне Лаура Хэдфенгер тоже доверяет.

— Вопрос в другом: могу ли я доверять вам?

Вопрос этого парня совершенно не смущает. Я впитываю каждую даже малейшую его эмоцию, но не нахожу ни тени сомнений.

— Это решать вам, ферн Ландерстерг. Полагаю, если вы поставили меня на пост главы службы безопасности, вы мне доверяете. Или я ошибаюсь, и у вас была несколько иная цель?

— Расскажите мне детали плана, — я закидываю ногу на ногу и сцепляю руки на коленях. — Чтобы я понимал, о чем мы говорим, предметно.

— Свадьба состоится в Зингсприде — из того, что я увидел в деле, именно там сейчас находится Лаура Хэдфенгер. С одной стороны, слишком идеальное совпадение, с другой — нет ничего странного, что спустя столько лет невозможности куда-либо выехать мы проводим бракосочетание именно в Зингсприде. Это идеальное место и мечта практически каждого, кто может себе это позволить.

— Но не ваша?

— Нет, не моя. Мне совершенно безразлично, где будет проходить моя свадьба, но чтобы порадовать Рин, я готов на многое.

— В таком случае вы прекрасно понимаете, что любая ваша ошибка может очень дорого вам обойтись?

Роудхорн убирает ладони со стола.

— Я был другом Лауры Хэдфенгер, — произносит он. — Но я так же приносил присягу. Для кого-то, возможно, это пустой звук, но не для меня. Я служу Ферверну, и если для его безопасности нужно вернуть эту женщину в страну, я это сделаю.

Он откидывается на спинку кресла и продолжает смотреть на меня. Кто бы мог подумать, что в этом мальчике скрыта такая сила — если он действительно говорит правду (а по исходящим от него ощущениям в этом сомнений нет), он пойдет далеко. Проблема в том, что многие ставят чувства выше долга. Эти многие не понимают, какие последствия за собой могут повлечь их действия.

Ребенок Лауры Хэдфенгер, мой первенец, может стать отличным средством манипуляции. Странно, что Арден, с которым я долгие годы вместе учился, этого не понимал. Или не хотел понимать.

Давать в руки оружие против себя — не суть важно, кому: Халлорану, Бермаейру, Мировому сообществу, я не намерен.

Возможно, в том, что он говорит, есть рациональное зерно.

Возможно.

Пусть они все расслабятся — не только Хэдфенгер. Пусть расслабится тот, кто на самом деле вывез ее в Аронгару, пусть

расслабится Эстфардхар.

— Хорошо, — говорю я. — Ваша свадьба должна состояться в начале лета. До этого вам с Мирденхардом предстоит разработать несколько альтернативных сценариев, по которым вы будете работать.

Я поднимаюсь.

— Не считая вашей основной работы, разумеется. Мне нужны от вас предложения по улучшениям и реорганизации, с последующим внедрением в самое ближайшее время. Вы уже знаете, почему ваш предшественник покинул пост?

— Потому что потерял Лауру Хэдфенгер.

— Смотрите глубже, ферн Роудхорн. Потому что основа всего, что мы с вами обсуждаем, как вы правильно заметили — это безопасность Ферверна и сохранение суверенитета, который очень многим не дает покоя.

Он кивает и выходит, а я набираю Крейда.

— Роудхорн на испытательном сроке, — говорю я. — Несмотря на то, что вы у него в подчинении, мне потребуется ваша характеристика.

— Что я должен делать?

— Просто не выпускайте его из вида. Задействуйте теневой протокол с привлечением Мирденхарда.

Теневой протокол — протокол проверки внутренней службы безопасности на случай, если что-то пойдет не так. В случае Роудхорна мне нужно убедиться, что этому парню я могу доверять. У него огромный потенциал — судя по тому, что я о нем знаю, и в том, что касается пламени, и в том, каких высот он может достичь. Гораздо больших, чем Стенгерберг.

Больше того, его план действительно может сработать — если он, разумеется, собирается его воплощать. Потому что помимо расслабленности Лауры Хэдфенгер, он таит в себе множество подводных камней: в частности, на свадьбе Роудхорна будет вся его родня и родня Ринары Рибельгар.

Мне бы хотелось верить, что он на моей стороне, но верить в данном случае я могу только себе.

Если Роудхорн решит помочь Лауре Хэдфенгер, его план все равно сработает для меня наилучшим образом. Потому что в этом случае она вернется ко мне сама.

Глава 12

Мне было нечем дышать, тело обволакивал холод. Холод, который долгое время был неотъемлемой частью моей жизни, втекал в меня, заставляя содрогаться от сводящих тело судорог. Смыкающаяся вокруг темнота давила, мешая сделать вдох. Снаружи, из-за глухой, звуконепроницаемой двери не доносилось ничего, хотя я знал, что отец с матерью ругаются.

— Дорнхард, он наш сын!

— Ему нужно научиться справляться с эмоциями, Хел. Иначе рано или поздно — когда меня с ним не будет — они его убьют.

Я знал это наверняка, потому что оно повторялось снова и снова, раз за разом, а потом, когда сила становилась мощнее, по моей коже ползла чешуя, запечатывая то ли меня от всепоглощающей силы пламени, то ли мир от меня.

Это повторялось снова и снова — как только я позволял эмоциям взять над собой верх. К восьми годам я полностью справился и с чешуей, и с эмоциями. Возможно, медики вроде Ардена и смогли бы установить истинную причину того, что со мной творится, но отец отказался делать это достоянием общественности.

— Они посадят его в лабораторию, Хел, и больше уже не выпустят, — цедил отец. — Это ты понимаешь?

Дорнхард и Хеллирия Ландерстерг были счастливой парой, родителями перспективных сына и дочери. Никто не знал, какую тайну они на самом деле скрывали.

Воспоминания из детства давно меня не беспокоили, но сейчас всплывали на поверхность рваными ошметками темноты, холода, страха. Бесконечной борьбы с собой. Откинувшись на спинку кресла, я рассматривал отделяющую меня от приемной дверь, раскатывая между покрытыми чешуей пальцами искры ледяного пламени.

«Существует вероятность, что Хэдфенгер тебе подсунули намеренно, Торн».

Я вспоминал те слова Стенгерберга снова и снова.

«Тебе лучше объясниться прямо сейчас».

Досье на Юргарна Хэдфенгера снова и снова вставало перед глазами. Идеальное. Безупречное. Не считая одного факта: за несколько дней до случившегося с Лаурой в ресторане он тайно встречался с представителем политической партии, лидер которой выступал ярким противником моей реформы.

Я дал Стенгербергу задание аккуратно это проверить, хотя до определенного момента не верил, что Хэдфенгер могла сыграть все то, что она говорила и делала. Зря.

Когда я почти готов был через это перешагнуть и двигаться дальше, она сделала то, что сделала.

Дымящийся кофе в одно мгновение стал ледяным и покрылся тонкой паутинкой ледяного узора. Понимая, что дальше только взрыв чашки, я просто отставил ее в сторону.

«Изучай свои эмоции, — говорил отец. — Чувствуй их, но не позволяй им брать над тобой верх».

Все, что работало с другими: с Арденом, с Эллегрин, с Солливер — с Лаурой осыпалось осколками. Возможно, потому что ее я действительно подпустил к себе по-настоящему. В отличие ото всех остальных, кто находился рядом, но на расстоянии, ей я позволил шагнуть по ту сторону льда. Туда, где мои чувства действительно были моими.

Внимание переключилось на всплывающее окно: на почту упало сообщение о том, что строительство бассейна завершено.

— Одер, мне нужно найти несколько свободных часов сегодня или завтра.

— Сегодня во второй половине дня, — начала секретарь, — на завтра вы просили ничего не планировать на утро.

Завтра. Только сейчас я вспомнил, для чего оставлял это время. Я просил ничего не планировать на утро, потому что собирался быть с Хэдфенгер на просмотре в Рагране. В Рагране на кастинге в ее шоу. Я никому об этом не говорил, даже Одер. Хотел сделать Лауре сюрприз.

Она меня опередила.

— Завтра утром меня не будет в Айрлэнгер Харддарк. Никаких встреч до обеда.

— Хорошо, ферн Ландерстерг.

Пора поставить точку в этой истории с резиденцией, и с Верражем тоже. Надо вернуть его в Зооцентр, там ему самое место.

Я едва успеваю вернуться к работе, когда смартфон оживает вызовом от Крэйда.

— Ферн Ландерстерг, — произносит он, — с ферной Ригхарн произошел несчастный случай.

Слишком много несчастных случаев за последнее время. И все — с моими невестами.

— Как это произошло?

Как бы цинично это ни выглядело, сейчас этот факт волнует меня гораздо больше, чем Солливер. С ней все в порядке, иначе Крэйд начал бы со слов «ферна Ригхарн погибла». Я стараюсь заставить себя почувствовать хотя бы что-то, но чувствую ровным счетом то же, что и всегда: холодную, ледяную пустыню, расстилающуюся внутри.

— Она гуляла в парке. С сопровождающими. Сейчас все трое мертвы, один из них закрыл ее собой. Стреляли с дальнего расстояния, ферна Ригхарн ранена и находится в больнице имени Риджестерна. Знаю, что я нарушаю протокол, ферн Ландерстерг, но учитывая ситуацию, я счел нужным позвонить сначала вам.

— Значит, Роудхорн еще не в курсе?

— Я свяжусь с ним сейчас же, полиция оцепила место, ждет дальнейших указаний от нас.

— Передавай дело Роудхорну и занимайтесь расследованием. Меня не беспокоить.

Я положил смартфон на стол, натянул перчатку. Поднялся.

— Одер, с ферной Ригхарн произошло несчастье, отмени все встречи, пусть Виггер ждет меня у главного входа.

— Да, ферн Ландерстерг.

— И найди Кадгара. Он мне тоже понадобится.

Хайрмарг казался разогретым от залитых солнцем высоток, искрящихся, как снежные шапки в пустошах. Если бы не очки, от этого ложного жара было бы больно глазам, но скоро этот обман раскроется. Ледяная волна, предшественниками которой как раз становятся такие зимние, солнечные дни, накроет город бесконечным выжигающим холодом.

Центральная больница Хайрмарга, со стороны приемного корпуса окруженная рядами парковок медицинских флайсов и выделенной VIP-парковкой для посетителей, занимала огромную площадь. Корпуса по двадцать этажей выстроились треугольниками и

квадратами, замкнутыми на территории и изрезанными парковыми дорожками.

Этаж, где устроили Солливер, оцепили. Стоило мне войти в палату, и ко мне сразу же повернулся врач.

— Добрый день, ферн Ландерстерг. Ферна Ригхарн сейчас в безопасности, лазерный луч просто поверхностно зацепил плечо. Никакой угрозы для жизни нет, по-хорошему, я рекомендовал бы остаться в клинике до завтра, но даже это не обязательно. Анализы и показатели отличные.

— Благодарю. Оставьте нас.

Я обошел его и приблизился к ней. Солливер полусидела, глядя в окно: видеть ее в больничной рубашке было непривычно. Она дождалась, пока за врачом закроется дверь, и только после этого повернулась ко мне. Закусила губу, как если бы хотела что-то сказать, но передумала. Потом все-таки произнесла:

— Я по утрам бегаю в парке. Это для меня своеобразный ритуал, способ начать день... раньше я предпочитала фитнес-залы и тренажеры, но недавно... недавно решила это немного изменить.

— Насколько недавно?

— Пару недель, не больше. — Солливер покачала головой. — Я даже не представляла, что кто-то может об этом знать. Все... все произошло так быстро. Я...

Она осеклась, а потом продолжила.

— Когда первый мергхандар упал, я даже не сразу поняла, что случилось, а потом... Они все погибли... Я думала, что умру, Торн. Это...

Голос ее сорвался, из глаз брызнули слезы. Представить Солливер Ригхарн плачущей было гораздо сложнее, чем представить ее вот такой — бледной, в больничной рубашке, с просвечивающей на опаленном лазером плече повязкой.

Я опустился на край кровати, и Солливер, судорожно вздохнув, прижалась ко мне. Какое-то время просто всхлипывала в моих объятиях, а потом подняла голову, обнажая залитое слезами лицо.

— Забери меня отсюда, Торн, — тихо попросила она. — Пожалуйста, забери меня. Я не хочу оставаться одна. Только не сегодня.

Сейчас ее глаза казались пронзительно-зелеными, как никогда, одна из горячих соленых капель упала мне на руку, обжигая своей раскаленной сутью.

Я осторожно привлек Солливер к себе и произнес:

— Хорошо, Сол. Сейчас поедem.

— Стрелявший — бывший снайпер, — сообщает Роудхорн, — в прошлом работал на спецслужбы Лархарры. В настоящем наемник, на клиентов выходил через поставщика подобных услуг. Сейчас оба мертвы.

Даже не сомневался.

Мне всегда интересно: когда кто-то берется за заказ, связанный с первыми правящими лицами, он всерьез рассчитывает на то, что ему просто выплатят гонорар, и забудут? Я бы предположил, что здесь дело не в деньгах, и Роудхорн высказывает то же самое:

— Поставщика, на мой взгляд, убрали, чтобы замести следы. Моя версия такова, что в этот раз с ним работали напрямую, и что ему сделали предложение, от которого он просто не смог отказаться.

— Согласен, — отвечаю, глядя на рассыпающийся огнями ночной Хайрмарг. — Продолжайте прорабатывать эту версию.

С ним я прощаюсь, но по-прежнему смотрю на город, над которым не видно звезд. Слишком много неона, даже если приглушить свет, будет видна не россыпь Драконьей лапы, а отдельные, самые яркие искры, как последние вспышки затухающего костра.

— Пойдем отдыхать?

Солливер обнимает меня и прижимается подбородком к спине. Я оборачиваюсь:

— Зачем ты поднялась?

— Проснулась. Стало страшно, — она смотрит мне прямо в глаза. — Знаю, это на меня не похоже, но у меня до сих пор перед глазами снег, и кровь, кровь, кровь...

Крови было не так много. Я видел снимки: лазерное оружие просто прожигает дыру, почти мгновенно запаивая сосуды, поэтому и брызги — как рассыпавшаяся крошка из сухого окрашенного бисквита. Тем не менее я могу представить, что она пережила. Когда на твоих глазах умирают трое, один из которых закрывает тебя собой,

спокойно спать после такого может даже не каждый полицейский или мергхандар.

Солливер повезло потому, что она наклонилась завязать шнурок. Точнее, наклонялась, чуть сдвинулась — и ушла от прямого выстрела в сердце. И потому что в следующую минуту защищавший ее мергхандар закрыл ее собой.

— Тебе нужно поспать, — говорю я.

— Сколько можно спать? — Она глубоко вздыхает. На ней один из моих халатов, и в нем она кажется совсем тонкой. — Я даже во сне от них бегу. Снова и снова. Не знаю, сколько еще это будет продолжаться...

— Мне снилось, как убивают моих родителей. Первые несколько месяцев после покушения. Я стоял, опустив руки, и ничего не делал. Тогда мне казалось, что я действительно ничего не сделал.

— Торн, тебя там не было.

— Не было, — подтверждаю я.

— А если бы был, тебя бы сейчас не было со мной, — она глубоко вздыхает, а потом приподнимается на носки и целует в губы. Непривычно мягко и осторожно, так легко, как будто делает это впервые. Эта нежность между нами совершенно неправильная, и еще больше неправильным мне кажется то, что хочется ей поддаться.

Солливер Ригхарн — просто будущая первая ферна.

Но сейчас она — просто женщина, которой нужна поддержка. Поэтому я беру ее на руки и несу в спальню: осторожно, чтобы не зацепить поврежденное плечо. Так же осторожно опускаю на постель, на сторону, где откинута покрывало.

Сам ложись рядом, поверх.

Солливер поворачивается, пожалуй, слишком резко. Морщится от боли.

— Останешься? — спрашивает еле слышно.

— Я все равно не сплю. Буду тебе мешать.

— Не спишь? — она приподнимает брови.

Качаю головой.

— Я с удовольствием буду не спать с тобой, — тихо произносит она, а потом добавляет: — Сегодня, пожалуй, это как никогда актуально.

Она кладет руку мне на грудь, поверх рубашки, и я ее не убираю.
Напротив, сжимаю тонкие пальцы и спрашиваю:
— О чем хочешь поговорить?

Глава 13

Сосредоточиться не получалось. Кажется, впервые в жизни у меня не получалось сосредоточиться ни на чем, кроме покушения. Данные из отчетов Роудхорна складывались в цепочки и снова расходились — показания свидетелей, слышавших выстрелы и так или иначе видевших Солливер с охраной в парке, показания полицейских, первыми прибывших на место преступления. Солливер потеряла сознание, поэтому звонок был от Крэйда, не от нее — с ним связалась полиция.

На все это накладывались бесконечные заголовки новостных лент и лицо спящей Солливер. Я никогда в жизни не засыпал ни с кем рядом. Впрочем, рядом с ней я тоже не засыпал — после разговоров о ее детстве, о ее учебе и о том, как она решила стать моделью, когда поняла, что хочет быть независимой, а не выходить замуж за того, кого подсунет ей отец, Солливер все-таки заснула.

А я лежал, смотрел на высокие потолки и вспоминал ту единственную ночь, которую Лаура Хэдфенгер провела в моей квартире. Это было совершенно нелогично: думать о том, что она спала за соседней стенкой, и по какой-то странной иронии я устроил Солливер именно в своей спальне. Та постель так и осталась нетронутой, к ней, кажется, даже домработница больше не прикасалась — с тех пор, как последний раз застелила после ухода Хэдфенгер.

— Одер, свяжись с Тиусом и ферном Хмехтом. Я буду в резиденции через полтора часа.

— Но вы же вчера отменили встречу? — спрашивает секретарь.
— После того, что произошло с ферной Ригхарн.

— Я только что снова ее назначил.

Я никогда так рано не прилетал в Айрлэнгер Харддарк, как сегодня. Когда, глядя на Солливер, вспоминал Лауру Хэдфенгер.

Кажется, я был на рабочем месте в шесть или даже раньше, Роудхорн ушел от меня еще до того, как в кабинет вошла Одер. Она всегда приходила за полчаса, чтобы открыть оконные жалюзи: обычно,

когда я входил в кабинет по утрам, воздух уже был пропитан ледяной свежестью — осенью, зимой и весной. Летом Одер просто включала кондиционеры, но сегодня все было не так.

Все пошло не так с того самого момента, когда я лег рядом с Солливер.

— Ферн Ландерстерг, ферн Хмехт подтвердил, что будет на месте через полтора часа. Тиус запросил для него отдельное окно телепорта.

— Чудесно.

Водитель ждет меня на парковке, и, пока мы летим, я снова пытаюсь сосредоточиться на информации от департамента экономики. В какой-то момент спотыкаясь о мысль, что Лаура Хэдфенгер закончила экономический. Я не имею ни малейшего представления, почему не могу полностью взять себя под контроль — мне кажется, это началось сегодня ночью, но возможно, еще вчера.

После покушения на Солливер?

Во время покушения на Солливер?

Резиденция встречает тишиной и приветствием Тиуса.

— Ферн Хмехт уже на месте, ферн Ландерстерг, — сообщает дворецкий. — Есть кое-что еще, о чем вы должны знать. Я не стал беспокоить вас вчера по понятной причине, ну и предполагал, что это пройдет, но...

Дворецкий кивает на вышедшего к нам мергхандара, одного из тех, кто курирует Верража.

— Верраж со вчерашнего утра отказывается есть и пить, бьется о стены и рычит, — докладывает он. — На прогулке он пытался улететь, нам пришлось поднимать флайс, чтобы его вернуть. В комнатах продолжается все то же самое. Он агрессивен, пытается все заморозить дыханием.

— Зайдем к нему сразу после встречи, — комментирую я.

И ничего хорошего от этой встречи не жду. Одичавшего маленького дракона точно не ждет ничего хорошего, особенно при беспокойном поведении. Драконы очень плохо переносят действие препаратов, равно как не могут круглосуточно сидеть под приказами.

Стоило раньше вернуть его в Зооцентр.

Я направляюсь к бассейну, и с каждым шагом чувствую, как во мне раскрывается пламя. Ладонь и предплечье под чешуей не просто начинают гореть, они раскаляются. Вместе с этим приходит знакомое

уже ощущение ледяной изморози вдоль позвоночника — той, что раскрывается огнем.

Той, что чувствуется перед оборотом.

Я останавливаюсь. Делаю глубокий вдох.

Если дракон решил вернуться сейчас, ему однозначно придется подождать.

Проектировщик стоит рядом с уже полностью функционирующим бассейном, накрытым куполом. В руках у него пульт регулировки, и, в тот момент, когда он оборачивается ко мне, под затянутой в пламя, чешую и перчатку ладонью вибрирует смартфон.

— Роудхорн, что-то срочное? — спрашиваю я.

— Более чем.

— Нашли какие-то зацепки?

— Это не по нашему делу, ферн Ландерстерг, — произносит он.

— Лаура Хэдфенгер исчезла.

— Снова сбежала? — спрашиваю я.

Хотя понимаю уже сейчас, что никуда она не сбежала. Что мой начавшийся вчера перекрытый Солливер мандраж (я правда привлек именно это слово?) и состояние Верража связаны между собой гораздо больше, чем мне хотелось бы думать.

— Нет, она просто исчезла. Эстфардхар тоже. В их квартире погром и три тела. Одно из которых пришлось размораживать.

Я рад, что Роудхорн говорит прямо. Но совершенно не рад тому, что он говорит.

— Ты установил за ними слежку без моего приказа?

— Я счел это разумным. К сожалению, она не помогла. И те, кто приходил к Эстфардхару и Хэдфенгер, и вторая сторона — которая помогла им исчезнуть, тоже работают не первый день.

Помогла им исчезнуть.

Вместе с пламенем по телу проходит странная дрожь. Я даже сгибаю и разгибаю пальцы, и снова сгибаю, чтобы собрать ее в кулак. Если это не очередной маневр Эстфардхара — что, по сути, маловероятно, то...

Пламя дракона раскрывается в груди с немыслимой силой. Я держу смартфон исключительно потому, что на связи Роудхорн, и еще потому, что мне надо за что-то держаться.

— Ферн Ландерстерг, мы не справимся без помощи спецслужб Аронгары, — говорит он.

Как будто я сам этого не знаю.

Впрочем, кое-что я знаю наверняка: кому не понадобятся никакие спецслужбы, чтобы найти ее. Где бы она ни была, где бы ее ни прятали, кто бы это ни был.

Я глубоко вдыхаю и выдыхаю, позволяя пламени прокатываться по телу.

— Ферн Ландерстерг?

Чтобы связаться с Халлораном, у меня уйдет секунд десять. Чтобы объяснить ему ситуацию, пара минут. Дальше все будет зависеть исключительно от слаженной работы наших спецслужб, но даже сейчас на это могут уйти сутки. Или больше.

Дракон найдет ее гораздо быстрее.

Вот только дракона я себе позволить не могу. Не сейчас и не в таких обстоятельствах. Моя территория — Ферверн, нарушение границ других стран — это уже нечто совершенно иное.

— Работай по своим каналам, — говорю я. — Я свяжусь с Халлораном, после этого обсудим дальнейшую стратегию.

— Хорошо, — Роудхорн тут же отключается.

Я снова набираю номер.

— Одер, найди способ экстренно соединить меня с Халлораном.

— Да, ферн Ландерстерг.

Я снова поворачиваюсь к Хмехту. Проектировщик поднял воротник куртки, кажется, до самых ушей, но все равно выглядит замерзшим. Пустоши всегда первыми ощущают на себе дыхание Ледяной волны.

— Добрый день.

— Добрый день, ферн Ландерстерг. Проект завершен, вы можете проверить — все в соответствии с вашими пожеланиями.

Огромный бассейн, раскинувшийся под куполом, вполне подошел бы для тренировок соурских чемпионов. С той лишь разницей, что создан он для меня одного. Возможно, стоит сделать что-то похожее для Солливер — отдельно. Находиться под защитным куполом в теплой воде, особенно когда она будет беременна, ей точно понравится.

Возможно, стоит сделать бассейн сразу с детской зоной.

Я выдергиваю мысли о Лауре Хэдфенгер, как сорняк, безжалостно от них избавляюсь. Что бы с ней ни произошло, она сделала это сама.

Вода играет бликами под легкими искрами купола. Сегодня — обманчиво-пасмурно, но холода это не отменяет. Я смотрю на узор под водой — раскинутые крылья, оскаленная пасть и пламя, которое за счет имитации-подсветки кажется невероятно реалистичным. Сама работа потрясающая, и дракон тоже оживает под водой.

— Чудесно, — говорю я. — Пульт управления и все необходимые материалы передадите Тиусу.

— Вы разве не будете проверять?

— Незачем. Я целиком и полностью вам доверяю.

Я разворачиваюсь и возвращаюсь к телепортационной капсуле, расположенной на территории резиденции. Пока здесь никто не жил, проще было оставить телепорт в непосредственной близости от дома — для быстрой доставки стройматериалов, мгновенного перехода работников и так далее. Сейчас для телепортационного кольца строят отдельный зал: когда резиденция станет жилой — а я намерен превратить это место в настоящий дом — телепортационные волны нужно выносить за пределы парка, возможно, и чуть дальше, а после налаживать соответствующий транспорт от телепорта до резиденции.

На полпути я вспоминаю про Верража и сворачиваю к нему. Мергхандары остаются за дверью, я захожу внутрь.

Драконенок сидит, раскинув крылья, будто вот-вот собирается взлететь, шипы и гребень подняты. Ненужные игрушки валяются по углам, остался даже совсем крохотный мяч — для Гринни. В мисках засохший корм, поилка опрокинута, клякса воды растеклась по полу.

— Ну и что мне с тобой делать? — спрашиваю я, глядя ему в глаза.

Верраж чувствует силу, исходящую от меня, рычит, но все-таки пригибается к полу.

— Сюда, — на сей раз это приказ.

Легкий, ничего не значащий, но драконенок складывает крылья. Чешуйки, шипы и гребень опускаются. Он приближается и послушно садится рядом. Под этим послушанием я чувствую проходящие по телу звереныша волны — он действительно в отчаянии.

Что мне устроил бы мой дракон — дай я ему волю, даже представить невозможно.

Одер не перезванивает.

Это очень странно, потому что Одер все делает мгновенно, иначе она не работала бы у меня. Тем не менее сейчас она не перезванивает. Возможно, дело в том, что в Аронгаре сейчас ночь, но ночь для Одер не проблема. Она способна достать кого угодно из-под земли — буквально — если это нужно мне.

Но не сейчас.

Я возвращаюсь к двери:

— Ирс, свяжись с Зооцентром. Нужно вернуть Верража туда, где ему смогут уделять больше внимания.

Мергхандар кивает, и в этот момент меня набирает Одер:

— Ферн Ландерстерг, мейстер Халлоран вне зоны доступа.

— Он в резиденции?

— Нет. Его секретарь не может с ним связаться. По крайней мере, пока.

Изо всех дней, когда ему можно было провалиться под пустоши, Халлоран выбрал именно тот, когда нельзя, чтобы исчезнуть.

Исчезнуть.

«Лаура Хэдфенгер исчезла».

Если, разумеется, эти исчезновения не связаны.

— Забронируй для меня ВИП-телепорт в Аронгару и свяжись с Роудхорном. Он мне понадобится на месте, — говорю я. — У меня прямой переход через полчаса, из резиденции, в соответствии с этим временем и действуй. Так же отмени все мои встречи до особых распоряжений.

Я отключаюсь, и мергхандар шагает ко мне.

— Ферн Ландерстерг, они готовы принять Верража в любое время.

— Потом, — отвечаю коротко и поворачиваюсь к зверенышу. — Свободен.

Стоит мне произнести это слово, как драконенок взлетает: рывком, резко расправив крылья, и кричит. Кричит так, что внутри что-то словно взрывается — пламенем, с такой немыслимой силой, что мир на мгновение перестает существовать. Остается только пламя — мощное, всеобъемлющее, и тонкая связующая нить, вытягивающая меня из меня и обрывающаяся где-то вдали.

Не обрывающаяся.

Бьющаяся крохотной едва уловимой искрой, единственно важной сейчас.

Взрыв внутри меня разрастается и разливается сумасшедшим пламенем вокруг. Звериным взглядом я вижу существ, отступающих в сторону, и вьющегося вокруг мелкого себе подобного.

Впрочем, он сейчас тоже совершенно не важен: я ломаю хрупкую преграду выстроившихся вокруг меня стен. Осколки, обломки осыпаются вниз, когда я вырываюсь из этой бессмысленной клетки, взрываю ввысь, под густой стяг снежных облаков.

И лечу к ней.

Глава 14

Солливер Ригхарн

Сегодняшний день начался не как все остальные — хотя бы потому, что Солливер привыкла начинать его со стакана воды и пробежки. После — легкий завтрак, никакого кофе, и спа-процедуры в любимом салоне. Вот только после ранения никакие спа-процедуры не в радость, что касается пробежки, разумеется, ей запретили бегать до окончания расследования. И все бы ничего, но шрам точно останется!

Она рассматривала плечо, на котором по-прежнему тлело пятно от лазерного луча. В принципе, потом можно будет сделать пластику, но это анестезия, а к анестезии Солливер испытывала не лучшие чувства. Она вообще ненавидела все, что заставляло ее утратить контроль, и на то были причины.

По-хорошему, она и Торна Ландерстерга должна была ненавидеть, но почему-то не получалось. Рядом с ним она впервые по-настоящему расслабилась — расслабилась настолько, чтобы рассказать ему правду. Точнее, большую часть правды, остальное кое-кто помог скорректировать, но главное ведь в сути вещей, а не в деталях, верно?

Изначально это было игрой.

Просто игрой, в которой Торнгер Ландерстерг должен быть стать главным призом.

Когда-то давно, когда она влюбилась в иртхана (это и была та маленькая деталь, которую ей помогли скорректировать), а он приказал ей лечь под других людей, все было просто. Солливер решила, что ненависть вполне способна уничтожить слабость, и она действительно ее уничтожила.

Мужчины стали для нее всего лишь способом достижения цели — роскошной жизни, дорогих подарков, наслаждения. Так и было долгое время, она, Солливер — отдельно, мужчины — отдельно. И цель. Цель стать самой известной моделью, моделью с мировым именем, лицом с обложки. Все, кто становился у нее на пути, очень скоро об этом жалели.

Как бы там ни было, именно первая любовь преподавала ей отличный жизненный урок — либо ты, либо тебя. Поэтому Солливер совершенно не жалела о том, что расправлялась с препятствиями раньше, чем они расправятся с ней. Однажды проснуться после операции с переломанными ногами, которые собирают по осколкам, или с изуродованным лицом (в модельном бизнесе такое «случается» часто) ей совершенно не улыбалось.

Поэтому она действовала первой.

— И так будет всегда, — Солливер улыбнулась своему отражению, отвела пальчиками с лица локон, и позволила ему скользнуть обратно.

Рубашка Торна хранила его запах, и этот запах казался ей по-настоящему возбуждающим. Мужской аромат, наверняка сделанный на заказ, в сочетании с воспоминаниями о его прикосновениях. Резких рывках. Грубых ласках.

Торнгер Ландерстерг был идеален. Был бы идеален, если бы не был ир்தханом, но с этим она тоже сумеет справиться. Свою ненависть к ним она преодолела после того, как расправилась с тем, кто ее оскорбил. Не сама, разумеется, с помощью любовника, который был готов ради нее на все и имел определенные связи.

Мальчишка, провернувший с Солливер свингерский трюк, происходил из слабой семьи, поэтому никто особо не заморачивался. Дело просто закрыли, как убийство из ревности. Забавно, что убийство из ревности для всех совершила девочка, в которую он был когда-то влюблен. Та, из-за которой все и случилось.

Это тоже была часть ее плана — подставить именно ту, ради которой он притащил Солливер в свингерскую тусовку.

При мыслях об этой блондинистой ларрке пальцы сами собой сжались в кулаки, но Солливер тут же их расслабила. Все в прошлом. Она — в прошлом, уже, должно быть, сгнила в тюрьме. А от негативных эмоций, как известно, появляются морщины.

Завернувшись в рубашку Торна, она спустилась вниз. Все-таки налила себе стакан воды, удобнее устраиваясь на высоком стуле. Даже здесь — у этой барной стойки были живы воспоминания о том, как он трахал ее пальцами.

Возбуждающие... и вызывающие ярость.

Кажется, именно в тот вечер Солливер впервые поняла, что испытывает нечто большее, чем просто желание. Сумасшедшее звериное желание рядом с женщиной, чья сила и власть неоспоримы.

Изначально он действительно был просто целью: когда-то Солливер поклялась себе, что приблизится к власти настолько, насколько это возможно. В то время она еще смутно представляла, как именно, и никогда не метила настолько высоко. Солливер даже изучала биографию Леоны Халлоран — которая воспитывалась, как человек, но впоследствии оказалась иртеханессой. Целая пафосная драма, хоть кино снимай.

Так или иначе, Леоны Ладэ, а впоследствии Леоны Халлоран, отлично устроилась. Сначала стала первой леди Мэйстона, а впоследствии — первой леди Аронгары.

К сожалению, браки между людьми и иртеханами были чем-то из разряда фантастики, о которой пишут в дешевых третьесортных романчиках (после массового раскрытия информации об иртеханах). Тем не менее в этих романчиках девица, влюбленная в высокопоставленного иртехана, так или иначе оказывалась иртеханессой, они становились парой и жили долго и счастливо (до первого секса на стороне, видимо).

Фу и тьфу.

А потом Торнгер Ландерстерг придумал реформу.

Реформу, которая идеально вписывалась в то, какой Солливер видела свою жизнь — где никто и никогда уже не станет диктовать ей условия. Ни вонючие продюсеры, только и желающие облапать, перед тем как выпустить на подиум, ни набловы модельеры, имена-бренды, каждый со своим бзиком, ни истеричные «подружки» по подиуму, которые создавали больше проблем, чем поддержки.

Первая ферна Ферверна.

Это даже звучало круто.

Настолько круто, что Леоны Халлоран отдыхала.

Поэтому всего-то и оставалось написать отцу и предложить свою кандидатуру — якобы с целью помириться и вернуться в семью. Этот старый вонючий набл поупирался для вида, но потом все-таки «милостиво» согласился. И мамаша, эта вечно поддакивающая ему прищка, которая ни слова не сказала поперек — когда отец орал на нее после той истории и говорил, что ей самое место в шлюхах — теперь

бегала вокруг нее и с умилением трясла своими пухленькими ручонками.

Ее от них тошнило.

Терпела их присутствие (в том числе на помолвке) Солливер исключительно ради статуса первой ферны, у которой должна быть семья. Ничего, когда ее статус станет официальным, она найдет способ от них отдалиться. Например, рассказать Торну о том — осторожно, разумеется, — что они ее не поддержали в «тот, тяжелый момент».

И решить еще одну маленькую, несущественную проблемку, она тоже найдет способ. Главное сейчас укрепиться в своем положении, а остальное...

Солливер погладила пальцем ободок бокала и облизнула губы. Вчера ей не удалось его соблазнить (да и плечо слегка побаливало, несмотря на ультрасовременные препараты), но сегодня ночью он не заснет уже совершенно по другой причине.

Смартфон дернулся и раскрылся голосом Сибриллы Ритхарсон.

Солливер бросила взгляд на дисплей и поморщилась: «проблемка» решила напомнить о себе.

— Мне кажется, или мы договорились свести наши контакты к минимуму? — спросила она.

— Тебе не кажется. Но еще мы договорились, что ты удержишь его при себе, Солливер.

— Мне надо было привязать его к кровати? — Она облокотилась о стойку, подавшись вперед. — Прости, но это не мальчик из клуба с особыми увлечениями, это — Торнгер Ландерстерг, если ты забыл. У него целая страна под ладонями.

— Впечатлен твоей речью, — холодно отозвался собеседник, — но мы говорили, что ты удержишь его от встречи с Лаурой Хэдфенгер.

Лаура Хэдфенгер.

Улыбка мгновенно сбежала с лица.

— Он что, поехал к ней? — жестко спросила она. — В Аронгару? На том конце раздался смешок.

— Не совсем так, напарница. Не поехал. Он к ней полетел.

— Что? — переспросила Солливер очень тихо.

Очень-очень, хотя впервые за долгое время ей хотелось кричать и швыряться вещами.

— Совершил оборот, — пояснил он. — Все потому, что ты, по всей видимости, не справляешься со своими обязанностями!

— Или ты не справляешься со своими, — в ее голос вернулись холод и жесткость. — Давай, расскажи мне, как так получилось, что ты его отпустил?

— Наблов Роудхорн сообщил, что Хэдфенгер исчезла.

— Ему? — резко уточнила Солливер.

— Да, мать твою, ему. Он не делится со мной всем, как Стенгерберг.

— Что, вероятно, очень и очень плохо, — Солливер поднялась. — Нам нужно, чтобы начал делиться. Или — ты сам знаешь — могут возникнуть проблемы. Он же не в курсе того, что осталось в моем прошлом?

— Вряд ли он станет перепроверять то, что я создал.

— В любом случае, подстраховаться не помешает, — она закусила губу. — Этот Роудхорн — совершенно не вовремя.

— Кто же знал, что Ландерстерга так переклинит на Хэдфенгер. Я представить не мог, что он решит его убрать.

— Ладно, — она в задумчивости посмотрела на барную стойку. — Я придумаю, что делать с Хэдфенгер. А ты — что делать с Роудхорном. Спасибо, что сообщил.

Отбой нажала раньше, чем тот успел ответить — не хватало еще, чтобы по тону он понял что-то. Или почувствовал.

Набловы иртыханы!

Стоявший на барной стойке стакан Солливер от души запустила в стену, и с наслаждением смотрела, как он разлетелся осколками.

Наблов Крэйд!

Наблова Хэдфенгер!

Наблов Роудхорн!

Ладно, предположим, сейчас Роудхорну не до проверки последней информации, у него есть дела поважнее. Сейчас он будет заниматься всем, что связано с драгоценной и всеми лелеемой Хэдфенгер, лучшей подругой его будущей жены. Вот и пусть занимается, а в случае чего они с Крэйдом найдут возможность повернуть его мысли в другое русло.

Но то, что Торн поехал к своей...

Солливер сжала руку так, что больно стало нарощенным ногтям.

Не своей. Никогда больше Хэдфенгер не будет его, и он не назовет эту девку своей, теперь его невеста — она, Солливер Ригхарн. Его невеста, его женщина, его будущая жена, а еще — будущая первая ферна.

Она поднялась наверх, в спальню, где примятое со стороны Торна одеяло снова напомнило о прошлой ночи. Нет, Лауре Хэдфенгер больше нет места в его жизни, нет и не будет никогда. Эта девчонка — просто девчонка, которая даже не представляет, что делать рядом с настоящим мужчиной. Ей самое место рядом с... как его там... бывшим однокурсником, который с подачи Эллегрин Рэгстерн втянул ее в потенциальный скандал.

Глядя на себя в зеркало, Солливер глубоко вздохнула.

С какой стати вообще было так заводитьсь?

Подумаешь — совершил оборот.

Совершил оборот!

Она сделала все, чтобы заставить его переключиться, даже подставилась под этот лазерный луч, и у нее все получилось. Он отвез ее к себе, он лежал рядом с ней, пока она засыпала.

А теперь...

Чтобы не разбить что-нибудь еще, Солливер подхватила смартфон и набрала номер мергхандара, с сегодняшнего дня руководящего ее безопасностью.

— Через час я собираюсь в спа, поэтому будьте готовы.

Никакая Лаура Хэдфенгер с ней не сравнится, и, как бы там ни было, опытный и сильный мужчина всегда предпочтет настоящую женщину.

Настоящую, искушенную, сильную женщину.

Равную себе.

Нет, Лаура Хэдфенгер ей не соперница. Какая-то девица, которая бегала от Торна по всем странам, никогда не встанет на ее пути.

А если встанет... ей же хуже.

Солливер улыбнулась своему отражению и пошла собираться.

Глава 15

Увидеть ее было как удар под дых. Хуже всего было то, что это «увидеть» выбило из меня все мысли, кроме одной.

Она должна быть моей.

Можно было бы списать этот порыв на дракона, но зверь не подавал признаков жизни. С той самой минуты, как его выворачивало наизнанку от боли — увидеть свою пару с меткой другого не самое приятное чувство. Что же, по крайней мере, по этому поводу он меня больше не побеспокоит. Иногда стоит дорваться до того, что безумно желаешь, чтобы получить оплеуху и больше не совать туда свой драконий нос.

— Торнгер, — Рэйнар Халлоран смотрел на меня в упор. — Это был спонтанный оборот, верно?

— Каким бы он ни был, он остался в прошлом, — ответил я. — И он не имеет ни малейшего отношения к тому, что беременная моим первенцем женщина оказалась в твоих руках, а моя секретарь не смогла с тобой связаться.

Я ждал этого слишком долго, чтобы сказать и посмотреть на выражение его лица. С той самой минуты, как мне подали плед, как мы сели в один флайс, каждую минуту, как мы шли по коридорам Лаувайс в его кабинет. Мои мергхандары и его вальцгарды остались по ту сторону двери, и сейчас я хотел только одного.

Его ответа.

— Полагаю, каждый из нас позволил себе некоторую вольность.

— Вольность? — холодно спросил я. — Ты это так называешь?

Роудхорн позаботился о том, чтобы мне доставили не только костюм, но и перчатку, закрывающую руку. Что было очень и очень актуально, потому что иначе в пустоши плед превратился бы в ледяной шлейф.

— Оборот с пересечением границы независимой территории Аронгары — да, — Рэйнар вернул мне холодный взгляд. — Равно как и обеспечение безопасности для женщины, носящей твоего первенца, после нападения.

— И я это ценю, — произнес я. — Но не могу оценить тот факт, что мне немедленно не сообщили о ее местонахождении. Как бы там ни было, я считаю этот разговор излишним. Я забираю Лауру Хэдфенгер, Халлоран.

— Нет.

Это произнес не Рэйнар. Шум, предшествующий его появлению — Эстфардхара во всей красе — сопровождало еще и появление вальцгардов и мергхандаров. Следом вбежала запыхавшаяся секретарь.

— Местр Халлоран, прошу прощения. Я среагировала быстро, но...

— Фелисия, вы свободны. Вы тоже, — последнее относилось к вальцгардам. — Местр Эстфардхар, по какому праву вы врываетесь в мой кабинет?

— Полагаю, по тому же самому, по которому вы обсуждаете жизнь и свободу моей будущей жены за моей спиной, — резко произнес Эстфардхар. На меня он не смотрел вообще.

— Справедливо, — кивнул Рэйнар. — Что скажете, ферн Ландерстерг?

Я перевел взгляд на Роудхорна и кивнул. Мергхандары тоже вышли.

Эстфардхар шагнул к столу, и, по-прежнему игнорируя мое присутствие, оперся о него ладонями.

— Эта тварь ее не заберет.

— Местр Эстфардхар! — Халлоран повысил не голос, а пламя.

Его удар прокатился по кабинету, заставляя ледяное мгновенно отозваться внутри.

— Что? Кого-то в этом кабинете смущает, когда вещи называют своими именами? Прошу прощения, не вещи. Ферна Ландерстерга.

— Успокойтесь, местр Эстфардхар, — тон Рэйнара стал металлическим, — или я вынужден буду снова перевести нашу беседу в приватную.

Я медленно повернулся к Эстфардхару.

— Предлагаю разрешить наши разногласия с помощью поединка на мировой арене, — произнес я. — Поскольку сейчас мы ставим местра Халлорана в очень неловкое положение с дипломатической точки зрения: вы вправе не отдавать вашу будущую жену, а я вправе не отдавать своего первенца.

Зрачок Эстфардхара стал звериным.

— С удовольствием, — выплюнул он.

— Нет.

На сей раз отрицание принадлежало Халлорану.

— Поединка не будет.

— По какой причине? — осведомился я.

У Халлорана сейчас потрясающий выбор: во-первых, признать превышение своих полномочий, а во-вторых, объявить Эстфардхара несостоятельным как ирхана — и как следствие, несостоятельным для того, чтобы обеспечить моему первенцу полноценные условия для развития во время беременности.

— По той причине, которую я вам еще не озвучил, ферн Ландерстерг, — ноздри его раскрываются, выдавая готового вырваться на свободу зверя. — Местр Эстфардхар проходит главным свидетелем на ближайшем заседании Мирового сообщества. Что касается вас, местр Эстфардхар, я бы посоветовал вам умерить ваш сарказм и проявить больше уважения.

— Уважения к тому, кто преследует беззащитную женщину?

Я мог бы размазать его. Прямо здесь и прямо сейчас, вместо этого я сжимаю и разжимаю покрытые чешуей пальцы, гоняя пламя от плеча к запястью.

Интересуюсь:

— Насколько я знаю, деятельность Мирового сообщества временно приостановлена до решения по Ферверну.

— В связи со сложившейся ситуацией я принял решение одобрить вашу инициативу. — Халлоран поворачивается ко мне. — Сегодня мы собираем экстренное заседание, на котором подписываем указ о выходе Ферверна из Мирового сообщества, а завтра — проводим расследования по делу преследования Лауры Хэдфенгер. Включая все обстоятельства ее бегства из Раграна, ферн Ландерстерг.

В тишине, воцарившейся после его слов, я поднимаюсь первым.

Шагаю к нему, возвращаю взгляд в упор. В эту минуту в Халлоране, видимо, просыпается что-то разумное, потому что он произносит:

— Местр Эстфардхар, я буду вам очень благодарен, если вы подождете в приемной.

Он произносит это спокойно, но давление пламени чувствуется физически. Эстфардхар все же выходит — туда, куда его послали. В приемную Лаувайс, где секретарь Халлорана, должно быть, сидит с вытаращенными глазами, потому что не сумела остановить Эстфардхара. Ощущать пустоту вместо звериной сути нелегко, но именно эта пустота сейчас спасает. Потому что чувствовать то, что я испытал в пустошах, я больше не хочу.

— Я не стану повторять все то, что уже озвучил, Халлоран, — произношу я, и, когда он поднимается, мы оказываемся лицом к лицу.

Во мне не осталось моего зверя, но я порву его голыми руками, если он встанет на моем пути. Я любого порву — и мне совершенно точно будет не жаль.

— Скажу только одно. Ты можешь собирать свой совет сколько угодно раз. Можешь проводить свое расследование до посинения драконьего хвоста, но Лаура Хэдфенгер уезжает со мной. Сегодня. Сейчас. Ты не имеешь права мне ее не отдать, и ты прекрасно об этом знаешь. А даже если бы у тебя такое право было, мне плевать. Подумай об этом.

Его ответ мне не нужен — их все равно только два. Либо он отдает мне Лауру Хэдфенгер добровольно, либо я ее забираю. Сейчас гораздо важнее то, что мне может сказать Роудхорн, к нему я и подхожу, игнорируя иглы десятков взглядов.

Все присутствующие знают про оборот (вероятно, кроме секретарей), но на это мне тоже плевать. Халлоран с его толерантностью, гипертрофированной, как хвосты пустынных, уже просто достал. Я не побоюсь объявить миру о том, что прорвался через щиты Ферверна и вломился в Аронгару — чтобы забрать ее.

— В Ферверне все под контролем, — коротко произносит Роудхорн. — Сейчас Кадгар готовит заявление для пресс-конференции, о том, что вырвавшийся дракон...

— Мы скажем правду, — я его перебиваю раньше, чем он успеет продолжить. — Ты разобрался с тем, что здесь произошло?

— Из отчетов, которые мне предоставили, понятно, что почти ничего не понятно. Кроунгард Эстфардхар был заинтересован в получении информации через приемного сына, и тот ему эти крупницы регулярно поставлял — по возможности. До тех пор, пока не стало

известно о Лауре Хэдфенгер, и тогда Бенгарну Эстфардхару пригодились знакомство со мной.

Я киваю на двери, и мы выходим. Они запечатывают весь этот балаган внутри, Роудхорн указывает направо.

— Там есть небольшой холл.

Мергхандары собираются следовать за нами, но я жестом их останавливаю. Мы вдвоем проходим по матированной кишке и оказываемся в залитом солнечным светом пространстве.

Мэйстон напоминает западную часть Хайрмарга, и, хотя в Хайрмарге нет столько воды и островов, все равно что-то отдаленно схожее есть. В том числе климат.

— Каким образом Эстфардхару стало известно про Хэдфенгер?

— Не представляю. Либо у них внешний источник, либо, — Роудхорн смотрит мне прямо в глаза, — внутренний. И очень к нам близкий.

— Тебе передали информацию по Юргарну Хэдфенгеру?

Он кивает.

— Есть вероятность, что утечка пошла оттуда. В любом случае, расследование на тебе, и сделать это нужно без привлечения общедоступных ресурсов.

— Понял.

— Мирденхарда тоже не привлекай. Что по текущему?

— В Зингсприде Эстфардхар решил устроить для Лауры Хэдфенгер выходной в отеле «Шеррамел стар».

Почему-то это я представляю особенно ярко. Ее в купальнике, влажные волосы стекают по плечам, а над грудью красуется алый узор харргалахт. Это действительно слишком ярко — на миг, потому что уже в следующее мгновение темнеет перед глазами.

От ярости.

К счастью, Роудхорн продолжает:

— Это обернулось вспышкой ледяного пламени. Настолько сильного, что если бы она это не остановила, все побережье превратилось бы в ледяную пустошь.

— Это остановила она?

— По отчетам все именно так. И, если верить дальнейшим исследованиям, все довольно логично. Потому что сейчас состав крови

Лауры Хэдфенгер гораздо ближе к составу крови иртеханессы, нежели чем обычной женщины.

Глава 16

— Иртханессы, — повторяю я, чтобы хоть как-то уложить это в своем сознании.

Моя Лаура — иртханесса?

Я не успеваю поймать эту мысль, и теперь в моем сознании придется уложить еще одно. О том, что я только что назвал ее «моя Лаура».

— Это информация от спецслужб Халлорана, — продолжает Роудхорн, — она проходила обследование еще в Зингсприде, до покушения. Если верить источнику — кандидату медицинских наук Кэдрен Аджоу и ее коллеге с не менее ученой степенью — местру Вишуару Лагезу, в ее крови сейчас пламя. Есть еще кое-что важное. Ребенок тоже окружен оболочкой из пламени, и это отчасти напоминает...

— Формирование драконьего яйца.

— Неудивительно, что с такой силой она заморозила Зингспридское побережье. Чуть не заморозила.

Ее кто-то учил управлять пламенем?

Я смотрю сквозь Роудхорна.

— Есть один интересный момент, ферн Ландерстерг.

Теперь — на него.

— Этого нет ни в одном отчете, но у меня было время заняться этим делом вплотную. Кое-что местр Халлоран явно хочет оставить в секрете. И это что-то — его племянник.

— Насколько я знаю, у Энтар Халлорана нет детей.

Энтар Халлоран — младший брат Рэйнара, который недавно женился и пока не обзавелся наследниками. Если только Роудхорн говорит не о...

— Вэйдгрейн Гранхарсен, — он тут же подтверждает мою догадку. — Ребенок был рядом с Лаурой Хэдфенгер, когда отступило пламя.

— Ребенок. Сколько ему сейчас?

— Скоро будет шесть.

Но я прекрасно знаю, что сила иртханов не измеряется возрастом. Кому как не мне это знать.

— Какая-то конкретика есть?

— Нет, — Роудхорн качает головой, — но Танни Гранхарсен была беременна, когда ее похитили, и когда насильно влили ей кровь пустынного. Не думаю, что это прошло без последствий.

Однозначно не прошло. Историю Танни Гранхарсен знал весь мир, но вряд ли я бы о ней задумался, если бы не услышал то, что услышал.

— Отличная работа, — говорю я.

Разворачиваюсь, чтобы вернуться к Халлорану: я дал ему достаточно времени, а с такой информацией, которая у меня есть сейчас, разговор будет вести гораздо проще.

— Я взял на себя смелость еще раз проверить информацию по Юргарну Хэдфенгеру.

А Роудхорн, оказывается, полон сюрпризов. Когда Хэдфенгер умолял не высылать его из страны, он говорил, что представители оппозиции реформы пытались вести с ним переговоры, и что он отказался. Информация от Стенгерберга была совершенно иная, равно как и фото с повторной встречи.

Что еще там можно было проверять?

Тем не менее я развернулся к Роудхорну.

— Слушаю.

— Он действительно встречался с представителем партии оппозиционеров два раза. И вот по какой причине, — Роудхорн протягивает мне планшет.

Я листаю информацию и досье. Стенгерберг скрыл от меня тот факт, что в самом начале своей карьеры Юргарн Хэдфенгер выступал защитником проворачивающего электронные махинации с деньгами бывшего работодателя хакера. Дело он выиграл, оно было среднестатистическим, не нашумевшим, но именно с тех пор началось его восхождение по служебной лестнице. Отдельно был интересен тот факт, что Юргарн Хэдфенгер знал о виновности своего подопечного, и что щедрым был не только его официальный гонорар.

— Каким-то образом это всплыло на той стороне, — комментирует Роудхорн, но я уже и сам это вижу. — Оппозиция пыталась шантажировать Хэдфенгера, поставило его перед фактом —

но он отказался с ними работать. Это произошло на второй встрече, на которой он должен был дать ответ.

Я вижу записи и расшифровки разговоров, подтверждающих это, и сейчас меня гораздо больше интересует кое-что другое. Стенгерберг не из тех, кто «пропускает» такие детали, но и Хэдфенгер... этот ползающий у меня в ногах человек — почему промолчал он?!

— Свяжись с Крэйдом, — говорю я. — Пусть возьмут Стенгерберга под стражу до моего возвращения.

Роудхорн кивает.

— И организуй мне сопровождение и транспорт до дома Хэдфенгера.

Приятным этот разговор для него точно не будет.

В Аронгаре, а если быть точным, в Зингсприде, квартира у Хэдфенгеров попроще. Я это понимаю, стоит мне оказаться в холле, а еще я понимаю, что все — начиная от самого Хэдфенгера, который всерьез думает, что я ничего не чувствую на уровне звериных инстинктов и заканчивая его высокомерной ледяной палкой по имени Ингрид и их дочерью — меня ненавидят. Боятся. И подсознательно — очень подсознательно, хотя сами в это не верят — надеются на то, что я пришел что-то изменить в их жизни. Например, сказать, что они прощены и могут вернуться, и что я устрою все в точности так же, как было до этого.

Дизайнерскую деревянную мебель, например, вместо непривычных стекла и металла. Огромные метражи, на которых можно в гратхэнд играть.

— Хотите чего-нибудь? — интересуется ледяная палка, и сразу видно, что будь у нее возможность, она бы сыпанула в мой кофе по меньшей мере слабительного.

— Да. Поговорить с вашим мужем. Наедине.

Ингрид и Сильвана исчезают, как по волшебству. Хэдфенгер, напротив, продолжает смотреть на меня:

— Прости, здесь у меня нет кабинета. Так что придется говорить прямо в гостиной.

В его словах звучит откровенный и слишком явный упрек. Признаюсь честно, мне на него плевать. На него и на его упреки — просто некоторые люди (будем политкорректны, иртханы такие тоже

есть) очень любят перекладывать ответственность за свою жизнь на других.

— Значит, пойдем в гостиную. Роудхорн, подождите нас в общем холле.

Мергхандары выходят, а Хэдфенгер морщится.

— Роудхорн?! Сэфл Роудхорн?!

До сих пор воспринимавший мергхандаров за моей спиной серой безликой массой, он сейчас вглядывается в закрывшуюся дверь, как будто может что-то увидеть сквозь нее.

— Все меняется, Юргарн, — отвечаю я и киваю в сторону гостиной.

Как бы ни была велика моя неприязнь к этому человеку, я не собираюсь унижать его еще больше.

В гостиной мебель жметса друг к другу. Настолько, что даже светлый тон не спасает, равно как и ведущая на второй этаж лестница, заканчивающаяся небольшой площадкой и единственной дверью. Мы устраиваемся в креслах, разделенных журнальным столиком, на котором лежит планшет, и я достаю свой.

— О чем ты хотел поговорить?

— Об этом, — открываю «исследования» Роудхорна и протягиваю Хэдфенгеру.

Один взгляд — и он резко бледнеет.

— Как ты узнал?.. — эти слова срываются с его губ, наполненные липким сочащимся из всех пор страхом.

Чего же ты так боишься, Юргарн Хэдфенгер?

— У меня встречный вопрос: почему я об этом не узнал от тебя? Сразу.

Он открывает рот, закрывает. Потом кладет руки на подлокотники и откидывается назад.

— Я не обязан с тобой ни о чем говорить. Я теперь живу по законам Аронгары, и...

— У тебя вид на жительство, — прерываю его я. — Гражданство ты еще не получил. Поэтому я просто повторяю свой вопрос. Всего один раз. Почему ты мне ничего не сказал?

— Я не стану говорить без своего адвоката, — продолжает хорохориться Хэдфенгер.

— Хорошо. Признаешься в государственной измене при адвокате, — говорю я. — После чего я потребую твоей выдачи в Ферверн. Тебя и твоей семьи в полном составе. Кстати, Даргел Хэдфенгер имеет какое-то отношение к твоим теневым контактам?

— Нет! — резко выдыхает он. — Это не то, о чем ты подумал!

— Я ни о чем не успел подумать, Юргарн, — говорю я. — Просто сопоставил факты и пришел к закономерному выводу.

— Я не знаю, кто им слил эту информацию, — после долгого молчания, наконец, произнес он.

— Кому — им?

— Оппозиции. Это было дело, которым никто особо не интересовался, и я влез в него всего один раз. Тем не менее они это раскопали, вытащили на свет, и... — Хэдфенгер посмотрел в сторону. — Пришли ко мне с предложением. Такое пятно на репутации никому не нужно, особенно перед вступлением в должность. Так они мне сказали. Дали время подумать. Я отказался. На второй встрече я отказался с ними работать.

— Ты, видимо, плохо расслышал мой вопрос, Юргарн. Мне не нужны твои оправдания, мне нужен твой ответ — почему ты ничего не сказал мне?

— Потому что они обещали убить мою жену.

— Кто — они? — холодно интересуюсь я. — Мы были партнерами, Юргарн. Не осталось ни одного вопроса в мире, с которым ты не мог бы прийти ко мне — даже после случившегося. В том числе вопроса о безопасности твоей семьи.

— И ты бы стал меня слушать? — усмехается он. — После того, как я просил тебя не высылать меня из страны, а ты просто вышвырнул меня за дверь?

— Если бы ты сказал, что Ингрид нужна защита...

— Не Ингрид, — он судорожно вздыхает, ссутуливается в кресле и разом становится старше лет на десять. — Оррис. Она жива. И, вероятно, она у них.

Если что-то в этой жизни еще могло меня удивить, это только что было озвучено.

— У кого? — уточнил я. — У тех, кто пришел к тебе с предложением?

— Если бы. У тех, кто запретил говорить с тобой на эту тему. Сразу после того, как на меня вышли представители оппозиции и случилась первая встреча — на которой меня просили выступить противником твоей реформы, со мной связались. Это была очень странная связь, не оставившая ни следа на моем ноутбуке, подтвердить которую я никак не мог. Звонок в мессенджере исчез без следа. Они сказали, что, если я хотя бы слово скажу об этом, Оррис умрет. Мгновенно. И как бы крута ни была твоя служба безопасности, они все равно узнают о моем проколе раньше, и никто не сможет ей помочь. Я все время пытался понять, какой им от этого толк, и не мог. Если они хотели, чтобы я работал с оппозицией, все это было слишком сложно.

— Значит, тот, кто вышел с тобой на связь от партии оппозиции, шантажировал тебя не совсем честным делом? А впоследствии — некто неизвестный — жизнью Оррис?

— Да.

Я касаюсь наушника.

— Роудхорн, проверьте того, с кем встречался Хэдфенгер. Выясните, кто он, когда примкнул к партии противников реформы. Срочно. Передай информацию Крейду и поставь ее в приоритет.

— Сделаю.

Отключаю связь и смотрю на сидящего передо мной старика — сейчас его по-другому даже язык не поворачивается назвать.

— Рассказывай, — говорю ему. — Все. Подробно. Как так получилось, что ты женат повторно при живой жене?

— Живой... — он усмехается, а потом опускает глаза. — Мы не планировали второго ребенка. Мы с Оррис не слишком-то преуспели в жизни в тот момент. Чтобы ты понимал, у нас был Даргел, но дела шли не очень, моя практика не раскачивалась, ее работа секретарем закончилась, когда начальник полез ей под юбку. Когда ее уволили, с деньгами стало совсем туго.

— Тогда тебе подвернулось дело того хакера?

— Да. Набл с ним, — Хэдфенгер махнул рукой. — Я взялся за него не из-за взятки, та сумма была ничтожно маленькой, чтобы ради нее рисковать. Я взялся за него, потому что не было ничего другого.

— Ничтожно маленькой? — я хмыкнул, глядя на сумму с шестью нулями.

— А это не взятка. — Хэдфенгер обхватил себя руками, как если бы его знобило. — Точнее, все так подумали — могли подумать. Именно тогда я понял, что оппозиционеры никак не связаны с теми, кто обещал убить Оррис.

Это пока что открытый вопрос.

— Потому что они не знали, что это — ее гонорар.

— Гонорар за что?

— Клинические испытания. — Юргран снова посмотрел мне в глаза. — Нам предложили принять участие в клинических испытаниях нового препарата. Точнее, ей предложили. Нужны были женщины. У нас были долги. Кредиты. Даргела собирались отчислить из садика, потому что мы просрочили оплату на два месяца. Она согласилась. Она пошла на эти набловы испытания, потому что иначе...

Он сделал паузу, потом продолжил.

— Вот только она не знала, что беременна. Мы предохранялись. Срок был слишком маленький, анализы ничего не показали — или нам нарочно об этом не сообщили, но суть в том, что когда Оррис прошла курс, выяснилось, что она на втором месяце.

Желание придушить его своими руками я подавил.

— До того, как тебе начали угрожать жизнью Оррис, — сказал я очень тихо, — прошло много времени. В частности, когда ты отправлял мне резюме своей дочери — и ничего об этом не сказал.

— О чем я должен был сказать?! Лаура — нормальная девочка, у нее все в порядке со здоровьем, я...

— Она становится иртеханессой, — я подался вперед, и Хэдфенгер резко отпрянул. Вжимаясь в спинку кресла, затравленно посмотрел на меня. — Что за препарат?! Где проходили испытания?! Где сейчас Оррис?

— Я... — он открыл рот и снова его закрыл. — Я...

Я сжал ладонь, в которой под чешуей заструилось пламя, в кулак. Перчатка недолго продержится, если прямо сейчас не взять себя в руки.

— Лаура знала об этом?

— О чем? — переспросил он. — Об испытаниях?! Разумеется, нет! Оррис в коме с самого дня родов, и я думал... я решил, что так будет лучше...

Я поднялся. Шагнул к нему, и в этот момент снова пикинул наушник.

— Ферн Ландерстерг, откройте, пожалуйста, ссылку.

Ссылка от Роудхорна на моем смартфоне вела на соцсеть. Я коснулся ее, и динамик ожил знакомым голосом:

— Всем привет. Меня зовут Лаура Фил, но когда-то я была Лаурой Хэдфенгер. Хэдфенгер — фамилия, которую дал мне отец, но с некоторых пор я больше ей не являюсь. С того дня, как я отказалась выходить за Торнгера Ландерстерга, моя жизнь превратилась в череду переездов и бесконечных интриг.

Светлые волосы, без укладки, растеклись по плечам, по больничной рубашке.

За спиной — палата.

И взгляд — прямо мне в глаза.

В грудь словно ударила Ледяная волна, а следом за ней — собственное пламя. Пламя, которое поднималось по позвоночнику, разрастаясь внутри, мешая дышать нормально, не превращая изнутри в лед, а интоксикацией отравляя каждую клетку тела.

— Когда-то я думала, что все это возможно только в приключенческих фильмах и книгах. Несколько месяцев назад я была одной из самых обычных студенток: я заканчивала Хайрмаргский Государственный Университет по специальности «Экономика и маркетинг». Я строила планы и думала о том, куда отправлять свое резюме, когда получу диплом. Меня пригласили на кастинг в шоу «Эрвилль де Олис»: это было моей мечтой долгие годы. Моя мама хотела стать Соурской чемпионкой, но получила серьезную травму. Обо всем этом мне рассказал отец. Так же, как и о том, что она отдала за меня свою жизнь — когда встал выбор между спасением меня и ее, она выбрала меня. Точно так же я сейчас выбираю своего ребенка.

После всего, о чем мы только что говорили с Хэдфенгером, слышать это вдвойне сложно, а желание придушить застывшего в кресле ее отца становится еще сильнее. Впрочем, после всего отцом его назвать сложно. Чьим бы то ни было, не только ее.

— Я узнала о том, что беременна, когда уехала из Ферверна. Я уехала из Ферверна, потому что не могла дольше оставаться с мужчиной, которому нет до меня никакого дела, и до которого я

пыталась достучаться всеми возможными способами, пока не сдалась. Однажды я сдалась. Но больше не сдамся.

Если собственное пламя отравляет кровь, то эти слова падают в нее как раскаленные камни. Один за другим.

— В Рагране я хотела начать новую жизнь. Я хотела просто жить, спокойно выносить и родить своего малыша, увидеть его первую улыбку, поддержать на руках — тогда как его отец считал меня недостойной быть матерью и прислал ко мне тех, кто должен был принудительно вывезти меня в Ферверн. Мне помогли этого избежать, но у этой помощи была своя причина.

Если бы я не знал, что это невозможно — на мне с детства не работает никакое ментальное воздействие — то подумал бы, что это именно оно. Иначе объяснить то, что я не могу отвести взгляда от ее глаз, было сложно. Впрочем, уже в следующий миг у меня получилось: Лаура неосознанным жестом поправила волосы, и взгляд скользнул за тонкими пальцами, которые она сцепила на столике-подставке, вмонтированном в подлокотник больничной койки.

— Спецслужбам Раграна было выгодно держать меня при себе, когда они узнали о моем положении. Они убили девушку, которая могла выдать мое состояние — ее звали Лари Эрро, и у нее была своя студия танцев. Когда власти Раграна решили, что им выгодно отдать меня в Ферверн, мне снова помогли бежать — на этот раз в Аронгару. Чтобы на следующий день прийти за мной с целью уничтожить меня и мою Льдинку. Так я называю ту, кого уже сейчас люблю больше жизни.

«Так я называю ту, кого уже сейчас люблю больше жизни».

В этих простых словах не было драмы или надрыва, да по большому счету, в них не было вообще ничего, за что можно зацепиться — и именно этим они цепляли. Спокойствием, уверенностью и простой незамысловатой искренностью признания в любви тому, кто еще не родился.

— Сейчас я нахожусь в закрытой клинике, и мне предлагают инсценировать собственную смерть, чтобы избежать международного конфликта. Я не хочу международного конфликта. Я не хочу больше жертв. Я беременна первенцем главы Ферверна, и у меня хотят отнять мою жизнь и моего ребенка. Поэтому я сейчас обращаюсь ко всем, кто меня видит и слышит. Ко всем, кто только готовится стать матерью или

отцом, или уже стал. Я просто хочу жить и растить свою дочь. Помогите мне избежать участи безвольной куклы политических интриг.

Пламя в моей крови перестало жечь, и неудивительно: сейчас оно кристаллизовалось льдом, застывая прямо в венах. Хорошо, потому что то живое, что было во мне несколько секунд назад, сейчас способно было уничтожить не только Зинспридское побережье, но и изрезать весь город льдами и снегом.

— Помогите мне вернуть мою жизнь и свободу. Поддержите меня в сети — чем больше людей узнает правду, тем больше шансов, что меня и Льдинку не разлучат. Я отправляю это видео, и я не знаю, сколько оно просуществует. Но надеюсь, достаточно, чтобы мою историю узнал мир.

Лаура потянулась вперед, и выключила камеру, но даже в черном прямоугольнике, который сейчас перечеркнул дисплей, я по-прежнему видел ее лицо.

А вот мое, судя по всему, было страшным, потому что Юргарн Хэдфенгер — стоило мне к нему повернуться, отпрянул, наткнулся на кресло и только чудом, уцепившись за спинку, не свалился в него.

— Торн...

— Собирайся, — очень спокойно сказал я. — Ты возвращаешься в Ферверн.

— Ты не имеешь пр...

Я вплотную шагнул к нему, и его голос оборвался.

— Ты поедешь в Ферверн. Ты и твоя семья. Поедете по своей воле или под арестом. Решать тебе. Роудхорн, — я коснулся наушника, — проследите за тем, чтобы семья Юрграна Хэдфенгера через час была в Хайрмарге.

— Я вам не потребуюсь на месте? — спросил он, стоило мне выйти за дверь.

— Нет, я все решу сам. Уверен, что ты отбирал лучших из лучших.

Сопровождению, которое выдвинулось за мной, сейчас приходилось прикладывать все усилия, чтобы не отставать. Я бы очень хотел, чтобы во мне оставался только вымораживающий сердце лед, под которым я принимал решения, но каждый раз когда в сознании

звучали ее слова: «Так я называю ту, кого уже сейчас люблю больше жизни», — что-то внутри трескалось.

Опасно.

Как бегущая по леднику трещина способна привести к катастрофе, то же самое сейчас происходило со мной.

Какой нужно быть продуманной, чтобы озвучить сейчас все то, что я слышал? Между делом ввернув фразу: «Так я называю ту, кого уже сейчас люблю больше жизни».

Или не продуманной, а отчаянной. Отчаявшейся.

Отчаявшейся настолько, чтобы разом бросить вызов всем.

Как бы там ни было, сейчас я не мог позволить себе об этом думать, равно как и снова, раз за разом, впитывать отрезвляющий яд тихих слов.

Перелеты до и от телепорта для меня слились в какой-то единый смазанный фон, во время которого я общался то с Роудхорном, то с Кадгаром (кажется, впервые со дня нашего знакомства мой невозмутимый пресс-секретарь был близок к тому, чтобы уволиться). Секретарь Халлорана бросилась мне наперерез, стоило мне появиться в приемной, а вальцгарды подобрались.

— Назад, — скомандовал я, и пламя приказа, ударив в сознание иртханов, заставило их расступиться.

— Ты что себе позволяешь? — Халлоран поднялся мне навстречу, и его пламя врезалось в мое с силой атакующего дракона.

— Встречный вопрос, — холодно произнес я. — Я не боюсь рассказать всем о том, что вторгся на твою территорию драконом, чтобы забрать женщину, которая носит моего первенца. А ты — расскажешь о том, что предложил ей «умереть», чтобы избавиться от меня? И с какой целью? Возможно, для идеального брака с твоим племянником, Рэйнар? Способным остановить силу закрывающего побережье льда.

Пламя все-таки прорвалось в его глаза, радужку располосовали зрачки хищника. На мгновение: Халлоран тут же потушил его прищурился:

— Я никогда не боялся отвечать за свои решения и поступки. Не побоюсь и сейчас.

— Мне плевать на твои решения и поступки. Мне нужна Лаура, и я ее заберу.

— Я вынесу это на рассмотрение Мирового сообщества, Торн. Мы этого так не оставим.

— Мне совершенно без разницы, кого и куда вы вынесете. Организуйте мне сопровождение к Лауре и моему первенцу. Иначе завтра — как она и сказала, или, позволь — это с твоих слов? Международный конфликт перейдет в войну. Возьмешь на себя ответственность за такое решение, Халлоран?

Какое-то время в кабинете царила тишина, только от напряжения бьющегося о стены ментального пламени — алого и синего, внутри скручивалась тугая пружина.

До той минуты, когда Халлоран коснулся панели вмонтированного в стол коммуникатора.

— Проводите ферна Ландерстерга к ферне Хэдфенгер, — произнес он. И добавил, когда отключил связь: — Мы не закончили этот разговор, Торн.

— С тобой мне больше говорить не о чем.

Путь до клиники показался мне слишком долгим — потому что струящееся под чешуей пламя билось в каждом движении руки и каждом вздохе. Слишком коротким — потому что я совершенно ни на чем другом не мог сосредоточиться и не представлял, чем эта встреча для меня обернется.

Для меня?

Или для нас?

Мельтешение коридоров, очищающая капсула, лампы и дверь. Я отмечал и выхватывал какие-то детали по привычке, но стоило мне шагнуть за дверь, все они стерлись. Лаура стояла у окна, сжимая в руках смартфон, будто от него зависела ее жизнь.

Услышав шаги, обернулась.

Резко.

И вздернула подбородок.

Конец